

European Journal of Literature and Linguistics

Nº 1 2016

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2016**

European Journal of Literature and Linguistics

Scientific journal

Nº 1 2016

ISSN 2310-5720

Editor-in-chief

Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology

Marszałek Paulina, Poland, Doctor of Philology

Montoya Julia, Spain, Doctor of Philology

Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology

Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Literature and Linguistics is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Linguistics

Barbora Vinczeová,
Matej Bel University
E-mail: Vinczeova.barbora@gmail.com

On the formation of colloquial neologisms in the area of contemporary TV shows' audience

Abstract: In this paper we aim to explore the word-formation processes of colloquial neologisms relating to the audience of contemporary TV shows. Our research focuses on the scripted TV series, which were released or airing after the year 2010. Prior to the nature of television series, which is to appeal to the masses, many new words were created by the viewers. These words most commonly denote the audience of a particular TV show and may be considered colloquial neologisms. The word-formation processes of such words include mostly blending, affixation and shortenings resulting from the morphological, semantic or phonological bases.

Keywords: colloquial neologisms; TV shows; popular media; word-formation processes.

1. Introduction

The 21 century is an era of technology. The demand for movies and television shows has never been higher — as a proof, many television networks offer the viewers the possibility to watch movies and television shows on demand. As a consequence, the viewers have infinite possibilities to watch their desired television show. They also have almost an infinite number to pick from — the popular media agree the number is perhaps too high. “1,715 TV series aired in 2014” [1, 1] and all 1,715 were TV shows, not movies, airing in primetime.

All these television shows have viewership. This factor influences whether the show gets renewed for another season, or cancelled. If the ratings are low, the chances of cancelling are higher. In other words, we are talking about popularity, which is based on the audience of the specific television series. It is the audience we are most interested in — what are people's lexicological reactions to new stimuli in form of television series? What words do they create, and how, in relation to popular media?

2. Word Formation Processes in English

To talk about word formation processes, we must firstly define what are they and what kinds do we generally recognize. There are many ways a new word may come into being; generally, we recognize the most common:

- *Acronymy,*
- *Affixation,*
- *Clipping,*
- *Compounding,*
- *Blending,*
- *Borrowing,*

- *Back-formation,*
- *Word coinage,*
- *Reduplication*
- *Functional shift* [2, 7–11; 3, 99–112].

2.1. *Acronymy* is most commonly defined as a “word formed from the initial letters of two or more successive words, e. g. ASH (Action on Smoking and Health)” [4, 8] and it is considered a type of blending. Words created by acronymy are usually pronounced as one word, however, there is also a type of *alphabetisms* [2, 8] pronounced as sequences of letters. It is a subtype of shortening.

2.2. *Affixation* is a word process, through which new words are created with the help of a prefix, suffix or infix.

2.3. *Clipping* is a word-formation process which reduces the longer form of a word to a shorter one. Rumšienė [4] mentions the example of a *fan*, original word being a *fanatic*. Like acronyms, it belongs under the type of lexical shortening.

2.4. *Compounding*, now regarded as the most productive word-formation process [4], is simply put, the ability of language to form new words from the already existing words.

2.5. *Blending* is defined as a “coinage of a new lexeme by fusing parts of at least two other source words of which either one is shortened in the fusion and/or where there is some form of phonemic or graphemic overlap of the source words” [5, 639]. Blending is a common word-formation process, and its results often become words used in everyday speech.

2.6. *Borrowing*, as the word itself suggests, means loaning or borrowing words from other languages, as, for

example, “tango, mango, taco, burrito from Spanish; fiancé, very (adapted from Old French *verai*), garage from French; pizza, mafia from Italian” [2, 9]. Consequently, we talk about borrowed words or loanwords.

2.7. *Back-formation* means deleting the affix of a certain word, which consequently becomes a new word. “Verbs peddle, edit, hawk, enthuse, stoke, swindle, televise, donate, sculpt, buttle have been created from the pre-existing nouns peddler, editor, hawker, enthusiasm, stoker, swindler, television, donation, sculptor and butler” [2, 10].

2.8. *Word coinage* basically means creating new words to denote a certain thing. Whether intentional or unintentional process, word coinage is often related to brand names, such as *Kodak* or *Xerox*.

2.9. *Reduplication* is “based on the combination of two phonetically identical or similar morphemes or pseudomorphemes” [3, 112].

2.10. *Functional shifts* occur when there is no derivation included, however, the word *changes its meaning* or received an *additional meaning* through “changing or converting its original grammatical class to another class” [2, 10].

3. Neologisms and Television Shows

Our research focused on new words relating to the specific television series. We noticed a trend of “fans” grouping on social networks and creating new names for themselves as fans of a particular show. Suddenly, ever creators, writers, and directors of TV shows were using these new words for their audience — there were *Fannibals* (Fans of Hannibal) or *Whovians* (Fans of Doctor Who).

We researched 100 TV shows, choosing them according to IMDB’s list of Most Popular TV shows of years 2010–2015. Mostly, we focused on social networks, where we searched for such words, whether used by the directors, or the “fanbase” of a particular show. Of course, not every television show is suited for word play, or creating new words. Some are more prone to blending, others to acronymy. Some do not follow this trend — the viewership simply calls themselves *fans of XY*. It is also possible we did not find all cases of new words related to the viewership of a certain TV series. We include those we found on the social network Facebook and on the official pages on the specific TV show, also on so called “fanpages” and groups relating to the specific TV series.

3.1. Affixation

The television shows in this category have similar pattern of creating word for their fans through affixation. Mostly, the suffix denoting plural *-s* is usually added. Also, other suffixes are used, such as *-vian*, *-ian*, *-ites*, etc. TV shows with affixation as a primary process for creating new words for the fans are listed here.

Doctor Who

Perhaps the most popular British TV show first aired in 1963 and its audience, or the fans of Doctor Who call themselves *Whovians*. Interestingly enough, this term is obviously so common that it was listed in the Oxford Dictionaries as an informal term for a “fan of the British science fiction television series Doctor Who” [6, 1]. From lexicological point of view, the word *Whovians* is created partly by word coinage, which can be said for most of our cases. However, we can see that the root of the word is *Who*. With the addition of a suffix *-vian*, we get a new term similar to e. g. *Barrovian*, *Peruvian*. Primarily, the word process is suffixation.

Sherlock

Airing since 2010, *Sherlock* is a re-imagination of the classic story. The audience calls themselves *Sherlockians*. While the adjective *sherlockian* is derived from the name of the main protagonist, and is commonly used [7, 1], the suffix *-s* denoting plural refers to the fans. The term *Sherlockian* as a singular is also found in the Urban Dictionary [8] as a “quick and simple way of naming a fan of Sherlock Holmes”. The word-formation process is therefore suffixation.

Game of Thrones

Game of Thrones has many fans and interesting fact about the audience is that it refers to itself as both *Thronies* and *Watchers on the Wall*. While the former is a derivation from the word *throne*, adding the suffix *-y* (*Throny*) and the plural *-s* (*Thronies*). The lexicological process is word coinage through suffixation. In this case, we also find an entry on *Throny* in the Urban Dictionary [9] as “an obsessive fan of HBO’s *Game of Thrones* TV series.”

Haven

A fantasy TV show with the audience calling itself *Havenites*. Again, we have a case of suffixation to the root *Haven* with the suffixes *-ite* and the plural *-s*.

Outlander

A series based on books, *Outlander* with the viewers calling themselves *Outlanders* seems like another example of suffixation by the morpheme denoting plural *-s*. This is true; however, we must mention the semantic implications of the word *outlander* in the context of the books/TV show — an *outlander* is not only a foreign person, but a person from another time, since one of the themes is time-travel. Therefore, the basis for using this word is also semantic, not only morphological.

Nashville

The case of *Nashville* and its *Nashvillers* is the same as with the previously mentioned *Havenites* or *Outlanders* — the suffix *-er* suggests a person involved with *Nashville*, with the plural *-s* denoting the fans.

Grimm

A TV series focusing on supernatural fantastical events, *Grimm* audience, *Grimmsters*, fall into the category of TV shows which simply use the process of suffixation to create a word to denote their fans. With the addition of *-ster*, the word does not change the word class.

Blindspot

A case like *Grimm*, the fans of *Blindspot* call themselves *Blindspotters*. Again, we notice suffixation without the change of the word class.

3.2. Semantic broadening

Television shows which use words created by semantic broadening for their audience are listed here. Usually, the meaning of an already existing word is shifted, however the word class remains unchanged. This process is often combined with suffixation of a plural *-s*. It is not the primary word-process in the following cases.

Suits

A comedy-drama focusing on the area of law and the world of lawyers, *Suits* is well-liked. The audience of the TV show calls itself *Suitors*. While this term is partly a derivation from the root *Suit-s*, we must not forget that *suitor* is a word by itself. The neologism is not based only on lexicological grounds, but semantics also plays a role. *Suitors* is a fitting term relating to the aspect of the show which focuses on the two leading male characters, who are often idolized by the audience, therefore the term *Suitors*. The process of word-formation is, again, suffixation, but we suggest that it be also *broadening*, as the word's meaning shifts to include a new thing. Broadening, "or generalization (also known as extension or broadening, is the employing of a word or phrase in more diverse contexts than its historical application)" [10, 714]. We do not consider conversion, because the word class remained the same.

Game of Thrones

Watchers on the Wall have semantic rather than morphological origins. Primarily, it is a term invented by the author of the book *George R. R. Martin* to denote men who guard the kingdom from evil forces. Borrowed and used in a different sense, the term *Watchers on the Wall* had its meaning broadened, therefore we speak about semantic broadening.

Gotham

Related to the movies about *Batman*, the TV show *Gotham* does not have a term referring to the fans based on morphological word formation. However, there is semantic basis for the denotation *People of Gotham*, as the phrase has been used in the mentioned *Batman* films and its meaning has broadened to include the audience

of the new show. Therefore, we talk about semantic broadening of the phrase.

3.3. Blending

Perhaps the most interesting group of words, the neologisms falling into this group usually emerge as a result of the word-formation process which usually takes two words and combines them into one. Often, there is a combination of a certain word with the word *fan*, e. g. *Donofans*, *Fannibals*. Again, the suffix *-s* is commonly added to denote the plural.

Hannibal

Hannibal had many fans, who perhaps unsurprisingly call themselves *Fannibals*. *Fannibal* is "a person who greatly enjoys reading about or watching the fictional character Hannibal Lecter, created by Thomas Harris" [11]. In this case, we have two words: *Fans* and *Hannibal*, forming a *Fannibal* through blending. The phonetic aspect of the name and nature of *Hannibal* also plays some role. In the novels and TV shows, the character of *Hannibal* is a cannibal. Following the patters of this rhyme, *Fannibal* emerged as a denotation of the audience.

Veep

Veep calls its fans *Veeples* — an outcome of blending which is almost called for in case of having words *veep* and *people*. Not only do the vowels produce similar, if not identical sound in case of *-ee* (in *veep*) and *-eo* (in *people*), but also thanks to this phonological resemblance, there is a partial rhyme if we take *veep* and *peop* (*le*), which even end with the same consonant *-p*.

Ray Donovan

The audience calls itself *Donofans* — notice the partial clipping, omitting the first name *Ray*. The word-formation process is only applied to the second word, *Donovan*. This is a case where, as previously, the words are "meant" to be blended: *Donovan* and *fan* have similar phonological aspects, regarding the pronunciation of the last syllable *-van* and the word *fan*. Consequently, the suffix *-s* is added.

The Goldbergs

Goldbergs is a comedy which has the main character described as "geeky," making it perhaps easier to understand why the audience calls itself *Goldnerds*. The word-formation process is interesting: it is another type of blending, the words *Goldbergs* and *nerds* creating a new word. The choice of the word *nerds* might be interpreted as related to the "geeky" aspect of the show, as the words *geek* — "An unfashionable or socially inept person" [12] and *nerd* — "A foolish or contemptible person who lacks social skills or is boringly studious" [13] have similar implications.

3.4. Word coinage

Not based on morphological derivation from the existing title of the TV show, word coinage is related to semantic transfer. The two television shows listed here follow the same pattern of creating new words to denote their audiences. We assume that alliteration is present in both cases because the new words must be easy to pronounce, easy to use in everyday conversation and to a certain degree, are humorous in the context.

The Strain

Instead of morphological word-formation processes, we noticed a trend of the fans calling themselves *Master's Minions*. The process of using this term has a semantic basis — the plot of the TV show indeed focuses on a master vampire and his “minions”, or slaves. The term was therefore coined to fit the purposes of finding a word to denote the fans of the TV show. Notice the repetition of the first consonant in *Master's Minions*, an alliteration which is also typical for the following TV series, *Orphan Black*.

Orphan Black

The denotations for the audience of *Orphan Black* bear similar resemblances to that of *The Strain*. While, again, we have no morphological word process, the fans call themselves *Clone Club* — again, a term based on semantic implications, as the main characters “the clones” form a sort of an alliance. Therefore, the audience created

this term, in which we can observe alliteration: *Clone Club*, just like in the case of *Master's Minions*.

3.5. Clipping

We found only one example of clipping, which reduces the title of a TV show to one word, consequently adding a suffix of plural.

Penny Dreadful

A name of a TV show derived from “penny dreadfuls” sold in the past as frightening “stories of adventure, initially of pirates and highwaymen, later concentrating on crime and detection” [14, 1]. *Penny Dreadful* falls into fantasy-horror genre. The fans often refer to themselves as *Dreadfuls*, creating this term by clipping. Therefore, the first word *penny* is omitted, leaving only *dreadful* with the addition of the suffix *-s*.

Conclusions. Based on one hundred contemporary TV shows, we present the ways new words emerge in relation to the audience of TV shows. These words are belong to the colloquial English; however, sometimes they find a way into a dictionary as in the case of *Whovians*, or a dictionary of slang words like *Urban Dictionary*.

The most common way of creating new denotations for the fans is suffixation, partly because some fans only add the suffix of a plural *-s* to refer to themselves. Next, semantic broadening and blending are quite common, while word coinage is less frequent, but follows the same pattern of alliteration. We found clipping only in one instance.

References:

1. Fallon Kevin. There's Too Much Damn TV. – 2015.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.thedailybeast.com/articles/2015/01/21/there-s-too-much-damn-tv.html> (October 10, 2015).
2. Zapata Becerra A. A. Handbook of general and applied linguistics. Trabajo de Ascenso sin publicar. – Mérida, Venezuela: Escuela de Idiomas Modernos, Universidad de Los Andes, 2000.
3. Štekauer Pavol. English Word Formation: A History of Research (1960–1995). – Gunter Narr Verlag Tübingen, Chapter 3. – 2010.
4. Rumšienė Goda. Word formation patterns in internet english: neologism glossary. – Kaunas, 2009.
5. Gries Stefan Th. Shouldn't it be breakfunch? A quantative analysis of blend structure in English.//Linguistics. – 2004. – (42)3: 639–667.
6. Whovian [Def. 1]. (n. d.). In Oxford Dictionaries.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.oxford-dictionaries.com/definition/english/Whovian> (Retrieved October 24, 2015).
7. Knox Monsignor Ronald A. Studies in the Literature of Sherlock Holmes. – 1911.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.diogenes-club.com/studies.htm> (October 12, 2015).
8. Sherlockian [Def. 1]. (n. d.). In Urban Dictionary.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Sherlockian> (Retrieved October 28, 2015).
9. Throny [Def. 1]. (n. d.). In Urban Dictionary.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=throny> (Retrieved September 29, 2015).
10. Kaburise Phyllis And Klu Ernest. Semantic Broadening and Its Implications for Meaning: The Case of English at the University of Venda in South Africa.//Int J Edu Sci. – 2014. – 8 (1): 711–718.
11. Fannibal [Def. 1]. (n. d.). In Urban Dictionary.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=fannibal> (Retrieved October 14, 2015).

12. Geek [Def. 1]. (n. d.). In Oxford Dictionaries.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.oxford-dictionaries.com/definition/english/geek> (Retrieved October 14, 2015).
13. Nerd [Def. 1]. (n. d.). In Merriam Webster Online, Retrieved In Oxford Dictionaries.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/nerd>. (Retrieved October 24, 2015).
14. Flanders Judith. Penny dreadfuls. – 2015.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.bl.uk/romantics-and-victorians/articles/penny-dreadfuls> (October 15, 2015).

*Berkeshchuk Inna Stepanovna,
Kamyanets-Podilskiy Ivan Ohiyenko state university,
Candidate of Philology, Associated Professor
of Ukrainian language department
E-mail: inna-berces@rambler.ru*

Cognitive aspect of Ukrainian neologisms since the independence time

Abstract: In the proposed study considers the cognitive aspect of ukrainian language since independence. The derivatives are analyzed, their values and causes.

Keywords: world view, cognitive aspect, derivative, growth.

*Беркешчук Инна Степановна,
Каменец-Подольский национальный университет
имени Ивана Огиенка,
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: inna-berces@rambler.ru*

Когнитивный аспект новообразований украинского языка со времен независимости

Аннотация: В предложенном исследовании рассматривается когнитивный аспект украинского языка со времен независимости. Анализируются дериваты, их значения и причины появления.

Ключевые слова: картина мира, когнитивный аспект, дериват, новообразование.

По мнению ученых, исследующих современные деривационные процессы, «начиная со второй половины XX в., активизируются новые социолингвистические и коммуникативные факторы», определяющие специфику современного словотворчества в ряде типологически близких славянских языков [3, 39]. В результате возросшего влияния различных событий на коллективное сознание носителей языка, на существующий вербальный узус, «узус репрезентативного языкового употребления становится открытым для включений из узуса повседневного, непринужденного» [3, 38], из живой разговорной стихии; возрастает экспрессивность общения, «что свидетельствует о прагматической заинтересованности в обратной связи с адресатом» [3, 38]; наблюдается проявление языковой экономии, «в соответствии с которой отдается предпочтение использованию компактных семантически емких номинаций» [3, 39].

Указанные факторы определяют социокультурную специфику деривационных процессов в современном русском языке. В деривационных процессах активизируются прежде всего те аффиксы и модели, которые «передают социально и культурологически значимую семантику» [1, 139].

Внимание к исследованию мира в множественности его фрагментов и особенностям его отражения в языковой картине мира в современной лингвистической литературе актуализировалось в период последнего десятилетия.

Картина мира представляет собой фундаментальную составляющую феномена культуры и реализуется через мышление и язык, посредством которого формируются и распространяются знания об окружающем мире, порожденные этническим опытом. Именно с помощью языка культура выполняет одну из важнейших своих функций, которая заключается в наименовании всего сущего в окружающем человека

мире. Из этих составляющих мира строится его мозаичная модель.

Рассмотрим на примере украинских новообразований фрагмент национальной модели картины мира в когнитивном аспекте.

Со времен независимости украинский язык пополнился такими словообразовательными новшествами, как *автомайдан* (о выступлении мелких и средних предпринимателей против правительства Н. Азарова); *азаровщина* (место, связанное с Н. Азаровым; вымешленная местность, где правит Азаров или распространены его методы правления); *багатомовченко* (человек, который много молчит); *барменка* (женщина-бармен); *беркутовец* (сотрудник милиции спецподразделения «Беркут»); *видеохирург* (хирург, который осуществляет операции с помощью видео); *элитовец* (лицо-вкладчик кампании «Элита-центр»); *новоканаловец* (сотрудник «Нового» канала на телевидении) и т. д.

Активизация деривационных процессов в последние десятилетия привела к появлению большого количества новообразований. Не только семантика, но и структура представленных новообразований социально обусловлена: «при помощи словообразовательных средств обозначается обычно то, что является наиболее важным и ценным в сознании народа» [4, 117].

В современном коммуникативном пространстве «наиболее активно порождают новообразования социально значимые и этнические понятия, актуализирующие оценочные валентности привычных нам слов» [5, 765].

«Источником мотивации для изобретения новообразований ... являются ежедневные негативные события в стране и мире, природные катаклизмы, тяжелое положение во всех сферах социальной жизни, для обозначения которых часто не хватает существующих узуальных обозначений» [5, 765].

Предметом нашего исследования мы выбрали новообразования с префиксоидом ЕВРО-, поскольку стремление к улучшению жизни украинцев, а также политическая ситуация сегодня есть одними из факторов новообразований с этим префиксоидом. Отличительная черта современного словообразования — рост именной префиксации. Активизируются прежде всего те префиксы, которые «представляют социально и культурно значимую тематику» [1, 91].

Рассмотрим новообразования украинского языка со времен независимости с первой частью ЕВРО- и проанализируем их с точки зрения когнитивистики. Расширение международных контактов, связей со

странами европейского сообщества способствовали и способствуют активизации слов с анализируемым префиксоидом.

Большой толковый словарь украинского языка префиксоид ЕВРО- трактует как первую часть сложных слов, которые вносят значения относительно к государствам Западной Европы.

Активные контакты с Западом, возрастание в современном украинском обществе роли СМИ, и в частности телевидения, способствовали повышению продуктивности префиксоида ЕВРО-.

Рассмотрим некоторые анализируемые нами субстантивные новообразования.

Проведение ЕВРО 2012 и Евровидения побудило к образованию таких дериватов, как *евроаврал* (*аврал Евро*) — *аврал*, связанный с *Евро 2012*: **Евроаврал**: из четырех стадионов построили только два; **евронадежда** (*надежда на Евро 2012*) — *надежда*, связанная с *Евро 2012*: Лишение надежд днепрпетровцев ...; **европаломничество** (*паломничество Евро*) — *паломничество*, связанное с *Евро 2012*: О вкусном, сладком европаломничестве в Украине...; **европервенство** (*первенство Евро 2012*) — сочетание слов *первенство Евро*: В этом уверил..., который отвечает за **европервенство**; **евронеделя** (*неделя Евро 2012*) — словосочетание *неделя Евро*: Сначала объявили **Евронеделью**; **евроСердючка** (*Сердючка на Евровидении*) — *Сердючка на Евровидении*: Нет — **Евросердючке**; **евроотбор** (*отбор на Евровидение*) — *отбор на Евровидение*: Головы Леонид Черновецкий к следующему **евроотбору**?

Стремление украинцев к новой лучшей жизни, к высшему уровню жизни обусловило появление целого ряда сложных дериватов. **Евроатлантист** (*евроатлантический блок*) — *лицо-сторонник евроатлантического блока (курса)*: «Перспектива референдума мобилизует **евроатлантистов**, организует и заставит провести сильную кампанию», — цитирует слова Медведева сайт «Обозреватель»; **еврогальмо** (*гальмо*) — *препятствия на пути к Европейскому союзу*; **евродень** (*день в Европе*) — *Европейский день; день в Европе*: **Евродень** Юлии Тимошенко.

Среди анализируемых нами новообразований со времен независимости встречаются и другие лексемы на политическую тематику. Так, анализируемый нами словарь подает такие сложные существительные, как **евродепутат** (*депутат*) — *депутат европарламента*: польские **евродепутаты** начали сбор подписей о признании Голодомору–33 в Украине геноцидом; **евроинтегрант** (*евроинтеграция*) — *лицо, являющееся сторонником, участником*

евроинтеграции, ее создателем: Большинство средств массовой информации находится именно в руках «евроинтегрантов». Но все меняется... ; **евроинтегратор** (евроинтеграция) — лицо, имеющее отношение к евроинтеграции: ... Совсем недавно пощасливилось побывать на одной из неформальных вечеринок европейских дипломатов в Киеве и наших правительственных **евроинтеграторов**; **евроинтеграция** (интеграция) — интеграция в Европу или европейская интеграция: Но при всем этом европравители сказали два ключевых тезиса для Украины, достаточные для начала **евроинтеграции** официального Киева... ; **евродолжность** (должность) — должность, связанная со структурами, которые занимаются европейскими делами: Интересно, что Роговой после отставки с правительства занял место уполномоченного по вопросам европейской интеграции. Теперь он будет

тянуть государство в две разные стороны одновременно, потому что об увольнении с «евродолжности» не слышать.

Активизация заимствованных аффиксов и аффиксоидов, вовлечение в современные словообразовательные процессы слов и основ иноязычного происхождения отражают проявляющуюся в последние десятилетия в русском и других, особенно славянских, языках тенденцию к интернационализации и «амероглобализации», связанную с возрастанием на рубеже XX–XXI веков масштабов и интенсивности межкультурного и межъязыкового взаимодействия, с глобальным влиянием английского языка.

Результаты исследования открывают перспективы дальнейшего изучения проблем развития украинских новообразований со времен независимости в когнитивном аспекте, в том числе и с префиксоидом ЕВРО-

Список литературы:

1. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства. / Земская Е. А. // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – Москва: Языки русской культуры, 1996. – С. 90–140.
2. Нелюба А. Словотворчество независимой Украины. 1991–2011: Словарь / Составитель А. Нелюба. – Х.: Харьковское историко-филологическое сообщество, 2012. – 608 с.
3. Нецименко Г. П. Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы. / Нецименко Г. П. // Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych. – Siedlce, 2010. – С. 13–49.
4. Плотникова Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности. / Плотникова Л. И. – Белгород, 2003. – 177 с.
5. Шаховский В. И. Новые контекстуальные понятия российских СМИ. / Шаховский В. И. // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2007. – С. 764–770.

Garmash Olena Leonidivna,
Zaporizhzhya National University,
PhD, Associate Professor of Translation Department
E-mail: 26_lola@rambler.ru

English affixal innovations: creating and functioning in the context of globalization

Abstract: The formation of new lexical units with the help of word-building affixes represents the cases of conceptual derivation. The development of suffixal models is caused, first of all, by the processes of "mental revaluation" the derivatives of the basic compounding model. The active rates of creation of innovations with the help of affixal models exemplify such a feature of a morphological concept as universality, because of the capacious verbal content and high functional (derivative) activity.

Keywords: English innovations, affixation, derivation, concept.

The processes of public life and globalization, as in a mirror reflect in the anthropocentric mental continuum on one hand, and the vocabulary of the English

language — on the other. In this regard, researchers believe that the language world picture could be defined as a set of knowledges about the world, which reflects in

the vocabulary, phraseology, grammar and word-formation system [2, 8] and performs two important functions — interpretive and regulative [3, 25].

Thus, from the lingvo-cognitive point of view, the process of formation of new lexical units with the help of word-building affixes represents the cases of conceptual derivation. Such mental activity as conceptual derivation of affixal type determines combination of lexical and morphological concepts at the metacognitive level of human mental activity. It leads to further forming of a new lexical concept.

The easiness of mental operating of an affixal model, not only in its basic representation, but also in the representation of definite models with the elements in constant position, leads to mental actualization of an affixal derivation as one of the most ergonomic mechanisms of creating new lingvo-mental units.

It is necessary to stress, that the development of suffixal models at the metacognitive level is caused, first of all, by the processes of “mental revaluation” of the derivatives of the basic compounding model — definite models of combination of lexical concepts, in the structure of which the constant components have already entrenched.

All this confirms that we can conclude that affixation and compounding have a genetic link. Moreover, their genetic link shows the manifestation of mental processes of categorization and conceptualization. At the verbal level this genetic link is supported by that peculiarity of English language, that the monosyllabic words dominate in its vocabulary.

The active rates of creation of innovations with the help of affixal models exemplify such a feature of a morphological concept as universality, because of the capacious verbal content and high functional (derivative) activity. Scientists claim that “each affix may be regarded as the operator” [4, 132] “which fixes in a part of the derivative word its categorial affiliation or subcategorizes the output unit” (Kurbyakova 1994 (a)). So they may be considered as those, which play the role of a “classifier” [4, 132; 7] at the structure of derivative hybridized concepts.

Further, at the example of the derivative elements *-holic*, *hyper-*, *ego-*, *anti-*, *micro-*, *-scape*, *-wiki-*, *-finder*, *-phobia*, we’ll illustrate the reproducibility of such mental mechanism as affixal derivation at verbal level. Thus, we can observe that the derivational element *-holic*, has a very strong position on the production of innovative units of English language. Now we can observe the functioning of such communicative units, as: *blogaholic*, *Twitterholic*, *Splenda-holic*, *Niagara-holic*,

meat-wine-cheese-choco-holic, *rage-aholic*, *spendaholic*, *shopaholic*, *chocaholic*.

*I will perooze the book, but I am a new **blogaholic** and can’t find time for lunch, much less time for the book... just yet. Then the guitar is impossible to put off also. Sleep is the victim [12].*

*The president hadn’t posted a single update since taking the oath of office. Many of my **Twitterholic** friends were disappointed. They had expected daily 140-character updates from the White House [11].*

*Ms. Pradhan, who runs a Web site dedicated to Indian food and culture, sweetens her hot tea with three packets of Splenda and stirs the sucralose sweetener into varan, a version of yellow dal. “I’m a **Splenda-holic**, I tell you”, she said [13].*

*Such a book is “Inventing Niagara: Beauty, Power, and Lies”, by Ginger Strand, the author previously of “Flight”, a novel, and an admitted **Niagara-holic**. “I have a disease called Niagara Falls, ... ” [14].*

*Something about him made me want to fess up all of my sins, at least the ones that involve eating and drinking. Before I could stop myself, I blurted out, “Hi, my name is Sandra, and I’m a **meat-wine-cheese-choco-holic**” [15].*

*Chefs will try to avoid the wrath of their teacher, the screaming **rage-aholic** GORDON RAMSAY, and win a cooking competition [16].*

*Sharon Osbourne forestalled this criticism yesterday when she opened her own new talk show by announcing, “I got a lot to talk about”. She went on: “I have a terrible weight problem. I have family issues and problems. I’ve dealt with cancer, addiction. I’m a **spendaholic**, **shopaholic**, **chocaholic** and I’m in hock up to here” [17].*

The affixal element *hyper-* took part in the production of such English-language neologisms as: *hyperwhite*, *hyper-dating*, *hyper-evolution*, *hyper-local*, *hypermilers*, *hyper-parenting* etc.

*Though Bucholtz uses the term “**hyperwhite**” to describe nerd language in particular, she claims that the “symbolic resources of an extreme whiteness” can be used elsewhere. After all, “trends in music, dance, fashion, sports and language in a variety of youth subcultures are often traceable to an African-American source, ... ” [18].*

*The people involved (some of my friends included) have different reasons for **hyper-dating**. But it winds up leaving lots of women, and many men, unfulfilled because deep down many of them hoped their latest fling would turn into something more meaningful [19].*

*However, even if this doesn’t prove the tipping point for **hyper-evolution**, prepare yourself for a weedier world [20].*

*For example, “**hyper-local**” extensions of Rainbow’s News 12 regional-news networks are expected to be part of*

Cablevision's digital offering. Rainbow is looking to make community news boiled down to the ZIP code level available on-demand to subscribers [21].

She is part of a small and extremely dedicated group of drivers around the country who call themselves "**hypermilers**" [22].

We live in an age of **hyper-parenting**, where a child is the ultimate validation of an adult's ego and the little time they have to spend with them must be "quality time" [23].

With the help of the affixal unit **ego**— the vocabulary of English language has enriched by such lexical components as: egocasting, egosurfing, etc.

The magazine *Wired* recently defined the word "**egocasting**" as "the consumption of on-demand music, movies, television, and other media that cater to individual and not mass-market tastes" [24].

Artist renders "**egosurfing**" as fine art with QR codes: Berlin-based artist Aram Bartholl has found a way to turn online vanity into art. His recent work *A Google Portrait* is a series of four QR codes, each representing the URL of a Google search string for the artist's name in a different language [25].

The innovations of recent years were also formed by adding affix **anti**— Among of them such as: **antigriddle**, **antigerms** etc.

Dominating an entire counter, with a smooth steel top and an industrial frame, sits the **antigriddle**. Built by lab supplier PolyScience, it can chill food to minus 30 degrees Fahrenheit in an instant [26].

At the grass roots, **antigerms** innovation is furious: Sandra Barbor, 60, of Sandwich, Ill., was always bothered by having to grasp the handles of shopping carts, and when her husband was found to have myelodysplastic syndrome, which compromised his immune system, she was driven to invent the **Sani-Shopping Cover** [27].

Modern English mass-media explicate a significant boost of innovations, that have been created using the suffixal element **micro**—. We have observed the functioning of such communicative units as: **micropark**, **micro-donor**, **micro-expression**, **microblogging**, **microboredom**, **microbrowser**, **microchannel**, **microcredit**, **microflyer**, **microlife**, **micropolitan**, **microvacation** etc.

Buses, bicycles, even **microparks** are competing for the curbsides of Seattle, where the city is outgrowing 20th century traditions of on-street parking [28].

"It's the model of the future", said Rick Hasen, an election law specialist at Loyola Law School. "Gone will be the \$2,300-a-plate dinner. That will be replaced by the \$30,000-a-plate dinner, the kind of select event Obama had hosted by folks like Warren Buffett. And the rest will be the **micro-donors** — entirely Internet-based" [29].

We are barely aware that we make **microexpressions**, and they are over so quickly that they are very difficult to fake. That makes them very good indicators of true feelings, but few people ever manage to detect them [30].

Twitter, which was created by a 10-person start-up in San Francisco called Obvious, is a heady mixture of messaging; social networking of the sort associated with Web sites like MySpace; the terse, jittery personal revelations of "**microblogging**" found on services like Jaiku; and something called "presence", shorthand for the idea that people should enjoy an "always on" virtual omnipresence [31].

At concerts, **microboredom** usually means fans snapping dozens of photos of the band, the crowd and the stage lights [32].

It will integrate a digital phone, an alphanumeric pager, a two-way radio, an E-mail device and a **microbrowser** into a five-ounce cellular phone [33].

Like the hydra-headed Web itself, Net TV promises to be a hugely fragmented beast, spawning so-called **micro-channels** devoted to the latest Disney release or power tools to construct the perfect garage, said Jeremy Schwartz, an analyst at Forrester Research, a media consulting firm [34].

Microcredit got its start in Bangladesh in 1976, when Muhammad Yunus, an economics professor, gave a \$27 loan to a small group of women in a local village without demanding collateral [35].

The resulting sensors are so small that they can be placed on "**microflyers**" weighing just 75 grams. The team of researchers at the Australian National University won over NASA during a test flight of a prototype earlier this month, and the U.S. space agency has agreed to help finance further work [36].

Thinking in **microlives** also makes it evident that unhealthy, life-shortening choices can be balanced by life-extending ones: the first 20 minutes of exercise each day, for example, adds two [37].

The federal government is scheduled to unveil a new classification system in 2003 that will increase the attention given to small communities. Non-metropolitan cities with 10,000–50,000 residents will become known as "**micropolitan**" areas [38].

The average American spends only 4.3 nights of vacation away from home, down from six nights about 25 years ago. **Microvacations** are all the rage, ranging from a few hours at a spa to a weekend jaunt. Weekend trips compose more than half our leisure travel [39].

"... Mass Short Message Service (SMS) communication is one form of <<**microvolunteerism**>> that contributes to the production and sharing of information", the report says [40].

Affixal unit **-scape** may be observed in a number of lingvo-mental innovations, which operate the process their creation. We illustrate their verbal representation with the help of the following examples: *sadscape*, *face-scape*, *sports-scape*, *hell-scape*, *garlic-scape*.

For them, home offers a pervasive, constant and cumulative round of indifference and humiliation, where judgments are arbitrary, promises broken, decisions inconsistent, dreams scorned, and fears ridiculed. They are bounced from smother love to smackback, without privacy, affection or respect in an unending sadscape of disappointment [41].

A six-acre face portrait is unveiled on Washington's National Mall. The "face-scape" was created by Cuban-American urban artist Jorge Rodriquez-Gerarda for the Smithsonian Institution's National Portrait Gallery. "It's not the face of America", he says, "it's one of the hundreds of millions of possible faces that America has" [42].

Tempelhofer Feld, the grounds of the megalithic, bullet-pocked Nazi airport where American servicemen once airlifted goods to West Berlin during the Soviet blockade, is now a park. In summer, it transforms into a Teutonic sports-scape where locals engage in activities you didn't know existed (inline-skate-hang-gliding, anyone?) [43].

It's been blown into an ambitious orchestration of technicolor psychosis. "For Miller, being back in his apocalyptic hell-scape was a happy homecoming. This was a movie you couldn't kill with a stick", he says [44].

Tomasulo of the Peekskill restaurant and bar Gleason's that are cooked in a wood-burning oven (The summer pie, with garlic-scape pesto, cherry tomatoes and roasted corn, is a standout) [45].

Nowadays Wikipedia shares the generic "wiki-" prefix in its name [8]. Related to universal electronic encyclopedia "Wikipedia", so called "wikiinnovations" which now implement the range of different concepts, have appeared due to the Hawaiian word "wiki", which means in English "quick".

The wiki first focused on its PeopleFinder database (a technology eventually adopted by Google) and then on ShelterFinder, one of the few comprehensive lists of shelter information available [46].

Moreover, the given example shows us that fact, that borrowed unit "wiki" not only took a definite, strong position in the vocabulary of modern English language, but at the same time it is implemented not only at the lexical, but also at the morphological level. In spite of its own, quite innovative characteristics and cyber-sphere direction of functioning, affix "**-wiki-**" increases the self-importance and combines prefix and suffix properties. Recently it is included in processes of

forming English-language innovations, f. e.: *wikigroaning*, *wiki-type model*.

Yahoo relies more on a Wiki-type model in which the community polices itself by correcting errors it finds in others' answers [47].

To the surprise of nobody, it's not the enlightenment philosopher. This is what we call "wikigroaning": the art of highlighting Wikipedia's bias toward things that don't matter [48].

The qualities he cited to Time to describe his campaign — "openness and transparency and participation" — were ones he said "merged perfectly" with the Internet. And they may well be the qualities that make him the first real "wiki-candidate". — The Wiki-Way to the Nomination (By Noam Cohen) [49].

In September, they posted the 1958 Police Act online and invited Kiwis and non-Kiwis alike to visit the site and type in their own revisions to the law — extending the concept of "Wiki"-style collaborative writing from encyclopedias to democracy [50].

Avenue, one of the main arteries of Buenos Aires, and a short subway ride to the Plaza de Mayo. He and the other newly hired wiki-consultants tended to stick out. They were a bit older [51].

Wetpaint, a startup that provides hosting and tools for building wiki-based Web sites, said on Tuesday that it had raised \$9.5 million in a second round of venture funding from Accel Partners [52].

"Involuntary transparency" is a new term I discovered when it was used to describe Wiki-leaks publishing of confidential documents. This term describes how the Internet/smart-phone age is wreaking havoc with retailer pricing, promotions, and profits [53].

So, morphemes are the smallest meaningful chunks into which you can divide a word. The given innovations exemplify the "derivational or creative morphology because a new word is derived in the process" [9]. Traditionally, compounding and affixation have been considered as different and unrelated word-formation processes, sometimes assigned to two different components of grammar, derivational morphology and syntax, respectively [10, 151].

Recently one can observe the implementation of affixal element **-finder**, which was formed through redefining the metacognitive method of compounding in which network the model (*word* + *-finder*) has acquired the signs of constant component and later became that, which may be identified «as one that is easily joined to», that is it has changed its «functional orientation». Such a case could be demonstrated with the help of the

following neologisms, as: *man-finder*, *Wi-Fi finder*, *College Finder*, *form-finder*, *gift finder*, *Hotel Finder*, *Person Finder*, *Identity Finder*, *fact-finder*, *plan finder*, *University Finder*.

"I made something because I wanted it for myself". While the idea for a geolocative **man-finder** had been floating around in Mr. Simkhai's consciousness for a long time, he said... [54].

First, availability varies greatly by country and region (you can check overall coverage on **Wi-Fi finder** apps or sites). Second, using public Wi-Fi can expose you to hackers [55].

He built Ivory Tower, a residence hall of one- and two-bedroom suites complete with living room, kitchen and private bathroom (featured last year on the **College Finder** website as one of the five best dorms in the United States) [56].

"He has embraced a definition of architect to include researcher, inventor, **form-finder**, engineer, builder, teacher, collaborator, environmentalist, humanist, and creator of memorable buildings and spaces" [57].

Toys R Us' website has a new "**gift finder**" that features top gifts for every toy category and allows shoppers to easily search items by age group and price range, among other factors. And they've set up two shops in stores [58].

The direct booking trend is also being fueled by a boom in metasearch tools such as Google Flight Search, Google **Hotel Finder**, Hipmunk and Hopper, which make it easy to compare prices across multiple brands [59].

"That's why efforts to restore family links are so important", Ms. Nelson said in an email. Google's **Person Finder** was tracking about 6,300 records as of Monday evening [60].

"This was obviously very innocent", said Todd Feinman, the chief executive of data security firm **Identity Finder** who audited the Bush email database and provided the results to The Associated Press [61].

"Just that alone takes you far from photography as a **fact-finder**". Take, for example, a series of portraits of the literary critic Hugh Kenner [62].

Healthcare.gov, the federal marketplace, also offers a "**plan finder**" tool that lists A. C.A. — compliant plans offered outside of the exchanges [63].

The professional networking site LinkedIn has just come out with its "**University Finder**", which identifies which colleges are popular with which companies [64].

Another criterion, which has been used to distinguish affixes from compound elements, is selectiveness. Affixes are believed to select their bases since they may impose restrictions of different kinds on the shape

of the bases they attach to. However, the nature and the mechanisms of selection in affixation are still under debate [6, 56].

In modern English such a word-forming element as **-phobia** is widely used. The connotation of newly created lexical units depends on the denotation of affixal elements, represented in their structure. This could be shown at the example of derivational element **-phobia**, (**-phob**), as «uncontrolled fear» or «the one who feels it» causes the negative associations, no matter what is the basis of the word. For example, the proper name "Barack Obama" does not cause negative emotions, while the element **-phobia** completely changes its connotation: (*Negative feelings about U. S. presidential candidate Barack Obama, particularly those based on racism or unfounded rumors*).

The 12-word message created hubbub in both the mainstream media and the blogosphere, sparking a discourse on racism that ran the gamut from rough to ridiculous. Online commentary included admonitions to «lighten up, people», as well as accusations that «**Baracknophobia**» is alive and well in the Republican Party [65].

No less linguistic attention is attracted by innovations: *Luposlipaphobia* — fear of being pursued by timber wolves around a kitchen table while wearing socks on a newly waxed floor, also from Gary Larson's *The Far Side*; *Nihilophobia* — fear of nothingness, as described by the Doctor in the *Star Trek: Voyager* episode *Night*.

New lexical unit *Venustraphobia* — a fear of beautiful women has got its popularity and enriched the stuff of English innovations due to release of the new album, named "Venustraphobia" by the group Casbah Club in 2006. At the process of its creation such output units, as a word-combination "Venus trap" and suffix «**-phobia**» took their part.

We consider that it is the mental mechanism of analogy, which causes the active use of one of the composite's components in a range of similar derivatives. In this way, it occurs the consolidation of the element at the morphological level [1, 47]. Besides, all the represented material exemplifies the dialectical link between the morphological, lexical and syntactical levels of the language system. Given above examples show us, that English conceptual system constantly develops and modifies through the process of categorizing of new information. It is caused by its close interaction with the surrounding reality in the current conditions of globalization. Therefore, the inner development of the conceptual system occurs through the continuous and dynamic forming of new concepts in the system of existing conceptual structures.

References:

1. Гармаш О.Л. Лінгвосинергетичний аспект розвитку словникового фонду англійської мови: [монографія]/Гармаш О.Л. – Запоріжжя: ЗНУ, 2011. – 324 с.
2. Попко Л.П. Неологизация в языке как трансляция культурно лингвистической национальной ментальности [монография]/Л.П. Попко – К.: ГАРККиИ, 2007. – 360 с.
3. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека.//Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира/[Б.А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др./общ. ред. Б.А. Серебренников]/Валентина Ильинична Постовалова. – М.: Наука, 1988. – С. 8–107.
4. Полюжин М.М. Функціональний і когнітивний аспекти англійського словотворення: [монографія]/М.М. Полюжин – Ужгород: Закарпаття, 1999. – 240 с.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. [монография]/Кубрякова Е.С./РАН. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Braun M., Gruyter W. Word-formation and Creolisation: The case of Early Sranan/Maria Braun, Walter de Gruyter – Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2009. – 309 p.
7. Lieber R. Morphology and Lexical Semantics.//Cambridge Studies in Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 196 p.
8. Mackey R. «Updates on the WikiLeaks Saga, Day 13».//The New York Times. – December 10, 2010.
9. Shortis T. The Language of ICT: Information and Communication Technology./Tim Shortis – Psychology Press – London, Routledge 2001. – 116 p.
10. Štekauer P. Morphology and its demarcations: selected papers from the 11th Morphology Meeting. – Vienna, February 2004./Pavol Štekauer – Edited by Wolfgang U. Dressler – John Benjamins Publishing, 2005. – 317p.
11. The New York Times, March 26, 2009.
12. The New York Times, April 30, 2005.
13. The New York Times, April 14, 2009.
14. The New York Times, June 1, 2008.
15. The New York Times, February 27, 2011.
16. The New York Times, June 11, 2006.
17. The New York Times, September 16, 2003.
18. The New York Times, July 29, 2007.
19. The Denver Post, February 13, 2004.
20. The Globe and Mail, February 17, 2007.
21. Multichannel News, November 20, 2000.
22. The Associated Press, May 29, 2007.
23. The Age Melbourne, Australia, April 30, 2004.
24. Commentary, January 1, 2006.
25. Wired, November 13, 2009.
26. Wired, Magazine, May 1, 2006.
27. The New York Times, November 5, 2006.
28. The Seattle Times, February 14, 2015.
29. The Washington Post, October 26, 2008.
30. New Scientist, March 29, 2003.
31. The New York Times, April 22, 2007.
32. The Dallas Morning News, May 11, 2008.
33. The New York Times, April 15, 1999.
34. The International Herald Tribune, July 5, 2000.
35. The Boston Globe, July 2, 2002.
36. The Houston Chronicle, January 27, 2002.
37. The Guardian, July 6, 2013.

38. Memphis Business Journal, November 16, 2001.
39. U. S. News & World Report, September 8, 2003.
40. Deccan Herald, December 6, 2012.
41. The Guardian, July 25, 2007.
42. The guardian, Thursday, October 2, 2014.
43. The New York Times, August 16, 2015.
44. The New York Times, May 11, 2015.
45. The New York Times, August 2, 2015.
46. The New York Times, November 14, 2005.
47. Technology News, December 9, 2005.
48. The Globe and Mail, June 15, 2007.
49. The New York Times, June 8, 2008.
50. The New York Times, December 9, 2007.
51. The New York Times, August 31, 2009.
52. The New York Times, January 10, 2007.
53. The New York Times, December 22, 2010.
54. The New York Times, December 14, 2014.
55. The New York Times, June 21, 2015.
56. The New York Times, February 08, 2015.
57. Los Angeles Times, March 10, 2015.
58. Washington Street, Wednesday, November 5, 2014.
59. The New York Times, March 01, 2015.
60. The New York Times, April 28, 2015.
61. The New York Times, February 12, 2015.
62. The New York Times, April 17, 2015.
63. The New York Times, December 19, 2014.
64. The New York Times, October 25, 2014.
65. The Washington Times, June 19, 2008

*Kravchenko Ella Alexandrovna,
Donetsk National University (Vinnitsa), Associate Professor,
Candidate of Philological Sciences, the Faculty of Philology
E-mail: ella.krav4enko@yandex.ua*

Poetics of onym in verse

Abstract: The linguistic techniques, determining the interaction of *onym* ↔ *poetry text*, were investigated. The involvement of *sounding* — *meaning* of poetonym and context in the onym's symbolization was proved.

Keywords: alliteration, assonance, context, form, imagery, meaning, poetonym, rhyme.

*Кравченко Элла Александровна,
Донецкий национальный университет (Винница), доцент,
кандидат филологических наук, филологический факультет
E-mail: ella.krav4enko@yandex.ua*

Поэтика имени в стиховой речи

Аннотация: Изучены языковые средства и приемы, обуславливающие взаимодействие *имя* ↔ *поэтический текст*. Доказано участие *звучания* — *значения* поэтонима и контекстного “окружения” в символизации собственного имени.

Ключевые слова: аллитерация, ассонанс, контекст, образность, поэтоним, рифма, содержание, форма.

В поэтической речи имя собственное (поэтоним) находится в созвучном фонетическом окружении. Звукообраз имени распространяется на контекст, где слова-“сателлиты” оживляют и развивают его содержание, обуславливая единство сущности *оним* ↔ *текст*. Экспликация связи *звучание* — *значение*, актуализируемой посредством опорных звуко сочетаний, аллитераций и ассонансов, контекстов, сосредоточенных на поэтической этимологии имени, является целью настоящего исследования.

В сонете В. Брюсова «Ассаргадон. Ассирийская надпись» звуковая семантика имени — *текста* актуализируется в двух четверостишиях и заключительном терцете и “дремлет” в первом трехстишии, рассредотачиваясь в неброских аллитерациях и ознаменовывая новую фазу развития текста. Привилегированное положение, выраженное заголовочной позицией, занимает имя царя Ассирии *Ассаргадона*. Выбор из всех существующих вариантов (*Асархаддон*, *Ассаргадон*, библ. *Асардан*, акк. *Aur-aha-iddina*, *Аишуур-ах-ид-дин*, *Аишу-рахиддин*) имени *Ассаргадон* обусловлен эвфоническим потоком консонантов *ргдн*, придающим царственное звучание. Именем *Ассаргадон* формируется “достойная” акустическая среда и интегрируется смысл. Величественно-протяжное *а-а-а-о*, грозно-рокощущее *рг* и ассонанс *о* создают звуковую материю текста, “возвращающего” имени содержание, предопределенное историей и изложенное автором. Имя *Ассаргадон* несет *горе*: *Владыки и вожди, вам говорю я: горе!* (повтор стиха в 1 и 3 строфе); разрушение Сидона: *Сидон я ниспроверг и камни бросил в море* (гармония гласных); беспощадное уничтожение врагов: *Я на костях врагов воздвиг свой царский трон*. Основное фонетическое “окружение” *Ассаргадон* — *горе, ниспроверг, врагов*. Торжественную длительность имени усиливают созвучия *ор/ро*: *вождь, горе, бросил, море* (1 строфа), *закон, взоре, врагов, мощный, трон, горе* (2 строфа), *подвигах* (3 строфа), *вождь* (4 строфа).

В первом катрене закладывается противостояние имен *Ассаргадон* ‘победитель’ — *Сидон* ‘побежденный’. Из четырех имен стихотворения (*Египт* и *Элам* появляются во второй строфе) *Ассаргадон* — *Сидон* имеют динамику и большую семантическую ценность. Взаимодействие *звучания* — *значения* поэтонимов происходит посредством:

1) звукоподобия *с... дн* и ассонанса *о*, создающих гулкую “колокольность” *Ассаргадон* — *Сидон* и предполагающих 2) вынесение в эпитетическую

позицию, где имена становятся рифмантами и повышают выразительность за счет аллитераций *р, н, д, с/з*: *Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон./Владыки и вожди, вам говорю я: горе!/Едва я принял власть, на нас восстал Сидон/Сидон я ниспроверг и камни бросил в море* [2, 74–75]; 3) повтор *Сидон* на стыке 3 и 4 стихов акцентирует стремительность трагической судьбы: восставший Сидон сокрушен завоевателем; 4) рифмованные апеллятивы *закон, трон* (2 строфа) попадают в звуко-смысловое поле *Ассаргадон*, подчеркивая славу царя, возвысившегося над иными властелинами.

Динамика поэтонима прослеживается в опоясывающих сонет стихах. Незначительное расхождение плана выражения: *Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон. — Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон* показательно. Текст условно делится на две части: имя-образ *Ассаргадон*, сформированный в контексте двух четверостиший, в известном смысле противопоставлен имени, вступившему в заключительных строфах в иную стадию развития. Если признак ‘надменное величие’ актуализирован предикативной конструкцией *Я — вождь земных царей и царь* и финальным именем, призванным повергнуть в трепет потомков, то первый терцет резко изменяет интонацию и “направление” поэтонима. Монументальность переходит в рефлексию лирического героя: риторические вопросы (*Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?*) и сравнения (*Деянья всех людей — как тень в безумном сне,/Мечта о подвигах — как детская забава* [2, 75]) указывают на тщету земной славы. Упоение величием (*И вот стою один, величием упоен*) не спасает от одиночества, и если в первой части текста имени “сопутствуют” *горе* (врагам) — *ниспроверг — врагов*, то во второй доминантой является созвучное *один*, настроенное на осознание бренности славы. Отсюда — смиренная интонация последнего стиха в не притязавшей на восхваление надписи: *Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон*.

Но имя не всегда “выставляет напоказ” приемы совместной деятельности с целостным произведением. В стиховой речи сочетаются эксплицитные и имплицитные способы взаимодействия *имя* ↔ *текст*; формальная сторона произведения, имеющего художественную ценность, разъясняет содержание и разъясняется им. Повтор, выводящий имя в ключевую позицию, может быть сознательно наглядным. Вместе с

тем **содержательная форма** скрывает какие-то смыслы, которые подлежат обнаружению и интерпретации.

В центре эстетической системы Э. По — “идея гармонии, соразмерности и пропорциональности всех элементов художественного произведения” [3]. Определяя поэзию как “создание прекрасного посредством ритма”, основным Э. По считает принцип композиции и создание эффекта **целого** [3]. Магическое воздействие стихотворения «Annabel Lee» обеспечено гармонией имени, избранного заглавием: начальный гласный, плавный *n*, нежно-колокольное *bel* (*bell* англ. «колокол, колокольчик»), перетекающее в *Lee* с протяжным [i:]. Гипнотическое влияние имени на звуковую фактуру текста и его содержание обусловлено лежащими на поверхности и имплицитными приемами.

Имя завораживает повторяемостью, располагаясь всегда в конце ритмического ряда: *By the name of Annabel Lee* (1 строфа); *I and my Annabel Lee* — (2 строфа); *My beautiful Annabel Lee* (3 строфа); *Chilling and killing my Annabel Lee* (4 строфа); *Of the beautiful Annabel Lee* (5 строфа). В последней строфе стих *Of the beautiful Annabel Lee* становится рефреном (2 и 4 строка), сочетаясь и переключаясь с циклоидом первых четырех строф: *In a kingdom by the sea/In this kingdom by the sea*. Повтор-рефрен с *Annabel Lee* определяет одно из ключевых слов, аллитерирующих с именем в звуках *b* и *l*: *beautiful Annabel Lee*.

Имя, предназначенное раскрыть тему смерти возлюбленной (согласно Э. По, “смерть прекрасной женщины <...> является наиболее поэтическим предметом на свете” [4, 163]), оказывается самодостаточным и ограничивается несколькими словами-спутниками, “предпочитая” эвфонию контекста. Помимо контактного повторяющегося *beautiful*, в “окружение” поэтонима входят насыщенные звукобуквами *Annabel Lee* лексемы: *darling* (2), *blew*, *angels* (2), *chilling* (2), *killing*. Согласование фонетической и смысловой сторон имени — текста возникает из созвучных элементу *Lee* комплексов, извлекаемых из отдельных слов или “фрагментов” стихового ряда: *lived* (2), *feel*, *we loved*. Ритмообразующий эффект увеличивает слияние (уплотнение) звуков имени в эвфоническом потоке текста: *Than to love and be loved by me*; <...> *I lie down by the side*; *And neither the angels in Heaven above*. Пропорционально распределенные аллитерации воспринимаются как лейтмотив *Annabel Lee*, особо настойчивый в ряду с поэтонимом и в стихах, где преобладает консонантный состав и ассонансы имени: *Than to love and be loved by me* (*n-l-n-b-l-b*), *But we loved with a love that was more than love* (*b-l-l-n-l*), *A wind*

blew out of a cloud, chilling (*n-bl-l-l*), *So that her highborn kinsmen came* (*b-n-n-n*), *The angels, not half so happy in Heaven*, (*n-l-n-n-n*), *And neither the angels in Heaven above* (*n-n-n-l-n-n-b*), *For the moon never beams, without bringing me dreams* (*nn-b-b-n-n*), *And the stars never rise, but I feel the bright eyes* (*n-n-b-l-b*), *And so, all the night-tide, I lie down by the side* (*n-l-n-l-n-b*), *Of my darling — my darling — my life and my bride*, (*l-n-l-n-l-n-b*), *In her tomb by the sounding sea* (*n-b-n-n*) и др.

Стихотворение звучит как заклинание именем, которое более эффектно при визуальном восприятии: 1, 3, 4 и 6 строфы содержат стих, “настроенный” на имя и придающий торжественно-трагическую плавность контексту. Звукосочетание *An* (союз *and*) в анафорической позиции не просто напоминает об имени, но “держит” его в поле зрения читателя, повторяясь дважды в 3 и 6 строфах: *And this was the reason that, long ago*; *And bore her away from me* (3 строфа), *And the stars never rise, but I feel the bright eyes*; *And so, all the night-tide, I lie down by the side* (6 строфа). Суггестию усугубляют консонанты поэтонима, вынесенные в начало стихов: *n* (*In a kingdom by the sea*; *Nor the demons down under the sea*; *In her sepulchre there by the sea* —; *In her tomb by the sounding sea*), *b* (*By the name of Annabel Lee*; *But we loved with a love that was more than love*; *But our love it was stronger by far than the love*) и сочетания *nb*, *lb*, *ln*, находящиеся на стыке двух стихов: *That a maiden there lived whom you may know/By the name of Annabel Lee*; *Chilling and killing my Annabel Lee./But our love it was stronger by far than the love*; *Of the beautiful Annabel Lee;/And the stars never rise, but I feel the bright eyes*; *Of the beautiful Annabel Lee/And so, all the night-tide, I lie down by the side*.

У Э. По лексические повторы образуют единое целое с аллитерациями и ассонансами, растворенными в звуковой материи стихотворения. Слова, аллитеративно-ассонансное эхо *Annabel Lee*, повторяются в рефрене (*kingdom, sea, beautiful*), в эпифорической позиции (*In her sepulchre there by the sea* —/*In her tomb by the sounding sea*), удваиваются (*child, darling, soul, many, love/loved*) и утраиваются в одном стихе (*But we loved with a love that was more than love*), рассредотачиваются в контексте строфы (*That a maiden there lived whom you may know* <...> *And this maiden she lived with no other thought*; *But we loved with a love that was more than love* — <...> *With a love that the winged seraphs of heaven*) или контактных строф (*chilling, cloud, wind* воспроизводятся в 3 и 4 строфах и др.). “Равновесие” формы и содержания, обеспеченное многократными повторами имени, рефреном, лексическими повторами и сквозны-

ми аллитерациями звуков и звуко сочетаний “сгущают” лиризм и создают целостность высокохудожественного текста «Annabel Lee». Проведение звукообраза поэтонима через все стихотворение является самым

сильным поэтическим средством, обеспечивающим единство звучание — значение и превращение имени *Annabel Lee* в интралингвальный (или даже интерлингвальный) символ прекрасного и трагического.

Список литературы:

1. Брюсов В. Я. Избранные сочинения. – М.: Худож. литература, 1980. – 574 с.
2. Богословский В. Н., Прозоров В. Г., Головченко А. Ф. Американская литература: Романтизм//История зарубежной литературы XIX века. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 326–428.
3. Poe E. A. The Philosophy of Composition/Edgar Allan Poe//Graham's Magazine. – Volume XXVIII. – no. 4, April 1846.

*Liubchenko Tatiana Viktorovna,
Kiev National Linguistic University, PhD, associate professor
E-mail: lyuleta78@gmail.com*

Correlation of the verb transitivity with other grammatical categories

Abstract: The correlation of the verb transitivity with other categories, including voice and aspect is specified in investigation. The article also deals with interpretation of categories “voice” and “diathesis” in linguistics.

Keywords: aspect, category, diathesis, transitivity, voice.

The explanation of correlation of the verb transitivity with other categories, including voice, diathesis and aspect is controversial. Many studies in determining the verb transitivity refer to the categories of voice and diathesis. During some time, the transitive verbs in linguistics were generally interpreted as forms of the voice category [1, 343]. The first attempt of terminological distinction of the categories of transitivity and voice is represented in the work by S. Kartsevskiy [2, 81].

The determinations of the voice available in linguistics attract semantic (“subject”, “object”) or syntactic (“subject”, “complement”) units to the description. Thus, the voice is explained in the following way:

1) relation of the verb to the subject. The voice is defined as grammatical relation of the verb to the subject, transitivity — as grammatical relation of the verb to the direct complement [3, 158; 4, 3; 5, 102];

2) relation of the verb to the complement. M. Peterson believes that the “form of the voice expresses the different directions of the verbal action determined by the verbal stem” [6, 81]. The researcher distinguishes two voices in Russian: intransitive — the formal indicator –ся, and transitive — the formal indicator: absence of –ся [6, 81]. A. Shapiro also refers verbs to two voices: transitive and intransitive [7, 49];

3) relation of the verb to the subject and complement. According to this opinion, voice is understood as the re-

lation of the action expressed by the verb-predicate to the subject and complement [8, 219];

4) relation of the action to the subject. In this approach, the voice is understood as relation of the action to the grammatical subject [9, 214; 10, 43; 11, 414];

5) relation of the action to the subject and object. The voice category in this explanation is used to describe the relations between the subject and the object of the action [12, 152–153; 13, 192; 14, 354; 15, 412].

6) According to the definition by P. Kuznetsov: “We understand the voice category as the relation of the action to its subject and object expressed in the verbal form” [16, 333].

If the concepts of two sentence levels are taken into account: semantic and syntactic, the voice is interpreted as the meaning of verbal predicate determined by the function of subject and displays different relations between the subject and units of the semantic level — the subject and the object of action [17, 31; 18, 19]. So semantic and syntactic criteria for determining the voice belong to different levels of the category: deep level and surface level, respectively [11, 414].

The standard opposition is the opposition active/passive voice, however, the Slavic studies also associate with the opposition reflexiveness/irreflexiveness of the verbs. Thus, the concept by V. Vinogradov marks fifteen values of reflexiveness (actually reflexive, secondary reflexive, generally reflexive, passive reflexive, reciprocally reflexive,

indirectly reflexive, collaterally reflexive, secondary passive reflexive, qualitative passive objectless, active objectless, intensive collaterally reflexive, with passive indication of the external character, indirectly resultative reflexive, reciprocally motor, impersonal intensive) [19, 630–637]. E. Benvenist offers to refuse “traditional symmetry active/passive” and consider the voice as the opposition to the active voice that “indicates the relations of the subject to the process in direction to the other” and the middle voice that “denotes the relation of the subject to the process directed to itself” [20, 190–191].

In the 1970s, in a scientific turning the concept of diathesis as syntactic-semantic category, indicating the relations between the semantic roles of lexeme and parts of the sentence, was introduced. Diathesis is defined as:

- relation between the syntactic actants of the lexeme and its semantic actants. Diathesis can be terminal (configuration of the word-predicate with its syntactic actants in the terminal construction of the sentence at the level of deep lexico-semantic structure) and derivative (regrouping of actants of certain syntactic structure associated with the change of composition of the syntactic actants and/or transitivity/intransitivity of the verbal lexeme) [21, 72].

- L. Tesnière distinguishes four diathesis as “sub-voices” of the transitive voice: active (action is taken by the first actant, who is its active participant), passive (first actant is influenced by the action), reflexive (first and second actants, active and passive actants are identical), reciprocal (each of two actants takes an active role in one action and a passive role in another one) [22, 254–255].

- O. Holodovych determines diathesis as a scheme of compliance between the units of syntactic and semantic level, the voice — as diathesis marked in the verb [23, 284]. The change of diathesis is connected with the change of “functional load of participants regarding the verbal predicate and other predicates” [24, 63].

- According to V. Khrakovskiy, the sentence structure consists of a predicate — a top and participants. Diathesis is a change between the participants and voice means the derivational relations between the lexemes of active structures [25: 5, 13].

- There is an opinion that the voice is a two-level category. At a deep level the voice reflects the relation of the action to the subject, this is diathesis, at a superficial level the voice is the ratio of the verb-predicate to the subject [11, 415].

- G. Sylnytskyi describes the voice as a grammatical category represented at three levels: lexical, morphological, and syntactic, reflecting the regular relations between

the elements of valence paradigms of the verbal lexemes that correlate with the regular changes in the value of these lexemes [26, 54].

The modern Ukrainian linguistics defines the voice as a morphologic, word-building, syntactic category. In this case, a new lexeme with a passive value of the verb appears. In the word building, activity/passivity are the components of the category of valence, participation of cases in derivative processes is “valence reasoned” and “predicative mediated” [27, 44]. According to I. Vykhanets: “The lexical transformation of the verbal predicate of the action to the predicate of resultative voice... affects the syntactic communicative rank of substantial arguments caused by the semantic syntactic valence of predicates and prominent on the basis of semantic and syntactic relations, and formal syntactic positions of parts of the sentence expressed by the cases of nouns and allocated on the basis of syntactic relations” [28, 243–244]. The Russian researchers also support this view and define the voice as “inflectional category that opposes the forms of one lexeme” [29, 481]. In this concept, the element –ся, –сь of reflexive verbs is interpreted as a suffix.

The controversial issue is still a subordination and mutual interaction of categories of transitivity and voice. According to V. Vinogradov, the connection of transitivity and voice is not the primary in determining the status of a category of transitivity. The researcher noted that “the issue about transitive and intransitive meanings directed to the depths of semantic system of the verb can not be exhausted with the category of voice. It falls outside the scope of the study of grammatical relations between the subject and object of the action. This is one of the central problems of verbal semantics. It touches the categories of voice only with one edge” [19, 646]. As B. Norman notes, systems “subject — verb” and “verb — object” in the trinomial “subject — verb — object” is heterogeneous and independent. The subsystem “verb — object” forms grammatical category “transitive — intransitive”, the subsystem “subject — verb” is the part of the category of voice [10, 41].

There are opinions according to which the category of voice is subordinate to the category of transitivity:

- 1) voice is a category, derivative from the transitivity, which is the result of syntactic changes and redistribution of syntactic functions. At the level of deep lexical semantic structure the voice is a morphological category, diathesis is a semantic and syntactic category. The “terminal” transitivity is a property of the verb that appears at the level of its deep lexical and syntactic structure, the “deriva-

tive” transitivity is the result of syntactic transformations and redistribution of syntactic functions [21, 79];

2) category of voice reflected in the syntactic and morphological forms is closely connected with the category of transitivity and is subject to it [30, 211];

3) according to M. Lutsenko, “transitivity-intransitivity is the category of system, which analogue in usage is a voice” [31, 84]. The researcher stresses that in dictionaries the grammatical tags: type, subjectivity and transitivity are represented in one line, and in his opinion, it is not accidental. The category of transitivity is in the logical (correlative) relation with the categorical system attributes of type and subjectivity. These categories are determined on the basis of the following parameters: cause, direction, purpose. The concept of reason is a logical basis of the category of subjectivity (action that in thinking is not connected with the cause, does not require the subject (agent)); the concept of direction of the action concerns the transitivity (direction of the action from the subject to the object (purpose)); the concept of actional purpose determines the type [31, 82–87].

With the development of the functional grammatical theory of O. Bondarko, the voice and transitivity are examined in the functional semantic field of subject-predicate-object relations. The functional semantic field of voice through various means (morphological, syntactic, word building, lexical) expresses the relation of performance to the subject and object. The center of the field includes the oppositions (active-passive, reflexive-irreflexive verbs, transitive-intransitive verbs), the periphery — self-reflexive and reciprocal reflexive verbs [32, 27–33]. The category of transitivity in this interpretation concerns the notion of the functional semantic field of the voice and serves as a part of the whole, or as a generic concept to species. The concept of voice covers various types of relations of the action

to the subject and the object, whereas the transitivity is one of these types of relations — characteristics of the action in relation to the object [33, 121–122]. There is an opinion that the consideration of connection of the category of transitivity with other categories is possible only in case of diachronic approach in describing the linguistic phenomena. The category of transitivity with this approach should be considered in the chain «diathesis — “hidden” causativity — “open” causativity — voice», which is compatible with the historical development of these categories [34, 33].

There is a number of studies that resolve the matter of interaction of transitivity and the aspect of the verb, however, this problem did not become the final outline. The interaction between the aspect and transitivity, according to M. Lutsenko is based on that the actional target (completion of the action) is derived from the substantial goal (focus of the action from the subject to the object) [31, 87]. Some authors associate the change of the aspect with the change of the valence capabilities of the verb: for example, during the prefixation of the intransitive verbs in Ukrainian (*зрати* — *визрати/прозрати/роззрати*) [35, 28] or in pair oppositions of the category of transitivity/intransitivity and the verbs of perfect/imperfect type in Lithuanian: *gulti* (to lie) — *guldyti* (to lay down) [11, 410]. In their theory, P.J. Hopper and S.A. Thompson proposed 10 signs of the prototype transitive construction, among which one of the most important sign is a specific aspectual characteristics [36].

We accept the idea that the diathesis as the category that touches on the issues of transformation of the sentences and change of the communicative rank of the substantial components, and transitivity — the indication to the direction of the verbal action specified in the semantics of the verb, are determined by the valence of predicate, and therefore, under the certain circumstances, they correlate at different levels of the sentence structure.

References:

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка./Ф.И. Буслаев. – М.: Изд-во АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1959. – 624 с.
2. Karcevski S. Systeme du verbe russe: Essai de linguistique synchronique/S. Karcevski. – Prague, 1927. – 167 p.
3. Бондарко А.В. Русский глагол./А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 184 с.
4. Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке: учеб. пособие/Л.Л. Буланин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 88 с. – (ЛГУ им. А.А. Жданова).
5. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю./Ж. Вандриес. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 410 с.
6. Петерсон М.Н. Лекции по современному русскому литературному языку./М.Н. Петерсон. – М.: Моск. гос. пед. ин-т им. К. Либкнехта, 1941. – 172 с.
7. Шапиро А.Б. О залогах в современном русском языке./А.Б. Шапиро//Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та. Каф. русского языка. – 1941. – Т. 5, вып. 1. – С. 22–61.

8. Моисеев А. И. О категории залога в русском языке. (К постановке вопроса)/А. И. Моисеев//Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. – Л., 1958. – № 235; Вып. 38. – С. 209–221.
9. Буланин Л. Л. О соотношении переходности и залога в русском языке./Л. Л. Буланин//Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – Т. 278, вып. 17. – С. 213–219.
10. Норман Б. Ю. Переходность, залог, возвратность/Б. Ю. Норман. – Минск: Издательство Белорус. университета, 1972. – 132 с.
11. Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема I)/Ю. С. Степанов//Известия АН СССР. – 1976. – Т. 35, № 5. – С. 408–420.
12. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов./О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1969 [6]. – 607 с.
13. Булаховський Л. А. Нариси з загального мовознавства./Л. А. Булаховський. – К.: Рад. шк., 1955. – 247 с.
14. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II./А. В. Исаченко. – Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. – 577 с.
15. Истрина Е. С. Глагол./Е. С. Истрина//Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. – М., 1952. – С. 409–605.
16. Кузнецов П. С. Современный русский язык. Морфология/П. С. Кузнецов. – М.: Изд-во Моск. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1952. – С. 251–361.
17. Перельмутер И. А. Залог древнегреческого глагола: теория, генезис, история./И. А. Перельмутер; РАН, Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Ноах, 1995. – 272 с. – (Ист.-филологические моногр.).
18. Перельмутер И. А. Об оппозиции «переходность-непереходность» в системе индоевропейского глагола./И. А. Перельмутер//Вопросы языкознания. – 1974. – № 3. – С. 70–81.
19. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов/В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1947. – 784 с.
20. Бенвенист Э. Общая лингвистика./Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
21. Циммерман И. Синтаксические функции актантов, залог и переходность./И. Циммерман//Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 71–79.
22. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса./Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с. – (Языковеды мира).
23. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории./А. А. Холодович. – Л.: Наука, 1979. – 304 с.
24. Долинина И. Б. Залог и диатеза: критерии разграничения./И. Б. Долинина//Сопряженность глагольных категорий: сб. науч. тр. – Калинин, 1990. – С. 56–67.
25. Храковский В. С. Пассивные конструкции./В. С. Храковский//Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – Л., 1974. – С. 5–46.
26. Сильницкий Г. Г. Глагольная валентность и залог./Г. Г. Сильницкий//Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – Л., 1974. – С. 46–53.
27. Загнітко А. П. Система і структура морфологічних категорій сучасної української мови (проблеми теорії): навч. посібник для студ. спец. «Українська мова і література»/А. П. Загнітко. – К.: ІСДО, 1993. – 343 с.
28. Вихованець І. Р. Теоретична морфологія української мови: академічна граматики української мови./І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська; ред. І. Р. Вихованець. – К.: Універ. вид-во «Пульсари», 2004. – 400 с. – Бібліогр.: С. 391–398.
29. Белошапкова В. А. Современный русский язык./В. А. Белошапкова. – М.: Высш. шк., 1989. – 800 с.
30. Русанівський В. М. Структура українського дієслова./В. М. Русанівський. – К.: Наук. думка, 1971. – 315 с.
31. Луценко Н. А. Грамматические категории в системе и узусе./Н. А. Луценко. – Донецк: ДонДУ, 2003. – 202 с.
32. Бондарко А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость./А. В. Бондарко//Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 20–35.
33. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания./отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1992. – 304 с.
34. Криницькайте С. А. Проблема переходности в исследованиях по индоевропейским языкам./С. А. Криницькайте//Проблемы внутренней и внешней лингвистики. – М.: Наука, 1978. – С. 11–34.
35. Мозгунов В. В. Перехідність як тип валентності дієслова (на матеріалі української мови): дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова»/В. В. Мозгунов. – Донецьк, 1997. – 223 с.

36. Hopper P.J. Transitivity in grammar and discourse. /P.J. Hopper, S.A. Thompson//Language. 1980. –Vol. 56 – № 2. – P. 251–299.

*Muradova Aynur Valiaddin,
Azerbaijan State University of Economics (ASUE),
Senior Lecturer of ASUE
E-mail: aynurmuradova.1975@mail.ru*

New stage in the study of the problem of thematic progression (TP)

Abstract: In the article the problems of originating of the texts in modern linguistics are esteemed. The writer has decided to show huge capabilities of theme progression in originating the text in English, using recent works of the modern scholars. The writer indicates that most relevant of these capabilities is the problem of attachment behaviour, which is the most important tag of the text.

Keywords: Text, thematic progression, cognitive linguistics, problem of affection, theme, transitions.

The issue of text creation is considered as one of the major problems in modern linguistics. Here the opportunities of thematic progression (TP) are so extended. The most important of these is the problem of affection. Affection is the main indication of the text, and the study and determination of its different types (semantic, syntactic, logical, linear and global affection) in the text syntax of TP in terms of place and position, provides ground to the overall research of the mentioned problems.

Low level of loading of thematic elements in terms of information allows using them in text creation as a “construction material”. According to many linguists, any text may be presented in the form of sequence of text themes (or text fragment). Also, the thematic structure of the text is characterized by a specific affection of its themes. This affection is the indication of the relations of separate parts or a whole text.

As seen, the next stage in the study of the problem of thematic progression (TP) is mostly associated with the inclusion of it into the text sphere. In this regard, recently some aspects — the meaning of the text, its structure (affection among the sentences, relation, attitude, communication issues) — of TP associated with the text have been reviewed in the works of V. Mateizus, F. Danesh, J. Firbas, A. M. Peshkovsky, K. Abdullayev, A. Mammadov, A. Abdullayev and other linguists. Namely modern development of the text theory leaning the ideas of these scholars allows principally new attitude toward the creation and understanding mechanism of the text.

As far as we are concerned, our researches regarding text creation of TP on the basis of English materials may be considered urgent in terms of some aspects:

- Firstly, TP enables to see the condition of the components of “known” and “new” which are necessary in the definite section and in the process of organising of the text;
- Secondly, TP enables to clarify other linguistic indications of the text which is a whole and dynamic phenomenon;
- Thirdly, TP is rhetoric and it specifies the opportunities of some language events such as the notion of lexical-semantic theme and genre, certainty and uncertainty in the theme, predication and TP, reference and cohesion.

It is clear that, language in linguistics has been studied as an abstract notion until recent years. Rapid development of ideas of structural linguistic school, which are satisfied with the principal of “language in itself and for itself”, is not so far away in terms of time. Until recent years, because much attention has not been paid on interaction and attitude problems of language and meaning and language and understanding process, this problem has almost remained unnoticed. Even the appearance of pragmatic tendency in linguistics in the 80s of the last century did not allow full implementation of these theoretical considerations occurred in this field. One of the main reasons is that, namely paradigm of scientific researches has changed. While before fundamental sciences nominated theoretical ideas which were periodically implemented by relevant technologies, now situation has slightly changed-any technological development process itself makes necessary the theoretical researches in one or another direction.

Such a rapid development in linguistics has resulted in application of new science fields into the linguistics. This should not seem unusual, because differentiation and inte-

gration of sciences are an objective process that constitutes dialectical unity. As a result of such merging of sciences, a new field-cognitive linguistics has been founded. At first, learning knowledge during language communication was investigated as one of the main directions of the cognitive science. Beginning in the mid 70s, "cognitive science" began to be used in the sense of processes of collection, use and adoption of information by people.

Though there are different characterized researches devoted to the investigation of cognitive language aspects, there still exist a number of problems to be solved. Among them, the most debated two main problems draw attention:

1. Issuance of different types of knowledge structures and the role of TP in understanding of this knowledge;
2. Means of conceptual organisation of knowledge in understanding process, the role of TP in dynamics of sense and organising language information.

Issuance of certain knowledge during language communication is so complex and controversial problem. Knowledge expressed in an explicit form is only a part of general knowledge base. In this knowledge base, storage of information is not in the stagnant state and it is such a self-motivating and self-regulating system that it is dynamically in motion, changes and improves.

In our opinion, at least the following components constitute the fundamental of knowledge base:

1) Knowledge on language: a) phonetics, phonology, lexicology, grammar, semantics; b) Knowledge on rules of use of language; c) Knowledge on principles of exchange of speech;

2) Language-exterior knowledge: a) context and situation, knowledge on addressee (aim and plans by addressee, his/her imagination on speaker and condition and etc.); b) information in general background (external world surrounding us, knowledge on event, situation, movement and processes occurred there).

A number of major problems forming the base of knowledge have been investigated sufficiently. But difficulty mainly occurs in the process of identifying proper structure of issuance of existing knowledge, that is, by developing in the following texts, in transformation of existing information to the new information and in revealing the role of TP in this process.

For decades, one of the major issues in cognitive training theory has been the idea of clarification of inseparable interactions of processes in human memory, as well as, of creation mechanism and understanding of language information. Indeed, understanding of any

new situation, above all, leads to find a situation close and a little similar to it in the memory. In order to analyse and perceive new information we have to address to the experience which has already been collected in our memory. This search is based on that, analyse and perception structure of new information is similar to the structure which is used for formation of the memory.

Thus, there is a need for investigation of dynamic aspect of understanding of associated text, studying strategic nature of understanding proves and investigation of opportunities of TP in this process. Not all know that, mostly strategies used in understanding of texts are not planned beforehand and they remain beyond the conscious control of language carriers.

As seen, because thematic progression is a semantic event, it is very different from the other parameters considered as an investigation object. One direction of semantic investigation is to classify reference sources of the theme on the basis of its abstract lexical-semantic categories, for instance, participants, events, concrete and abstract nouns and etc. [5, 62]. While other direction is the classification based upon the membership of special lexical groups of the theme determined in the text [4, 37].

The notions of Theme and Thematic progression are closely associated with each other. As seen from the name, the notion of thematic progression assumes the propriety of the notion of Theme. It becomes clear that, for the followers of Halliday version of Theme, the existence of models of thematic progression which is called a "development method" by Fries is the main evidence of the propriety notion of Theme, that is, it is not banal. As an example of propriety of the notion of Theme, it may be possible to show such fact that, the followers of SFG (Student Feedback Questionnaire) school regularly referred to Fries; more important fact is that, Halliday paid a special attention on this issue in his bibliography and article on application of thematic structure. So, for the sake of argument, if we accept that thematic progression does not exist in the text or thematic progression is completely occasional, in the true sense of the word, it is not a strict progression, we can shake the thought of existence of Theme as a notion. Otherwise, if concrete texts are shown for the regular display of strong thematic progression models, researchers will identify a significant feature of the discourse instead of identifying the Theme in the text.

Enkvist, the contemporary of Danesh, created the classification consisting of his four progression forms which he called "transitions". As a term, the study by Enkvist is different from Danesh's: Enkvist calls transition which was called progression by Danesh between two

sentences; while the Danesh's progression is based upon the information that is contextually obvious, inversions of Enkvist are formed on the thematic relations. Thus, differences are characterised superficially; both scholars pay a special attention on direct and indirect abstract semantic-lexical relations like synonym, antonym and hyponym in order to identify inter-sentence relations. Where Enkvist uses the terms of Theme repetition and Theme progression, Danish uses the terms of Systematic TP and Rectilinear TP. As we see, Fries benefited from Halliday in the definition of condition of Theme, that is, Theme constantly comes before Rheme. He focuses on TP typology of Danesh, but accepted his sequentially arranged or condition-based definition by simplifying it.

Referring to the definition by Enkvist, Fries accepting the formula of the Theme, which is connected to the situation, claims that, various types of thematic progression create correlation with stylistic differences. Stories correspond to the same images, sequences or arrangements and thus, incline to Systematic Theme Progression.

On the other hand, there is such a complex provision in the scientific articles that, each next idea is a large

form of the idea in the previous sentence and directly depends on it. In such a paragraph, the Theme of one sentence plays the role of an idea receiver of the Rheme of the some former sentences [4, 9]. But academic writing increases the influence of Rectilinear and Derivative TP rather than Systematic Theme Progression.

As far as we are concerned, a change of this term is not of particular importance. Danesh accepted the ad-joining of TP and idealized type of Simple and Systematic TP. There is one point in the dynamic sequence of the text that, here the Listeners have difficulty to remember mentioning of some repeated text units in the theme or rheme of the previous sentence for the last time. Gaps in TP allow for such a conclusion that, though TP is thematic or rhematic, it becomes gradually improper and may only be comprehensive through synoptic analytic. The advantage of combined themes, the combined material of previous theme and rheme especially stresses the dynamic nature of such type of the text and offers to eliminate the contextual necessity of previous references (thematic or rhematic) from where they are located.

References:

1. Abdullayev A. A. Text, Meaning, and Understanding: a communicative-cognitive approach. – Alpha Print, UMN Minneapolis, USA, 1999. – 235 p.
2. Enkvist N. E. Stylistics and text linguistics. In Dressler W. (ed.)//Current trends in text linguistic. – Berlin de Gruyter, 1978. – P. 174–190.
3. Fries P. H. On the status of Theme in English: arguments from discourse.//Forum Linguisticum, 1981/1983. – 6/1, 1–38. (Reprinted in Petöfi, J. S. and E. Sozer (eds.), Micro and macro connexity of texts. – Hamburg: Buske. – P. 116–152.)
4. Ghadessy M. Thematic development and its relationship to register and genres. In: Ghadessy M. (ed.)//Thematic development in English texts. – London: Pinter, 1995.
5. Grabe W. and Kaplan R. Theory and practice of writing. – London: Longman, 1996.
6. Mahmudov M. A. Formal analyse system of the text. – Baku, Elm, 2002. – 242 p.
7. Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
8. Дж. Лайонз. Лингвистическая семантика. Введение. – М., 2003. – 400 с.

*Haxhiu Mariola,
MSc in Linguistic, University of Arts of Tirana,
MSc in Linguistic, the Faculty of Foreign Langue
E-mail: mariola_haxhiu@hotmail.com*

Evaluation as an important pedagogical tool in Learning and Teaching

Abstract: Evaluation means to give a certain value to something. Evaluating is an unsplitted part of the work of a teacher, who evaluates on the basis of some criterias. Evaluation is an important pedagogical tool in learning and teaching. He is often specified as a judgment of the quality.

The hypothesis that we raise is that the evaluation is an important tool in motivating pupils.it gives them the needed information in order to orient the pupils and let them profit. Are the linguistic skills evaluated in the other

teaching subjects, like Geography and History? How importance does the teacher pay in correcting them? How is a written assignment evaluated in these subjects?

Apart from the theoretical part over the importance of evaluation and the changes that are made during the time, in the focus of our job has been also the analysis of the assignments that the pupils work at class or at home in the subjects of history and geography, also the correction with a subject and linguistic character that the teachers have made on them. Analyzing them will serve as a key information to canvass on how the evaluation serves as an important factor on the pupils learning.

Keywords: teaching, learning, written assignment, school knowledge, evaluation of the written assignment.

A look over the evaluation

Teaching is the process through which the teacher transmits knowledge and enables the transition of a pupil from the current education or formation, where the teacher aims the student should be in the end of a period or educational stage. This is why the most important role of evaluation is the usage of it in the teaching process, to determine to what extent this change has happened.

One of the real challenges of the teaching process is to find the ways to evaluate the influence of our teaching process at the learning process of our pupils, making this way possible the distinction of learning with sense from routine learning.

Evaluation is a continuous process, which lies in a much wider range than testing. Every time that a pupil answers to a question, or makes a comment, or tries to impose a word, expression or a new word, the teacher instinctively makes an evaluation of the pupils performance. Written assignments, speaking, reading or other capabilities to listen and answer usually need a kind of productive performance with the teacher analysis

and evaluates implicitly. According to Broën [1]. A Good Teacher never stops evaluating his pupils, whether this accidental or intentional evaluations.

It remains with importance the way of interpreting the evaluation. During the evaluation, the teacher does not have to expose to his pupils their failures, or at least he should not start his evaluation by mentioning what the pupils have failed to learn. Evaluation must always have a positive tone, giving to the pupils the opportunity to show their knowledge.

Evaluation must be an ongoing process like a chain, continuous, which develops in levels and different periods, because only in this way it can offer constant information, which from the other part will help in the teaching process. Evaluating the pupils from the teacher and not only, must be done correctly, on the same time with the teaching process, every lesson hour, even though in an informal way, on the same time it is recommended to be applied with the same regularity even the self-assessment this way the pupils will have the opportunity to think about their achievements and problems.

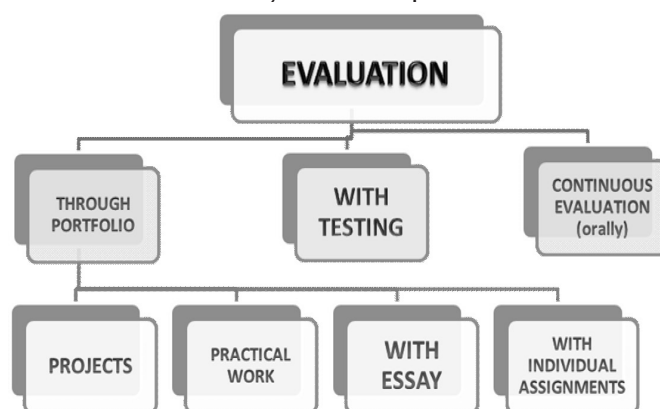

Fig. 1. Evaluation mode according the 2014 curriculum

The 2014 evaluation curriculum

In implementing the new curriculum, which is being implemented in schools during the academic year 2015–2016 on the first and sixth grade, the evaluating process of the pupil's knowledge emphasizes the importance of the writing as a communicative process, evaluating the written assignments of the pupils.

This assignments are included in the so called "pupil's portfolio" which is also evaluated at the end of every three months represents. 25 % of final assessment.

Evaluation of the written assignment is a very important tool of recognition of language skills of the pupils. Recognition of this level now, can not be done only with the practical and traditional known ways, such as:

reprimand from the teacher. The teacher must follow all the writing process starting from the planning up to the review and editing.

Perhaps one of the best ways to judge the learning process towards the achievement is to use a portfolio defined as the "process portfolio". This portfolio is a systematic collection of the pupil's work, which represent the accomplishments and achievements of each one. Usually, the teacher alone or conferring with students, determines the content of the portfolio and the criteria to be used in evaluating the quality of work. A "process portfolio" documents the learning stages and gives a progressive record of student growth during the time. Thus it is essential that the process portfolios must be organized chronologically in order that the changes in learning process can be observed. Besides the work of students the portfolios give also the opportunity for reflection and self-control of the student and both of them are the key to be a Student for a lifetime.

The usage of this portfolio, as a systematic collection of the pupil's work, provides a full panel in the development and progress of the student in the acquisition of knowledge, in understanding the concepts, application of skills and the development of attitudes. He testifies very well the integration of the writing as a very important process in communicating of scientific knowledge to students.

It is given a lot of attention to the self-evaluation of students in the new curriculum. The teacher can improve and fulfill further his judgment by asking the students to take part actively in all this evaluating process. By acting this way, the teacher has created the opportunity to collect useful information through the self-evaluation, but moreover, students involvement in the evaluating process means also that their attitudes toward learning and students themselves can vary significantly. Instead of fearing from the evaluating process, Students can begin to feel more responsible for their progress, and thus adopting an internal motivation to learn. Self-evaluation can also help the them to be more efficient as students, to diagnose their weaknesses and problems and later to try to improve them.

In our country we have in use the 10 scale system, as a formal evaluating system. The 10-scale or the mark 10 represents the highest value of evaluation, while the mark 4 the lowest. The teacher has to be careful with these measurements in order that:

- To have value;
- Be objective;
- Be reliable;
- To serve in the teaching work.

In the new curriculum that is being in use this year on the 6th grade, the teacher evaluates the students orally commenting every note set teachers comments should be positive, showing this way the achievements of the students. Basic principles of evaluation according to the new curriculum are:

- The validity;
- The transparency;
- The impartiality;
- Comprehensive evaluation.

We have an evaluation based on competencies, which is the process that provides indicators for: insights, abilities, skills, attitudes and acquired values of the students that they receive in school and are considered as integral part of learning.

The methodology and analyzes of the study

The purpose of this study is to identify the importance of evaluation in teaching as a pedagogic tool which develops the learning skills. The used method is the one of analyzing the Home and class works in Geography and History to observe the evaluations made by the teacher in this assignments. As research subjects have been selected. assignments of 50 students. The analytical methodology of this study and the interpretation of the data collected was put in operation of the hypotheses raised in the study.

Analysis and interpretation of the study data

During the analysis of the home and class assignments with the evaluation has been noticed that generally the evaluation of the assessment are fictitiously done. taking into consideration that the home works should be corrected one in three. About 58 % of teachers simply write down their signature at the end of assignments, without leaving there any comment. Other teachers, about 17 % of them put there only the mark on the home or class works. Only 25 % of the teachers leave the comments on the assignments about the students mistakes, motivating them to improve in their future works.

What is noticed during the study of homeworks and classworks in geography and history It is the negligence of the teachers to correct student's linguistic errors. These teachers is sufficient that the students answer right the asked questions even if these answers often are of nonsense.

Example:

- Christopher Columbus gave the idea that the earth was round and decided to go to India but stopped when he thought he reached India but in fact he had discovered a new land.

- These countries began the conquest of the new world. As these countries spread across America. European monarchies became so European countries.
- They were sentenced to death, burned alive in the city center, in the presence of citizens.
- The rivalry between the new states and old states began as though the new states had their military strength, the old countries were colonies, markets and influence large areas.

All these sentences are taken from the students assignments, are uncorrected by the teacher, although the assignments are signed by him.

In the assignments corrected with comments, it is noticed that comments are of different types but the majority of them are not motivating. We can mention some of them:

1. Work more.
2. Be careful with writing.
3. Answer the question correctly.
4. Be more accurate in answers.
5. Very accurate.
6. Work more accurately.

All these comments from teachers on the homeworks do nothing but make the student to renounce from the other tasks that will come later. The comments on the homeworks should be motivating and inspiring. Across these comments the teacher should express what the student has achieved and what is going to do in order to continue further. Comments should contain positive tones. It is advisable that the teacher uses a green pen on correction, given the fact that the red color is typical for correcting and evokes at the student stress and anxiety. Only 13% of teachers manage to properly evaluate an assignment and to realize the main purpose of the evaluation. Among these comments may include:

- You have answered correctly to the book request, but be careful with the spelling errors highlighted.
- It is understood the request but you can express your ideas more specifically.
- I am satisfied with the work done but careful with the vocabulary.
- You have worked with sobriety. Be careful with writing.

What remains to be highlighted are the following works of the students to whom were made motivating comments in their assignments. These students minimize their mistakes from assignment to assignment. This also proves the importance of the correction and the formulation of it addressed to the student.

Conclusions

Evaluation serves positively to the teaching process when it is done properly. The evaluation constitutes the main element on the basis of which later is worked, is built and improved everything. Without conducting the evaluation we can not talk about successful teaching and learning. A teaching process without evaluation is a teaching that goes on the unknown way.

The evaluation must be present in every lesson, it will serve to the teacher to improve his teaching methods in continuity. Through this the teacher can analyze in details what kind of knowledge he has managed to inculcate in his students and what are those aspects which require more work to achieve.

Only by giving to the students ongoing comments on their work and achievements we will make them feel motivated and evaluated. Taking into consideration all of this that we mentioned we conclude that we evaluate to develop further and to achieve further success. A good teacher should never stop evaluating!

References:

1. Brown H.D. Teaching by Principles "An interactive Approach to Language Pedagogy". – Pearson, Longman, 2007. – P. 44.
2. Armstrong T. Multiple intelligence in the classroom. – Philadelphia: Assoc. for Curriculum Development, 1994.
3. Lavinio C. Comunicazione e linguaggi disciplinari – Per un'educazione linguistica trasversale. – Roma, Carocci, 2004.
4. Plan d'études cadre romand (PECARO), élaboré par la Conférence Intercantonale de l'Instruction Publique de la Suisse Romande et du Tessin. // [Electronic resource]. – Available from: <http://www.ciip.ch/index.php?m=3&sm=13&page=129>
5. Van De Ven P.H. MTE – exploring the school subject. / In Ongstad S., Van de Ven P.H. & Buchberger I. – Mother tongue didaktik. – Linz: Universitätsverlag Rudolf Trauner, 2004. –P. 13–31.
6. Vollmer H. Langues d'enseignement des disciplines scolaires. – Strasbourg, Conseil de l'Europe, Division des Politiques linguistiques, 2006.
7. Cadre européen commun de référence pour les langues: apprendre, enseigner, évaluer. – Strasbourg, Conseil de l'Europe, Division des Politiques linguistiques, 2001.

*Rybalchenko Olga Vladimirovna,
Department of Russian Language and Speech Communication,
Kuban State Agrarian University
E-mail: rybalchenkoolga@mail.ru*

Value aspects of the concept of “family” in the contemporary media discourse Kuban

Abstract: This article analyzes the current Russian media discourse from the perspective of axiology, marked his features are called significant for residents of the region concepts, special attention is given to the value aspects of the concept “family”.

Keywords: media discourse, axiology, concept, axiosphere, family, utilitarianism.

*Рыбальченко Ольга Владимировна,
Кафедра русского языка и речевой коммуникации,
Кубанский государственный аграрный университет
E-mail: rybalchenkoolga@mail.ru*

Ценностные аспекты концепта «семья» в современном кубанском медиадискурсе

Аннотация: В статье анализируется современный кубанский медиадискурс с позиции аксиологии, отмечаются его особенности, называются значимые для жителей региона концепты, особое внимание уделяется ценностным аспектам концепта «семья».

Ключевые слова: медиадискурс, аксиология, концепт, аксиосфера, семья, утилитаризм.

В последнее время в обществе все чаще обсуждается вопрос о поисках национальной идеи, в связи с чем в значительной степени возросла роль публицистического слова. Как известно, по своей природе «публицистика призвана активно вмешиваться в жизнь, формировать общественное мнение» [2, 293]. При этом публицистический дискурс, обозначаемый в научной литературе как медиадискурс, не всегда способствует укоренению духовных ценностей у россиян, поэтому особенно важным является вопрос о том, какие в средствах массовой коммуникации актуализируются социокультурные концепты и какие формируются оценочные позиции.

При этом язык СМИ изучается представителями различных наук, но прежде всего — лингвистами. Однако большинство исследователей изучает медиадискурс на материале федеральных средств массовой информации. Но очевидно, что изучить и дать многостороннее описание такого сложного и неоднозначного феномена невозможно без регионального материала.

Несмотря на то, что в последние годы все активнее стали появляться публикации о медиадискурсе отдельных регионов (работы В. В. Кочеткова, М. А. Кормилициной, С. С. Ваулиной, М. А. Халтуриной и др.), современный медиадискурс Кубани все еще не стал

предметом специального лингвистического исследования.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что одним из основных понятий, тесно связанных как с публицистическим дискурсом вообще, так и с региональным в частности, оказывается понятие аксиологии.

Аксиологическая проблематика в данном случае «включает принципы и стратегии формирования ценностного сознания, ценностного отношения и ценностного поведения языковой личности в призма ее культурной идентичности» [1, 96]. Параметры, характерные для современного медиадискурса, образуют целостную ценностную систему, которая не является константной, а постоянно видоизменяется, поскольку меняются ценностные ориентиры человека (общества). Сами же ценностные характеристики «остаются среди еще непознанных в своем единстве и одновременно в их вариативной представленности в языке человека» [1, 96].

В связи с вышесказанным рассмотрение с позиции аксиологии современного регионального (в нашем случае — кубанского) медиадискурса представляет для нас особый интерес.

Материалом для исследования послужила картошка названий статей из ежедневных кубанских газет «Краснодарские известия», «Кубанские новости»,

«Кубань сегодня», «Вольная Кубань», еженедельной газеты «АИФ Кубань» за период с 2013 по 2015 годы. Отметим, что перечисленные очень популярны у кубанского читателя.

Так, наши наблюдения показывают, что в коммуникационное пространство кубанской публицистики вовлекаются значимые для жителей Кубани концепты: РОССИЯ, КУБАНЬ, КАЗАЧЕСТВО, ВЕРА, СЕМЬЯ, ДУХ/ДУША, которые, выступая в качестве ценностных ориентиров, определяющих его миссионерскую духовную деятельность, в своей совокупности формируют семиотическое и аксиологическое содержание исследуемого дискурса.

Особенно популярным концептом региональных публицистических текстов является концепт СЕМЬЯ (11 % от тем всех материалов). Интересно, что согласно наблюдениям некоторых ученых максимальный удельный вес материалов, посвященных семье, в федеральных СМИ не превышает 1,96 % [2].

При этом очевидно, что семья является одной из стержневых ценностей любой этнокультуры. Являясь неотъемлемой составляющей духовности народа, тема семьи характеризуется определенной спецификой вербализации, которая обусловлена присущей говорящим субъективностью интерпретации окружающей действительности, что также может представлять несомненный интерес для языковеда.

Так, в 2015 году кубанское телевидение подготовило и показало своим зрителям более 150 сюжетов на тему сохранения семейных традиций. В целях дальнейшего продолжения работы по популяризации семейных ценностей был создан при Ассоциации телерадиовещателей Кубани фонд социальных программ для обмена с городскими и районными телекомпаниями, а также рубрика «Наши семейные ценности». Кроме того, порядка 460 материалов в 2015 году были опубликованы в местных СМИ на семейную тематику.

К примеру, ежедневная газета «Краснодарские известия» за период с 2013 по 2015 год опубликовала 199 статей на тему семьи, среди них: «Здоровая семья — здоровое будущее» (02.09.2014), «На Кубани чужих детей не бывает» (19.06.2014), «По-семейному» (31.03.2015), «Аве, мамы» (04.12.2014), «Подарить ребенку семью может и одинокий человек» (03.04.2014), «Приняли в свою большую семью» (03.07.2014), «Право многодетных» (31.10.2013), «Сколько детей должно быть в семье?» (19.12.2013) и многие другие.

В ежедневной газете «Кубанские новости» теме семьи с августа 2014 по апрель 2015 года посвяще-

но 89 публикаций, среди которых такие: «Почти 50 тысяч многодетных семей на Кубани получают ежегодную денежную выплату» (31.03.2015), «Когда наш Мыкола вернется домой...» (30.03.2015), «Экономический кризис победил «семейный»» (11.03.2015), «Ребенок подземелья» (24.01.2015), «Новую семью на Кубани в 2014 году обрели 496 детей-сирот» (22.01.2015), «Посидим по-семейному» (30.12.2014), «Приоритет — забота о семьях, воспитывающих трех и более детей» (16.12.2014) и другие.

Ежедневная газета «Кубань сегодня» за 2013–2015 годы 525 раз обращалась к теме семьи («Здоровая семья — здоровое будущее» (10.09.2014), «Семья + школа = формула успешного будущего» (29.08.2013), «Краснодарцы отметили День семьи, любви и верности» (08.07.2013), «Под знаком доброты» (2.12.2013), «Под крышей дома своего» (08.07.2013), «Галина Барабанщикова: Мы должны сохранять жизнь детей» (07.02.2015), «Обсуждение стратегии молодежной политики» (12.03.2015) и мн.др.

В ежедневной газете «Вольная Кубань» есть рубрика «Семья», где регулярно обсуждаются вопросы семейных отношений: «Каждый ребенок должен жить в семье» (15.01.2015), «Принципом нуждаемости по принципу рождаемости» (23.10.2014), «Женская судьба» (10.09.2014), «Ребенок на заказ» (28.08.2014), «Сегодня — День любви, семьи и верности» (8.07.2014), «История поколений — история страны» (8.07.2014), «Чужих детей не бывает» (20.06.2014), «Как получить путевку для малыша» (19.03.2013), «Кубань — без сирот» (19.03.2013) и т. п.

Необходимо отметить, что для решения проблем семьи, усиления ее формирующего потенциала в кубанском регионе применяется программно-целевой подход. К примеру, под патронажем Департамента семейной политики Краснодарского края действуют такие программы: Государственная программа Краснодарского края «Дети Кубани», Государственная программа Краснодарского края «Социальная поддержка граждан», Государственная программа Краснодарского края «Доступная среда». В региональных СМИ регулярно освещаются результаты реализации этих программ.

Кроме того, уже около 10 лет на Кубани каждое третье воскресенье сентября празднуется День кубанской семьи. Этот день не только олицетворяет собой самые прекрасные чувства любви и верности, но и через СМИ привлекает внимание жителей Кубани к вопросам семьи, помогает развивать и сохранять се-

мейные традиции: «Сегодня — День кубанской семьи. Где родились, там и пригодились» (Кубанские новости, 20.09.2014), «Три поколения — в дружбе и любви!» (Краснодарские известия, 20.09.2014) и др.

Таким образом, популярность концепта СЕМЬЯ, находящая выражение посредством СМИ, создает определенную аксиосферу кубанского медиадискурса, моделируя ее уже на базе существующей общепринятой системы ценностей.

Наши наблюдения показали, что представления о семье в языковом сознании жителей Кубани, как правило, связаны с нравственной оценкой человеческих поступков: «Здоровая семья — здоровое будущее» (Краснодарские известия, 02.09.2014), «На Кубани чужих детей не бывает» (Краснодарские известия, 19.06.2014) и др.). Эффективное развитие общества и оптимистические перспективы развития человечества зависят, в первую очередь, от выраженности этого важнейшего духовного феномена в жизнедеятельности социального субъекта.

При этом нельзя не отметить, что ценностной доминантой современности признается утилитаризм. Конфликт этической и утилитарной модели аксиосферы современного человека в полной мере находит отражение и в кубанских публицистических текстах и их названиях: «Право многодетных» (Краснодарские известия, 31.10.2013), «Сколько детей должно быть в семье?» (Краснодарские известия, 19.12.2013), «Экономический кризис победил “семейный”» (Кубанские новости, 11-03-2015), «Как получить путевку для малыша» (Вольная Кубань, 19.03.2013) и других.

В завершение необходимо отметить, что продолжение исследования современного кубанского медиадискурса в свете аксиологии представляется нам перспективным и интересным как с целью обогащения знаний в области концептологии, так и с целью описания менталитета людей, живущих на Кубани, их мироощущения, системы ценностей в условиях изменяющейся действительности.

Список литературы:

1. Рыбальченко О. В., Павловская О. Е. Квазифразеологизмы в заголовках кубанских печатных СМИ в свете аксиологии. // Вестник Адыгейского государственного университета. – Сер. Филология и искусствоведение. – 2014. – Вып. 1 (134). – С. 95–98.
2. Рыбальченко О. В. Прагматический тип передачи информации в публицистическом дискурсе. // Вестник Иркутского Государственного Технического Университета. – 2011. – № 2 (49). – С. 292–294.

*Tumanova Ekaterina Olegovna,
Moskau Metropolitan Governance-Universität,
Associate Professor, Lehrstuhl für Sozial humanitären
Disziplinen und Rechtsgeschichte
E-mail: Ekaterina.msu@mail.ru*

Aphorismus vs. Phraseologismus

Abstrakt: Das Ziel der Forschung ist die Rolle von Aphorismen in der deutschen Phraseologie zu bestimmen und die kennzeichnenden Merkmale der Aphorismen als festgeprägter Sätze zu beschreiben. Die Aphorismen, die als Phraseologismen betrachtet werden, sind in Gruppen nach ihrer Herkunft und Thematik geteilt.

Stichwörter: Aphorismus, Phraseologismus, Deutsch.

In der modernen Welt ist die Fähigkeit des Menschen knapp und präzise, aber in der gleichen Zeit bildhaft und ausdrucksvoll seine Ideen auszudrücken von besonderem Wert. Eine wichtige Rolle spielen dabei feste Wortverbindungen und festgeprägte Sätze, die als Forschungsobjekt im Blickpunkt der Phraseologie stehen. Obwohl sich moderne phraseologische Forschungen intensiv mit vielen für die Phraseologie relevanten Problemen befassen, steht eine wichtige Frage offen:

können oder sollen Aphorismen als festgeprägte Sätze bzw. als Phraseologismen betrachtet werden? Wenn ja, aus welcher Sicht können sie beschrieben werden.

In einigen Klassifikationen von Phraseologismen lassen sich Aphorismen als festgeprägte Sätze betrachten (Vgl. [3]). In der Klassifikation von der bekannten russischen Phraseologin I. I. Černyševa [1] werden Parömien als festgeprägte Sätze untersucht, aber Aphorismen und geflügelte Worte werden im Unterschied zu

den sprichwörtlichen Redensarten und Sprichwörtern aus der Klassifikation von Phraseologismen ausgeklammert.

Das Ziel dieser Arbeit war, die Möglichkeit zu reflektieren, deutschsprachige Aphorismen als Einheiten der deutschen Phraseologie zu betrachten und ihren Stellenwert als Quelle von linguokulturologischen Informationen zu beschreiben.

1. Zuerst wurden die Merkmale von festgeprägten Sätzen analysiert, die in den Klassifikationen als eine besondere Gruppe von Phraseologismen betrachtet werden, um später festzustellen, ob die Aphorismen diese Merkmale besitzen. Zu den typischen Merkmalen der festgeprägten Sätze gehören Reproduzierbarkeit in verschiedenen Textsorten, Festigkeit, Kodifizierbarkeit, Erkennbarkeit, Knappheit, Bildhaftigkeit, didaktische Funktion, kommunikative Signifikanz [3, 90–91]. Die genannten Merkmale sind in erster Linie für Sprichwörter und sprichwortähnliche Redensarten typisch; zugleich besitzen **nur einige** Aphorismen diese phraseologischen Merkmale, und zwar solche, die als geflügelte Worte fungieren. Deswegen wäre es sinnvoll zu bestimmen, ob die Aphorismen, die die Merkmale der Phraseologismen haben, als geflügelte Worte kodifiziert sind. Also, **die phraseologisierten Aphorismen** sind geflügelte Worte. Aber zu den geflügelten Worten gehören geflügelte Wortverbindungen und geflügelte Sätze. Die phraseologisierten Aphorismen gehören demgemäß zu der zweiten Gruppe von geflügelten Worten, zu den geflügelten Sätzen. Außerdem haben einige Aphorismen mittlerweile schon sprichwörtlichen Charakter angenommen und sind heutzutage in den Sammlungen von Sprichwörtern zu treffen, obwohl sie als einmal individuelle Erfindungen gelten und in den meisten Fällen dank ihren Autoren in der Sprache populär wurden.

In dieser Forschung wurden die Aussprüche, die in einigen Sammlungen von Sprichwörtern und fast in allen Fällen auch als geflügelte Worte kodifiziert sind, aber deren Autoren prominente Persönlichkeiten waren, als phraseologisierte Einheiten betrachtet.

2. Auf der nächsten Etappe wurde ein Korpus von deutschsprachigen Aphorismen aus verschiedenen Quellen zusammengestellt. So waren 171 000 Aussprüche auf der deutschen Webseite „1001 Aphorismen“, ungefähr 2000 geflügelte Worte auf der Webseite „Academic dictionaries and encyclopedias“ im Abschnitt „Liste geflügelter Worte“, 2712 geflügelte Worte aus dem Duden, Band 12 „Zitate und Aussprüche“ und 1205 geflügelte Worte aus dem russisch-deutschen Lexikon von J. Afonkin untersucht. Aus den genannten Quellen wurden geflügelte Sätze, die Aussprüche sind, ausgewählt, die in

allen von mir analysierten Quellen kodifiziert waren. Es waren insgesamt 1297 Einheiten.

Nach der ausführlichen Analyse der Gruppe von geflügelten Sätzen können wir feststellen, dass man zu den geflügelten Sätzen nicht nur populäre und bildhafte Aphorismen, die ein originelles Urteil, eine persönliche Erkenntnis oder Lebensweisheit enthalten, sondern auch Sprüche nicht aphoristischer Herkunft zählt, z. B. Aussprüche von Prominenten aus den Bereichen Politik, Wirtschaft, Sport, Werbeslogans oder Songtitel, die keinesfalls einen geistreichen Gedanken formulieren, z. B. der Slogan „*Der nächste Winter kommt bestimmt*“ von der Rheinischen Braunkohlenbrikett-Verkauf GmbH aus dem Jahr 1960.

Insgesamt besteht diese Gruppe der nicht aphoristischen geflügelten Worte aus 621 Aussprüchen. Das bedeutet, dass die zweite Gruppe, die unser Forschungsobjekt bildet, aus 676 Einheiten besteht und beide Gruppen fast gleich sind. Das Korpus der phraseologisierten Aphorismen, die alle angeführten Merkmale der festgeprägten Sätze haben, besteht aus 676 sprachlichen Einheiten. Diese Zahl bedeutet für die weiteren phraseologischen Forschungen, dass die meisten Aphorismen keine Phraseologismen und damit kein Forschungsobjekt der Phraseologie sind, weil sie die Merkmale der festgeprägten Sätze nicht besitzen.

Laut der Analyse gehört zum Forschungsobjekt der Phraseologie nur ein kleiner Teil aller Aphorismen. Die meisten von 171 000 deutschsprachigen Aphorismen und Aussprüchen, die sich auf der Webseite „1001 Aphorismen“ befinden, sind für die Phraseologen irrelevant, nur 676 Aphorismen besitzen die Eigenschaften der festgeprägten Sätze. D. h., dass nur 0.4% aller Aphorismen Forschungsobjekt der Phraseologie, bzw. Bestandteil der Phraseologie, des Sprachsystems sind.

3. Auf der dritten Etappe meiner Forschung hatte ich das Ziel, das Korpus der phraseologisierten Aphorismen aus linguokulturologischer Sicht zu klassifizieren und zu beschreiben. Dabei kann ich zwei Klassifikationen vorschlagen: nach der Herkunft und nach der Thematik der phraseologisierten Aphorismen.

Die erste Klassifikation der phraseologisierten Aphorismen nach ihrer Herkunft lässt alle Einheiten in zwei fast gleiche Gruppen teilen:

Die erste Gruppe sind entlehnte Aphorismen. Das sind die Einheiten, die ins Deutsche aus anderen Sprachen entlehnt worden sind. Diese Aphorismen gehören zu den internationalen Phraseologismen, sie funktionieren nicht nur als ihre deutschsprachigen Übersetzungen, sondern auch in ihren authentischen Ausgangsformen. Zu dieser Gruppe gehören 307 phraseologisierte Apho-

rismen, die keine Erläuterungen in der Kommunikation benötigen, weil sie fast in der ganzen Welt bekannt sind.

Vorwiegend besteht diese Gruppe der Lehnaphorismen aus den Gnomen und Sentenzen der antiken (altgriechischen und altrömischen) Philosophen, Politiker, Künstler usw., z. B. „Der Mensch ist dem Menschen ein Wolf“ (lateinisch: *Homo homini lupus*) vom römischen Komödiendichter Plautus.

Eine besondere Untergruppe der Lehnaphorismen (etwa 90 Aphorismen) bilden Aussprüche aus der Bibel, bzw. aus dem Alten Testament, z. B. *Niemand kann zwei Herrn dienen. Wer's glaubt, wird selig.*

Zu den Lehnaphorismen der englischsprachigen Autoren gehören auch die Zitate aus den Meitserwerken von W. Shakespeare, z. B. „Die ganze Welt ist ein Theater“ und Aussprüche von Mark Twain, z. B. „Es gibt drei Arten von Lügen: Lügen, verdammte Lügen und Statistiken“. Es sind auch Aussprüche aus der französischen Sprache zu finden, z. B. „Vom Erhabenen zum Lächerlichen ist nur ein Schritt“ von Napoléon Bonaparte.

Die zweite Gruppe der phraseologisierten Aphorismen bilden **autochthone Aphorismen**, d. h. echt deutsche Aphorismen, die im deutschsprachigen Raum entstanden sind und aus dem Deutschen in andere Sprachen weiter entlehnt worden sind. Diese Gruppe besteht aus 369 Einheiten und kann in vier Untergruppen geteilt werden.

1. Die erste Untergruppe ist die größte und besteht aus den Aphorismen der literarischen Herkunft, d. h. aus den Zitaten der berühmten deutschsprachigen Autoren. Größtenteils kommen die Aphorismen aus den Wer-

ken von J. W. Goethe, bzw. aus seiner Tragödie „Faust“, z. B. *Alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis*. Insgesamt sind 84 Aphorismen aus den Werken von Goethe als festgeprägte Sätze kodifiziert. Aus den Werken von Friedrich Schiller kommen etwa 54 Aphorismen, z. B. „Der Krieg ernährt den Krieg“ aus dem zweiten Teil der Wallenstein-Trilogie.

2. Die zweite Untergruppe der autochthonen Aphorismen besteht aus den Aussprüchen der prominenten deutschsprachigen Politiker, z. B. „Lerne leiden, ohne zu klagen“ von Friedrich III. Einen Teil der politischen Aussprüche bilden die Aphorismen von dem ersten Reichskanzler des Deutschen Reiches Otto von Bismarck: „Es wird nie so viel gelogen wie vor der Wahl, während des Krieges und nach der Jagd“. Zu dieser Untergruppe der phraseologisierten Aphorismen gehören auch Zitate aus dem Deutschen Grundgesetz, z. B. „Die Würde des Menschen ist unantastbar“ (Artikel 1).

3. Die dritte Untergruppe der echt deutschen Aphorismen sind Sentenzen und Maximen der deutschsprachigen Philosophen. Zu dieser Untergruppe gehören folgende Aussprüche: Das Zitat „Was mich nicht umbringt, macht mich stärker“ von Friedrich Nietzsche findet sich in seiner *Götzen-Dämmerung*.

4. Die vierte und die kleinste Untergruppe sind Zitate aus verschiedenen musikalischen Werken oder Aussagen von deutschsprachigen Komponisten, z. B. Die rhetorische Frage „Kann denn Liebe Sünde sein?“ stammt aus dem 1938 gedrehten Film „Der Blaufuchs“.

Die beiden Gruppen der phraseologisierten Aphorismen sind fast gleich (Fig. 1).

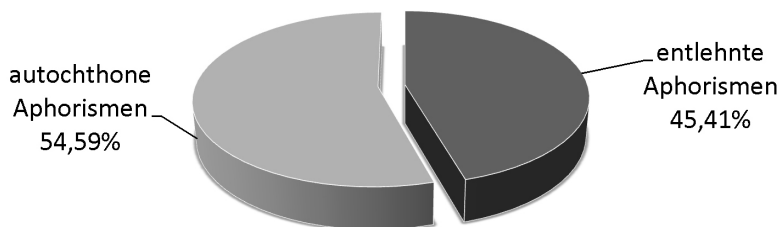

Fig. 1. Klassifikation der phraseologisierten Aphorismen nach ihrer Herkunft

Diese Gleichheit der beiden Gruppen bedeutet, dass sie gleich wichtig für die phraseologische Forschung sind und dass in der deutschen Sprache teilweise entlehnte, teilweise autochthone phraseologisierte Aphorismen gebraucht werden.

Die Klassifikation der phraseologisierten Aphorismen nach ihrer Thematik spielt auch aus der Sicht der Kommunikation eine wichtige Rolle. Das Korpus der phraseologisierten deutschsprachigen Aphorismen enthält Aussprüche zu allen Themen des menschlichen Wissens. Die Aphorismen sind folgenden Themen gewidmet: Politik, Kultur, Philosophie, zwischenmenschliche Be-

ziehungen, Gesundheit, Glaube, Wissen usw., z. B. *Gegen Angriffe kann man sich wehren, gegen Lob ist man machtlos* (S. Freud). *Krieg ist die Fortsetzung der Politik mit anderen Mitteln* (Clausewitz). *Geld regiert die Welt* (G. Henisch). Diese Klassifikation hat ergeben, dass sowohl entlehnte, als auch autochthone Aphorismen den gleichen Themen gewidmet sind. In allen thematischen Gruppen treffen wir antike Gnomen und Sentenzen, biblische Aussprüche und Zitate aus den Werken deutschsprachigen Autoren, Aussprüche der Politiker und Philosophen. Das bedeutet, dass für die Kommunikation wichtiger Ausrichtung und Thematik des Ausspruchs ist als seine Herkunft.

Damit hat die Forschung ergeben, dass nicht alle Aphorismen als festgeprägte Sätze bezeichnet werden können. Festgeprägt phraseologisiert sind nur solche Aphorismen, die in verschiedenen Sammlungen der geflügelten Worte oder der Sprichwörter kodifiziert sind (676 Aussprüche). Diese Art der Aphorismen ist in der deutschen Sprache weit verbreitet und unter den Muttersprachlern populär, man kann sie **phraseologisierte Aphorismen** nennen. Sie sind ein Bestandteil des deutschen Sprachsystems, enthalten Merkmale der Phraseologismen, bzw. der Sprichwörter oder sprichwörtlichen Redensarten, die laut Professor I. I. Černyševa zu einer besonderen Klasse der Phraseologismen gehören, und sind als festgeprägte Sätze ein Forschungsobjekt der Phraseologie.

Weiter habe ich festgestellt, dass zu den phraseologisierten Aphorismen des Deutschen gleichermaßen entlehnte Aphorismen (307 Einheiten) und autochto-

ne (echt deutsche) Aphorismen (369 Einheiten) gehören, die alle wesentlichen Bereiche des menschlichen Lebens: Politik, Kultur, Philosophie, zwischenmenschliche Beziehungen, Gesundheit, Glaube, Wissen usw. widerspiegeln. Diese Erkenntnis zeugt von den engen Beziehungen zwischen verschiedenen Sprachen und Kulturen.

Außerdem zeugt die Analyse der phraseologisierten Aphorismen aus linguokulturologischer Sicht davon, dass die Kultur einen besonderen Einfluss auf die Sprache hat. Die Gruppe der phraseologisierten Aphorismen zeigt davon, dass die Aussprüche, die ein Teil der Weltkultur sind, können auch als Bestandteil des phraseologischen Systems betrachtet werden. Es ist ersichtlich, dass die Kultur immer in der Sprache widerspiegelt ist. Die Aphorismen sind gerade eine der Grenzen, wo Kultur in der Sprache reflektiert ist.

Referenz:

1. Chernysheva I. I. Nemeckaja frazeologija i principy ee nauchnoj sistematizacii. // Binovich L. Je., Grishin N. E. Nemecko-russkij frazeologičeskij slovar'. – M.: Russkij jazyk, 1975. – S. 651–656.
2. Polchaninova E. O. Precedentnyj aforizm kak frazeologičeskaja edinica v sovremennom nemeckom jazyke. // Nauka i biznes: puti razvitija. – 2011. – № 6. – S. 89–94.
3. Tumanova E. O. Aforizm vo frazeologii i frazeologizm v aforistike sovremennogo nemeckogo jazyka: lingvokul'turologičeskij aspekt: diss. kand. filol. nauk: 10.02.04/Mosk. ped. gos. un-t. – M., 2012. – 293 s.

*Samarin Dmitrii Aleksandrovich,
Baikal State University (branch in Yakutsk), Ph. D. in Philology,
docent of the chair of legal provision of national security
E-mail: dsamarin2011@yandex.ru*

Hugo Schuchardt and the onomasiological direction in grammar of the XX century

Abstract: The article analyzes a scientific activity of the Austrian linguist H. Schuchardt. His onomasiological conception of grammar is considered in the context of comparative studies and in comparison with ideas of other scientists. H. Schuchardt has notably influenced the development of onomasiological investigations and linguistics of the XX century on the whole.

Keywords: comparison; language; meaning; word; object; language mixing; vocabulary; onomasiological approach.

*Самарин Дмитрий Александрович,
Байкальский государственный университет (филиал в г. Якутске),
кандидат филологических наук, доцент кафедры
правового обеспечения национальной безопасности
E-mail: dsamarin2011@yandex.ru*

Гуго Шухардт и ономаσιологическое направление в грамматике XX столетия

Аннотация: В статье анализируется научная деятельность австрийского лингвиста Г. Шухардта. Его ономаσιологическая концепция грамматики рассматривается в контексте компаративистики и в сравнении с пред-

ставлениями других учёных. Г. Шухардт оказал заметное влияние на развитие ономаσιологических исследований и лингвистики XX века в целом.

Ключевые слова: сравнение; язык; значение; слово; вещь; смешение языков; словарь; ономаσιологический подход.

Научная деятельность австрийского лингвиста Гуго Шухардта (1842–1927) представляет собой одну из наиболее ярких страниц в лингвистике первой половины XX столетия. Научные интересы учёного были очень разнообразны, охватывая самые разные сферы культуры. Г. Шухардт принадлежал к ономаσιологическому направлению в языкознании, которое в этот период активизировалось, в первую очередь, благодаря его личному участию.

Г. Шухардт занимался исследованием и сравнением европейских языков, основное внимание уделяя изучению истории слов и обозначаемых ими вещей. Эти взгляды сформировались ещё в годы его учёбы у А. Шлейхера и Ф. Дица. Острый интерес к вопросам теории сочетался у исследователя с приверженностью конкретным исследованиям различных языков. Австрийский учёный, действительно, отличался завидной практической подготовкой, так как специализировался по романским, баскскому, мадьярскому, древнееврейскому, кавказским, славянским и финно-угорским языкам.

Для Г. Шухардта было характерно размежевание лингвистики и филологии, что было связано с его убеждённой в более тесной связи между языками различных групп, нежели с их литературными традициями. При этом в данном аспекте для него не имели значение географические границы.

В лингвистической концепции Г. Шухардта выделяется его повышенный интерес к значению слов. Впрочем, об этом в статье «Вещи и слова» заявлял сам учёный: «Вещь, под которой понимаются и предмет, и действие, и состояние, первична по отношению к слову» [4, 201]. Неслучайно в историю лингвистики он вошёл как автор теории «слов и вещей». На это условие указывали в «Истории лингвистических учений» Ю. В. Левицкий и Н. В. Боронникова: «Хотя в своих работах Г. Шухардт имел дело с разными аспектами языка — фонетикой, лексикой, грамматикой, — отмечали, — особое место он отводил семантике, закономерностям развития семантического строя языка, считая, что исследование вещей и исследование слов должны производиться одновременно» [2, 156]. Именно семантическая сторона, по его мнению, представляла собой самый важный объект исследования учёных-лингвистов.

Г. Шухардт считается одним из основателей современной лексической ономаσιологии. Так как он полагал вещь первичной относительно слова, её обозначающего, в его концепции доминирующим было именно ономаσιологическое направление, исследующее факты языка с позиции говорящего. Именно после работ Г. Шухардта размежевание семасиологического и ономаσιологического подходов в лексикологии стало общепринятым.

Г. Шухардта отличала широта научных интересов: он знал несколько языков, исследовал случаи их смешения, проводил фонетические исследования (с ними были связаны его споры с Г. Паулем и другими представителями младограмматического учения) [3, 26–27]. В антагонистическом отношении австрийского учёного к методам Лейпцигской школы проявилась характеризующая его деятельность непримиримость к проявлениям формализма.

Младограмматическое направление было негативно воспринято и другими исследователями языка. В России особым критическим отношением к школе Г. Пауля отличались И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий и Л. В. Щерба. В. М. Жирмунский в связи с этим назвал диссидентом и Г. Шухардта с его теорией языковых смешений и субстрата [1, 8]. Между тем, в «Принципах истории языка» Г. Пауль писал: «Если мы возьмём смешение языков в этом широком смысле, то мы должны согласиться с Шухардтом в том, что среди всех вопросов, с которыми имеет дело нынешнее языкознание, ни один не имеет большего значения, чем смешение языков» [8, 390]. Г. Шухардт, занимаясь проблемами исторической лексикологии, фактически исследовал те же вопросы. Но его не устраивали теории учёных Лейпцига, объяснявшие изменения в языке в основном биологическими (артикуляционными) и психологическими причинами. В отличие от них, Г. Шухардт стремился найти источник изменений языка в реальном мире, заполненном вещами.

Швейцарский лингвист Ф. де Соссюр (1957–1913) был учеником А. Лескина, Г. Остгофа и К. Бругмана, поэтому и его грамматическая теория, и появившийся позднее структурализм связывались с младограмматической традицией. Г. Шухардт критиковал идеи Ф. де Соссюра о различии синхронической и диахро-

нической лингвистики. По этому поводу австрийский учёный отмечал: «Эти оси символизируют собой два названных вида лингвистики, которые должны строго различаться; нам категорически запрещается “одновременное изучение отношений во времени и в системе”» [6, 189]. Критикуя это деление, он опровергал абсолютный характер покоя и движения в языке. В разграничении внутренних и внешних элементов языка Ф. де Соссюр был не согласен с Г. Шухардтом. Глава Женевской школы скептически отозвался о его теории «слов и вещей»: «Утверждали, что нет абсолютно никакой возможности отделить все эти вопросы от изучения языка в собственном смысле. Такая точка зрения возобладала в особенности после того, как с такой настойчивостью стали выдвигать эти “realia”» [9, 41]. Ф. де Соссюр считал чрезвычайно важным изучение внешних лингвистических явлений.

Семантический аспект исследований Г. Шухардта связывался у него с изучением словаря разных социальных страт с целью установления происхождения слов. В статье «Этимология и исследование истории слова» учёный обосновал необходимость этого приёма: «Подобно тому, как нет двух людей, обладающих словарём совершенно одинакового объёма, так и между разными общественными группами, проживающими в пределах одной и той же территории, различия в объёме словаря исключительно велики; зоны распространения того или иного слова заслуживают самого пристального внимания и по возможности должны быть изучены» [7, 220]. Но, что, несмотря на успехи сравнительно-исторической лингвистики в сфере этимологии, большая часть этих работ не учитывала всех реалий. Очевидно, что основной причиной развития и изменения языка учёный считал смешение языков.

В 1880-е гг., когда Г. Шухардт интенсивно проводил исследования баскского языка, проблема смешения языков стала одним из главных направлений его исследований. В статье «К вопросу о языковом смешении» подчёркнуто: «Среди всех тех проблем, которыми занимается в настоящее время языковедение, нет, пожалуй, ни одной столь важной, как проблема языкового смешения» [5, 175]. Учёный был убеждён в совершенной безграничности возможностей этого смешения, не сомневаясь в его наличии и при непрерывной территориальной смежности. По этой причине Г. Шухардт утверждал, что «несмешанных язы-

ков» просто не существует. Соответственно, в 3-ей главе сборника его работ указано: «Если повсеместно при плотном общении разноязычных групп людей также и языки влияют друг на друга, то, наоборот, там, где доказано физическое скрещение, которое ведь предполагает самое глубокое общение, также нужно предполагать скрещение языков» [10, 131]. На этом основании он связывал дилемму существования индоевропейского праязыка с физической предысторией индоевропейских народов.

Отрицание понятия единства системы языка (или диалекта) пронизывает все лингвистические исследования Г. Шухардта. В каждом «индивидуальном языке» отдельные слова и формы имеют свою особую историю, а фонетические, грамматические и лексические новообразования распространяются абсолютно независимо от одних лиц к другим посредством беспрерывных смешений. И именно эти смешения, в соответствии с индивидуалистической теорией Г. Шухардта, составляют сущность процесса языкового общения.

Ономасиологическая концепция языка, предложенная Г. Шухардтом, базируется на рассмотрении соотношений между вещами и обозначающими их словами. Эта позиция приводит к идее группировки слов не по этимологическому, а по тематическому признаку, связанному с идеей создания тематических словарей. Учёный открыто высказался в их пользу: «Словарь, составленный по принципу однородных вещей, гораздо более поучителен, чем составленный в алфавитном порядке; в последнем эта поучительность отсутствует» [4, 198]. Этот словарь можно иначе назвать идеографическим. В отличие от традиционного словаря, ориентированного на позицию получателя речи, он соответствует принципам ономасиологической грамматики.

Г. Шухардт стал не только инициатором ономасиологического подхода к исследованию языка в XX столетии. Его работы оказали несомненное воздействие на развитие общего языковедения, в особенности лексикологии и лексикографии. При этом значение лингвистической концепции учёного перешло границы не только его родной Австрии, но и Европы. Его подход оказал воздействие на последующее развитие лингвистической географии и структурализма Ф. де Соссюра. Передовые идеи Г. Шухардта вызвали также определённый резонанс в России и СССР.

Список литературы:

1. Жирмунский В. М. Избранные труды. Общее и германское языкознание. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1976. – 696 с.
2. Левицкий Ю. А., Боронникова Н. В. История лингвистических учений. – М.: Высшая школа, 2005. – 302 с.
3. Самарин Д. А. Фердинанд де Соссюр и Гуго Шухардт (сравнение их методологических позиций) // В мире научных открытий. – 2013. – № 5.1 (41). – С. 24–42.
4. Шухардт Г. Вещи и слова. // Избранные статьи по языкознанию: Пер. с нем./Ред., предисл. и примеч. Р. А. Будагова. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 198–209.
5. Шухардт Г. К вопросу о языковом смешении. // Избранные статьи по языкознанию: Пер. с нем./Ред., предисл. и примеч. Р. А. Будагова. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 174–184.
6. Шухардт Г. О книге Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». // Избранные статьи по языкознанию. Пер. с нем./Ред., предисл. и примеч. Р. А. Будагова. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 185–197.
7. Шухардт Г. Этимология и исследование истории слова. // Избранные статьи по языкознанию: Пер. с нем./Ред., предисл. и примеч. Р. А. Будагова. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 210–220.
8. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. – 5. Aufl. – Halle a. S.: Verlag von Max Niemeyer, 1920. – 432 s.
9. Saussure F. de. Cours de linguistique générale [Texte]/F. de Saussure. – Paris: Edition Payot & Rivages, 1997. – 520 p.
10. Schuchardt H. Hugo-Schuchardt-Brevier: Ein Vademecum der Allgemeinen Sprachwissenschaft. Als Festgabe zum 80. Geburtstag des Meisters zusammengestellt und eingeleitet von L. Spitzer. – Halle (Saale): Verlag von Max Niemeyer, 1922. – 483 s.

*Umirzakova Zaure Asetovna,
Kazakh National Pedagogical University,
Assistant Professor, Department of methodology
of teaching philological disciplines
E-mail: Zaure.aru@mail.ru*

Communicative tactics in the communicative act “Explanation”

Abstract: The article analyzes the communicative act “Explanation” of the passage from the novel of C. Abdullayev “Family Secrets”. By making analysis the author reveals the purpose of communicative tactics, makes ascertain the extent of each of them in the communicative act.

Keywords: communicant, frame, communicative act, communicative tactics, communicative purpose.

*Умурзакова Зауре Асетовна,
Казахский национальный педагогический университет,
Доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин
E-mail: Zaure.aru@mail.ru*

Коммуникативные тактики в коммуникативном акте «разъяснение»

Аннотация: В статье проводится анализ коммуникативного акта «разъяснение» на примере отрывка из романа Ч. Абдуллаева «Семейные тайны». В результате анализа автор выявляет цель используемых коммуникативных тактик, выясняет степень реализованности каждой из них в данном коммуникативном акте.

Ключевые слова: коммуникант, фрейм, коммуникативный акт, коммуникативная тактика, коммуникативная цель.

Как отмечают исследователи, для успешного общения актуально знание когнитивных пресуппозиций своих и партнера. Характер партнеров, их статус в коммуникативном акте, цели, которые они преследу-

ют в данном акте общения, характер дискурса, в рамках которого проходит коммуникация — все это определяет выбор коммуникативных тактик и их реализацию. Особое место занимает тип коммуникативного акта.

В данной работе мы хотим подвергнуть анализу коммуникативный акт «разъяснение», осуществляющийся на стыке неформально-бытового общения, однако связанный с криминальным преступлением — отравлением 65-летней женщины [1, 320].

Следует отметить, что статус коммуникантов неравный: коммуникант № 1 (Дронго) — профессионал-аналитик по криминальным преступлениям; коммуникант № 2 (Эмма) — рядовой свидетель, однако хорошо знающий нюансы родственных отношений убитой и ее близких. Когнитивные пресуппозиции коммуникантов не совпадают, поскольку фрейм «криминальное преступление» у Дронго сформирован детально и глубоко, у Эммы же представление об этом событии смутные и приблизительные.

Дронго является инициатором общения и нить инициативы находится постоянно у него на руках. Даже в тех случаях, когда Эмма задает вопрос, Дронго свой ответ строит таким образом, чтобы получить интересующую его информацию, которая могла бы изменить ее представления об обсуждаемой ситуации.

Дронго в своем речевом поведении исходит из тех слотов фрейма, которые у него сформированы: произошло преднамеренное убийство путем отравления; убийца — один из присутствовавших на дне рождения Марты; все усилия Дронго направлены на выявление преступника и мотива преступления и сдаче его полиции.

Первый слот в сознании Дронго конкретизирован, аналитик указывает на способ отравления:

– Вы думаете, что ее убили? (спрашивает Эмма).

– Почти наверняка отравили, — задумчиво произнес Дронго. (И далее он эксплицирует ход своих рассуждений). — Симптомы были более чем очевидные. Учитывая, что вино и шампанское, которое она (Марта — отравленная хозяйка коттеджа) пила, были из общей бутылки и, кроме нее, их пили все остальные, то можно предположить, что яд кто-то положил в бокал [1, 121–122].

Далее, в процессе развития коммуникативной ситуации это предположение подтверждается результатами вскрытия.

Второй слот — один из присутствующих — убийца-отравитель — формируется частично из наблюдений Дронго над тем, что никого из посторонних не было и что яд подложили в бокал конкретного лица.

– ... А убийца находился среди тех, кто был с нами в гостиной (Дронго).

– Но там не было чужих! — чуть не сорвалась на крик Эмма [1, 125].

Тактика сопротивления выражена здесь синтаксическими конструкциями противительного характера.

В коммуникативном акте в связи с необходимостью разъяснения Эмме позиций Дронго в данной ситуации вербализуются достаточно подробно.

– Тогда кто это сделал? (Эмма).

– Если бы я знал, то прямо сейчас поехал бы в полицию (Дронго).

– И сдали бы этого человека? — мрачно поинтересовалась Эмма.

– Это моя профессия.

– А если бы убийцей оказалась я или моя сестра, вы бы все равно отравились выполнять свой долг?

– Думаю, что да.

И далее идет конкретизация слота с указанием причин.

– Неужели вы можете так спокойно предавать своих знакомых? И вам совсем не стыдно?

– Если моим знакомым не стыдно убивать, то почему мне должно быть стыдно их разоблачать? — поинтересовался Дронго.

– А если я вас позвала, чтобы вы нам помогли и защитили? А вы, наоборот, готовы нас сдать. И еще гордитесь этим.

– Я не сказал, что горжусь. Но если бы убийцей были бы вы или ваша сестра, то мне было очень неприятно. ... я все равно бы разоблачил человека, который решился на такой скверный поступок [1, 126].

В данном случае ключевым словом для слота Эммы выступает *предать*, смысл которого в данном контексте сводится к следующему: выдать полиции своего (родственника, знакомого), даже если он виновен, оценивается бытовой моралью отрицательно. Ключевым для слота Дронго является слово *разоблачить*, т. е. сделать явным скрытые, общественно опасные действия человека, который должен в соответствии с законом понести наказание. Слот Дронго реализует общественную мораль: действия человека не должны приносить вред другим членам общества, общество в лице государства и его установлений обязано защитить членов общества, независимо от личных качеств потерпевшего.

Каждый из двух участников коммуникативного акта исходит в своих оценках и действиях из определенного фрейма. Но эти фреймы не адекватны, в них мало общего. Так, Дронго руководствуется профессиональным фреймом «криминальное преступление», в котором слоты «преступник», «наказание преступника в соответствии с законом» четко очерчены, основаны на своде законов уголовного кодекса и не могут быть варьированы под влиянием

эмоционально-субъективных факторов. Эмма же оценивает происходящее в рамках фрейма «родственные отношения», в котором семантическая оппозиция «свой-чужой» играет большую роль, а понятие «преступник» неприложимо по отношению к своему, к родственнику. Поэтому Эмма долгое время не хочет понять, что произошло преднамеренное убийство, пытаясь перекалфицировать их в случайное пищевое отравление или смерть от аллергического шока.

– *Но ее убили. Теперь нужно понять, кто и зачем это сделал. У вас есть конкретные подозреваемые (Дронго).*

– *Вы издеваетесь? Я до сих пор не верю, что ее могли отравить. Может, она съела какую-нибудь гадость или ей нельзя было пить шампанское (Эмма).*

– *Не говорите глупости. Мы тоже с вами пробовали это шампанское. И она почти ничего не ела. Даже не прикоснулась к торту, который заказала ваша сестра. Ее убили, и сделали это намеренно. А убийца находился среди тех, кто был с нами в гостиной [1, 125].*

Предательство для Дронго — это преступление одного человека по отношению к другому человеку.

– *Предают только свои, — напомнил Дронго. Необязательно, чтобы убивали чужие. Иногда убивают и свои.*

– *Опять намекаете на Анну?*

– *Нет. Это известная французская пословица: «Предают только свои». Чужой человек не может вас предать [1, 125].*

В анализируемом коммуникативном акте «разъяснение» использован ряд тактик, где каждая из указанных тактик маркируется языковыми показателями.

Так, коммуникативная тактика контроля над пониманием в анализируемом коммуникативном акте неоднократно используется Дронго, который старается убедить Эмму в а) преднамеренности убийства, б) в том, что убийца из числа присутствовавших, то есть «своих».

Сформированность данного понимания также достигается использованием Дронго тактики апелляции к фактам:

– *Почти наверняка отравили... Симптомы были более чем очевидные.*

– *... Но в том, что убийца был среди нас, нет никакого сомнения.*

– *... Но ее убили. Теперь нужно понять, кто и зачем это сделал [1, 124].*

Тактика контроля над пониманием ситуации подкрепляется не только тактикой апелляции к фактам, но и тактикой изменения модальности. Вначале Дронго высказывает мысль о преднамеренном убийстве в

модальности предположения (*почти наверняка отравили*), затем мысль об убийстве конкретизируется опять в модальности предположения (*можно предположить, что яд кто-то положил в ее бокал*), затем эта мысль высказывается уже в модальности констатации (*ее убили*) как реально свершившийся факт.

Дронго использует также тактику коррекции мира внедрением в сознание Эммы мыслей о том, что мотивы убийства не могут быть сведены к чисто субъективной неприязни, а лежат в более глубокой плоскости: материально-финансовые мотивы (наследство), сокрытие опасных тайн (предыдущие преступления).

Тактика оправдания, используемая Дронго в ответ на обвинение Эммы, реализуется чисто синтаксически — использованием встречного вопроса с семантикой возражения:

– *Если моим знакомым не стыдно убивать, то почему мне должно быть стыдно их разоблачать? — поинтересовался Дронго [1, 126]; использованием простого предложения с общим отрицанием и последующим пространственным объяснением:*

– *Я не сказал, что горжусь. Но если бы убийцей были вы или ваша сестра, то мне было бы очень неприятно. Но я все равно бы разоблачил человека, который решился на такой скверный поступок... [1, 126].*

Итак, анализ коммуникативной ситуации «разъяснение» показывает следующее. Обычно в подобной ситуации коммуниканты находятся в неравном статусе: один из коммуникантов владеет ситуацией лучше, у него хорошо, на профессиональном уровне сформирован фрейм с соответствующими слотами, который отражает данную ситуацию. В данном коммуникативном акте в роли этого коммуниканта выступает Дронго. Второй коммуникант с криминальным преступлением сталкивается впервые, фрейм не сформирован, представления о действующих субъектах, последовательности действий субъектов, возможных мотивах преступлений весьма туманны.

Цель рассматриваемого коммуникативного акта — разъяснение ситуации Эмме, доведение до ее сознания основ некоторых слотов фрейма «преступление».

Достижение указанной цели осложняется тем, что она идет вразрез с фреймом «родство». Поэтому в сознании Эммы слот — права и обязанности, обусловленные родством — противодействует принятию информации, которую пытается внедрить в ее сознание Дронго.

Дронго руководствуется фреймом государственно-общественного характера, в котором действия

мотивируются законом. Эмма же, обвиняя Дронго, руководствуется эмоциями.

Хотя коммуникативный акт «разъяснение» в рамках коммуникативной ситуации «криминаль-

ное преступление» не является сложным, многослойным, но и в нем достаточно четко определяется коммуникативная цель, коммуникативные тактики и их речевые маркеры.

Список литературы:

1. Абдуллаев Ч. Семейные тайны. – М.: Эксмо, 2013. – 320 с.

*Khanbutayeva Leyla,
Azerbaijan University of Languages,
Associated professor, Doctor of Philosophy
E-mail: has_rm62@yahoo.com*

Hedgings in the process of speech act

Abstract: The problem of enhancing the effect of the communication in definite situations, contexts is investigated in the given article. Here is also mentioned that the hedgings, being the communicative strategy in speech process fulfill the function of message among the people and they allow the speaker to soften the intensity of the utterance.

Keywords: speech act, hedgings, softened performative, approximators, rounders.

*Ханбутаева Лейла Муса,
Азербайджанский университет языков,
доцент, кандидат филологических наук
E-mail: has_rm62@yahoo.com*

Хеджинги в процессе речевого акта

Аннотация: В данной статье исследуется проблема повышения эффективности коммуникации в определенных ситуациях, контекстах. Отмечается, что хеджинги, будучи коммуникативной стратегией, в речевом процессе выполняют функцию месажа между людьми, позволяя говорящему смягчить напряженность высказывания.

Ключевые слова: речевой акт, хеджинги, смягченный перформатив, аппроксиматоры, роундерс.

Основу человеческой коммуникации составляют язык и обмен информацией. В современный период перед устной речью стоят определенные задачи и эти задачи делятся на две большие категории обмен информацией и межчеловеческие аспекты коммуникации. Другими словами, когда мы разговариваем каждое слово не просто несет значение, но и одновременно выступает в роли сообщения, месажа между людьми.

В современной лингвистике одной из актуальных проблем является повышения эффективности коммуникации в определенных ситуациях, контекстах. Сюда можно отнести средства выражения коммуникативной стратегии неуверенности или смягчение.

Хеджинги в речевом процессе выполняют функцию месажа между людьми, они будучи коммуникативной стратегией позволяют говорящему смягчить

напряженность высказывания. Некоторые речевые акты, например, критические речевые акты в процессе коммуникации часто смягчаются и этот процесс называется хеджинг. Не использование подобных смягчений в речи придает ей угрозу и звучит страшно. Хеджинги иногда называют индикаторы неуверенности.

Термин «хедж» в этимологическом словаре характеризуется так: «В древнем английском языке «хедже» исторически означало «збой, преграда»». Хеджи произнесенному слову придает более слабый, более мягкий оттенок. Другими словами, хеджи иногда отождествляются с эфемизмами [6].

«Хедж» как термин появился в лингвистической литературе 1970 году в статье Дж. Лаккофа «Hedges: A Study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts». Кстати, в данной статье Дж. Лаккофа не интресовала коммуникативная значимость хеджей. Он

только исследовал логические признаки таких слов, как, “rather, largely, in a manner of speaking, very” и т. д.

“Хедж” и “хеджинг” в художественном смысле выражает значение «помеха», «преграда», «защита». «Хеджинг» будучи многоаспектным феноменом объединяем в себе семантические, прагматические и когнитивные факторы. Качество хеджинга развивается контекстом. В течение многих лет хеджинг изучается с различных аспектов: в области гендера, теории вежливости, перевода, академическом дискурсе. «Хеджирование используется для того, чтобы сделать высказывание более привлекательным и приемлемым для собеседника, тем самым увеличить вероятность принятия данного высказывания и уменьшить шансы его отрицания» [1, 27].

Хеджей различают и по форме, и по функциям. Слова, обладающие нижеперечисленными особенностями, принято называть хеджом: “употребление с глаголом «to be» (The result appears to be that...); — лексическими глаголами (The result suggests that...); — модальными глаголами (The result might be that...); — наречия и (The result possibly is that...); — прилагательные, выражающие вероятность (It is possible that the result...)” [3, 284].

В английском языке модальные глаголы являются основными лексическими средствами для подчеркивания хеджинга. В английском языке авторы используют модальные глаголы более умеренно и осторожно. Наряду с этим, в текстах пользуются огромным количеством лексических глаголов, например: «propose, suggest, attempt, aim, intend, contribute, allow» и т. д.

Впервые в лингвистике о хеджингах написал Вайнрайх (1966 н.) и назвал их «металингвистическими операторами» (metalinguistic operators). К числу хеджингов он относит слова, как «true, real, so-called, strictly speaking, all, like» и т. д. [2, 16].

Хеджи более обстоятельно были изучены Дж. Лаккофом. Он объяснял этот термин как передача точного и неточного значения слова (“make things fuzzier or less fuzzy”) [4].

“Дж. Лаккоф интересовался хеджами, но о них ничего конкретного не проронил. Он исследовал только семантические значения хеджей. Таким образом, он оценил хеджей как свободные лексические средства, но не говорил об их внутритекстовых значениях. Он дал список хеджей, существующие в английском языке: «real, regular, actually, almost, as it were, basically, can be view as, especially, exceptionally, for the most part, in a manner of speaking, in a rule sense, in a sense, in a way, kind of, largely, literally, loosely speak-

ing, in a real sense, in a sense, par excellence, particularly, pretty much, principally, rather, somewhat, technically, typically, very, virtually» и т. д. Он назвал хеджинги не прагматическим, а семантическим феноменом и подчеркнул, что интерпретация хеджей зависит от контекста” [2, 17–18].

Дж. Лаккоф защищал употребление хеджей с перформативами и создал концепцию “hedged performative” – “смягченный перформатив”. Однако эта концепция была развита В. Фрейзером. В. Фрейзер представил «смягченные перформативы» (hedged performatives) как образованные от модальных и полумодальных глаголов. Он подчеркивает, что предложение /I must advise// не одинаково с предложением /I advise//. Так как в первом предложении говорящий считает своим долгом дать совет, во втором же предложении он просто дает совет. В. Фрейзер считает перформативы, которые употребляются с модальными глаголами, «сильными», а те перформативы, которые употребляются без модальных глаголов называет их «слабыми» перформативами. Термин “hedged performative” в лингвистику впервые внесен В. Фрейзером. По его мнению, перформатив “hedged performative” есть употребление определенных перформативных глаголов, например, «apologize, promise, request» с модальными глаголами, как, «can, must, should» и т. д.

Например: /Gradman’s voice purred gratingly: “I can state your business. Nothing goes outside these walls, young man”// (J. Galsworthy, 103).

В этих примерах иллокутивная сила речевого акта определяется глаголами и модальные глаголы с хеджом воспринимаются как смягчение.

Дж. Лаккоф одновременно пишет о тесной связи хеджингов с перформативами.

/Technically, I said Harry was a boastard. = I said Harry was a bastard, but I didn’t mean it// [5, 268].

Хеджинг также изучают как аспект речевого акта. Дж. Лаккоф коснулся лишь пропозиционального хеджинга, а В. Фрейзер хеджинга перформативных глаголов. Браун и Левинсон анализируют хеджинг глубже как иллокутивная сила речевого акта и описывают его как «феномен вежливости».

«Хедж есть такая частица, слово или выражение, что определяет в предложении степень связи предиката или субстантивной фразы». Prince et al указывает два типа хеджинга: Первый тип охватывает пропозициональное содержание и влияет на теорию верности (truth condition). Второй тип же обозначает связь между пропозициональным содержанием и

говорящим, и восприятие правды говорящим [2, 18].

«Хеджи» в языкознании делятся на две группы:

К первой группе относят «аппроксиматоры» (approximators). Они управляют пропозициональное содержание и в интерпретации выразительность обозначают с помощью знаков. Среди аппроксиматоров также различают два подкласса:

а) адапторы (adaptors) (их Дж. Лаккоф назвал “hedge”). Дж. Лаккоф сюда относит слова типа «somewhat, sort of, almost describable as, some, a little bit» и т. д.

Например: /“My dear! Impos! She’s got all sorts of people coming// (J. Galsworthy. Modern Comedy, 60).

б) роундерс «rounders». Они означают определенный предел, границу. Например: «about, approximately, something around» и т. д.

Например: /The baby’s weight was approximately 3.2 kilograms//.

В обеих подгруппах говорящий старается создать связь между актуальной и целесообразной ситуацией.

Ко второй группе относят преграды (shields). Здесь меняется связь между говорящим и пропозициональным содержанием. В содержании отражается неопределенность. И эта группа состоит из двух подгрупп.

1) *plausibility shields* (преграды, обозначающие подозрение). Сюда относят «I think, I take it, probably, as far as I can tell, right now, I have to believe, I don’t see that» и т. д. Например: /I should probably get going so I can visit with my dad for a while. He’s probably wondering where I am//.

2) *attribution shields* (адъективные преграды). Сюда относятся выражения, типа: «according to her estimates, presumably, at least to X’s knowledge» и т. д. Например: /According to his estimates, she is a terrible attractive woman// (W. S. Maugham. Theatre, 108).

В языке существуют и лексические хеджи. К лингвистическим хеджам относятся прилагательные, наречия, неличные местоимения, союзы, обозначающие уступки, модальные глаголы, эпистемические глаголы, разделительные вопросы с препозициональными словосочетаниями, клоузы «if», маркеры продолженного времени, гипотетическое прошедшее время, металингвистические интерпретации и т. д.

Теперь же обратимся к примерам.

1. Хеджи, которые употребляются с наречием и прилагательными: *approximately, roughly, about, often, occasionally, generally* и т. д. Например: /I am approximately forty and I don’t care who knows it// (W. S. Maugham. Theatre, 101).

2. с личными местоимениями (*one, it*). Напри-

мер: /One can imagine that I am keeping him, said Julia, with a ringing laugh// (W. S. Maugham. Theatre, 168).

3. с союзами, обозначающие уступки: (*although, though, while, whereas, even though, even if*). Например: /Even if people wanted to think he was her lover, let them; she was past caring// (W. S. Maugham. Theatre, 177).

4. с преформативом, сопровождающим хедж. В таком случае преформативные глаголы употребляются с модальными глаголами. Например: /I thought I ought to see for myself what it was all about// (W. S. Maugham. Theatre, 172).

5. в косвенных речевых актах. Например: /«Darling, don’t cry. Could you speak a little louder? After all, it had to happen sooner or later»// (W. S. Maugham. Theatre, 173).

6. с препозициональными словосочетаниями (*I believe, to our knowledge, it is our view that, we feel that ...*). Напр.: /That wouldn’t be easy. I believe you ought to give her a chance// (W. S. Maugham. Theatre, 237).

7. с модальными словами. В английском языкознании подобные слова обычно употребляются как модальные наречия (*modal adverbs*). Сюда относятся слова «*perhaps, possibly, probably, practically, presumably, apparently ...*» и др. Однако С. Шнайдер подчеркивает, что «употребление в предложении модальных слов, типа “perhaps”, “maybe” и т. д. автоматически снимает в этих предложениях употребление преформативности.

Например: Perhaps, I apologize to the lovely state of New Jersey. Если /I apologize// предлагается как “I will apologize”, то тогда данное предложение частично приемлемо. Преформативные глаголы, употребляющиеся с модальными словами, носят еще более описательное значение» [5, 276].

Напр.: /“With me? But I thought she was practically engaged to Tom. Nonsense. You are always fancying things like that// (W. S. Maugham. Theatre, 238).

8. с большинством прилагательных (*possible, probable, unlikely, likely* и т. д.). Например: /It is possible that the party’s being given special for you// (W. S. Maugham. Theatre, 266).

9. со словами, выражающие модальность (*assumption, claim, possibility, estimate, suggestion, ...*). Например: /The assumption here is that you ruined my performance// (W. S. Maugham. Theatre, 264).

10. с модальными глаголами (*might, can, may, would, could*). “Употребление этих модальных глаголов в предложении с наречиями «*now, finally, at last*» показывает преформативную природу тех предложе-

ний” [5, 272].

Например: /You ought to accept me well enough by now to know that I would never let sentiment interfere with business// (W. S. Maugham. Theatre, 191).

11. с эпистемическими глаголами (to seem, to appear, to believe, to assume, to suggest, и т. д.). Например: /It seems that only natural to help you when you were in a hole. It was a pleasure to me// (W. S. Maugham. Theatre, 191).

12. наоборот, разделяющий вопрос с формой (reversal tag). Например: /He is coming, isn't he?// (I think he is coming).

13. пассив, где отсутствует действующее лицо. Например: /Paragraphs were sent to the papers announcing the new venture and Michael and the publicity agent prepared interviews for him and Julia to give to the Press// (W. S. Maugham. Theatre, 72).

14. слова, выражающие в придаточных предложениях условное значение (as long as, so long as, assuming that, given that). Например: /Unless it means something to you, why don't you go over to Paris with him for a fortnight when we close?// (W. S. Maugham. Theatre, 55).

15. хеджи, употребленные в прогрессивной форме. Например: /I am hoping you are very nice to Julia// (W. S. Maugham. Theatre, 20).

16. в первичных выводах. Например: /The nature should be visible from here//.

17. в металингвистических интерпретациях, объяснениях (strictly speaking, so to say, exactly, almost, just about). Например: /Strictly speaking, I don't want to stand in her way. I mean, supposing after tonight she got a big offer for America I can quite see that she ought to be perfectly free to accept// (W. S. Maugham. Theatre, 258).

Человек, выражая свои мысли, невольно пользуется хеджами и хедж выражениями. Эти слова являются указательными словами или выражениями. Ф. С. Мейер указывает 5 особенностей хеджей:

1) Shields — сюда относит все модальные глаголы, полувспомогательные глаголы со значениями возможности «to appear, to seem, и т. д., модальные слова — probably, likely, эпистемические глаголы — to suggest, to speculate»;

2) апроксиматоры (глаголы со значением предположения). Среди них он выделяет два вида:

а) adaptors (связующие),

б) rounders (обозначающие меру). Сюда он относит следующие примеры: approximately, roughly, somewhat, quite, often, occasionally и т. д.;

3) выражающие личные сомнения автора “I believe”, “to our knowledge”, “it is our view that ...” и т. д.;

4) эмоционально особо подчеркиваемые слова: extremely, difficult, interesting, dishearteningly weak, of particular importance, particularly encouraging, unexpectedly, surprisingly и т. д.;

5) сложные хеджи.

Сложные хеджи, другими словами “strings of hedges” – (хедж придаточные) называются. Сюда относятся двухкратные, трехкратные, четырехкратные хеджи и они представлены в следующих примерах:

а) модальные глаголы с глаголами хеджа. It would appear that ... ;

б) хеджинг глагол с неречием хеджинг. It seems reasonable that..;

с) двухкратные хеджи. It may suggest that ..., This probably indicates that ... ;

д) трехкратные хеджи. It seems reasonable to assume that ... ;

е) четырехкратные хеджи. It would seem somewhat unlikely that John will tell anyone [6, 154].

В английском языке употребляются и обособленные хеджи, как “parenthetical hedges”. Например: /I was quite started Imust say to find that this pedestal is still in situ//. Подчеркнутые не являются ни главным и ни придаточным предложениями, именно поэтому они могут и употребляться, и выпасть из предложения. Если они выпадут из состава предложения, то как вводные слова, не влияют отрицательно на грамматическое значение предложения. Например: /I will be there, I promise you. I was, I admit, a little late// [5: 276, 283].

Правильный подбор слова в коммуникативном акте, уместное употребление имеет особую значимость. Говорящий пользуясь словами «You know, well, really» выдвигает на передний план поиска необходимого слова. Например: /Then she really meant to go away// (Galsworthy J., Modern Comedy, 220).

Хеджи типа “I think, I suppose, I have the feeling, may be my perception is not quite right” усматривает личную оценку говорящего. Например: /I suppose I should mention they were not exactly small and covered most of my arms// (N. Sparks, Nights in Rodanthe, 13).

Семантические функции хеджирования осуществляются благодаря большому многообразию хеджей. Хеджи могут выступать в контексте как отдельные слова, так и фразы или отдельные комбинации слов. Бывают такие случаи, что слова которые обычно не являются хеджами в определенном контексте становятся хеджами. Например: /His thinking about this fact is indifferant for me// (не является хеджем). /His thinking is

he will never accept this invitation// (является хеджем).

Таким образом, использование хеджинга индивидуально зависит от пользователя языка. Их основная функция заключается в выражении в тексте неуверенности, вежливости, непонятности, опосредственности. Хеджи образуют связь между коммуникантами, т. е. говорящим и слушателем, писателем и читателем.

Они выполняют в предложении некоторые функции, в процессе коммуникации в основном выражают колебание, подозрение. При этом используются слова и выражения как «I think, maybe, may, might, you know, probably» и т. д. Хеджи употребляются при чутком подходе к чувствам других лиц.

Список литературы:

1. Ручкина Е. М. Хеджирование как лингвистическое средство минимализации речевого конфликта в английском и русском языках. – Международный Научный Институт «Educatio» – IX (16), 2015, 22–27.
2. Frazer Bruce. Pragmatic Competence: The Case of Hedging. – Emerald Group Publishing Limited, 2010. – P. 16.
3. Crompton P. Hedging in academic writing.//Some theoretical Problems, USA. –1997, 284.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.academia.edu>
4. Дж. Серль. Что такое речевой акт.//Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.philology.ru>
5. Schneider S. New Approaches to Hedging.//Parenthetical Hedged performatives. – 2011. – No. 11. – S. 276.//[Electronic resource]. – Available from: <https://books.google.az>
6. F. Saleger-Meyer. Hedges and Textual Communicative Function in Medical English Discourse., S. 154.//[Electronic resource]. – Available from: <https://wenku.baidu.com>
7. [Electronic resource]. – Available from: <https://www.etymonline.com>

Çoku Ornela,

*PhD. Candidate, Faculty of Human Sciences,
Department of English and German languages,
"Aleksandër Xhuvani" University, Elbasan, Albania
E-mail: ornelacoku@yahoo.com*

Erjon Muça,

*Part-time lecturer at Faculty of Human Sciences,
Department of English and German languages,
"Aleksandër Xhuvani" University, Elbasan, Albania*

Noli's semantic consumption. A comparison between the original Macbeth of Shakespeare and the translated one by Fan Noli

Abstract: The article will treat and analyze, “expressive vocabulary of artistic speech”, as the main component, presenting thus the individual of Fan Noli's trends, in the translation of the classical work of “Macbeth”, written by Shakespeare. It will treat semantic features of consumption, which occur due to the phonetic or semantic reasons. The article will provide that the most vulnerable consumption is that part of the semantic content of the word that makes the atmosphere affective, emotional overtones as a subjective — sessment. It will also treat the way these tools and linguistic opportunities are used according to the talents and individuality of the interpreter. This article will help understand the style of the writer-translator by presenting us stylistic diversity of the Albanian literature. Special target of the paper are the words that have or gain stylistic value in speech. These stylistic phenomenon appear very well in Fan Noli's fiction and translations, which are of outstanding artistic value. The main object of craftsmanship in Fan Noli is the vocabulary that relates to different nuances of artistic speech. It shows that Words over time suffer semantic consumption.

Implementation of the work is based on the resources of “Macbeth” the original work of Shakespeare and “Macbeth” translated by Fan Noli.

The method used is juxtaposing and comparing.

Keywords: emotion, lexical, semantic consumption, translation.

Introduction

The object of this study is the expressive lexicon and its style used by the Albanian translator-writer, Fan Noli, in the translated tragedy of Macbeth of Shakespeare. The word is the main object of *Fan Noli's* craftsmanship that contains stylistic values, which during the speech are related to different nuances of art. This article aims to present and analyse the consumed lexicon. We have tried to express why the phenomenon of the semantic consumption has happened. In our work we have given the original English words from Macbeth of Shakespeare [1; 3]. We have taken examples from this original book and compared them with the *Albanian language version* [2]. The Albanian translator uses a lot of expressive words which are very vivid full of colour but along with them there are words which due to the semantic consumption no longer exist in the *Albanian language*. The article will treat mainly this phenomenon. *The method used is juxtaposing and comparing.*

Literary language constantly enriches today. But the elaboration and enrichment of the *Albanian language* is closely related to the contribution of the artistic literature with all its genres. The stylistic value of literary works can not be complete without considering the masterful work of the writers with the language means, that are used in their creative work. These linguistic means and opportunities are used according to their talents and creative individuality. This thing helps understand the style of each writer by presenting us stylistic diversity of the Albanian literature. "Compared stylistics has to do with the comparative study of the organization of different Languages. It is the lexicon of a language that makes us understand the world of a certain country. We also see some distinguishes in organizing the lexicon, which are of great interest when translating into a foreign language" [19]. This phenomenon appears clearly in Fan Noli's creations and translations, which are of outstanding artistic value. The main object of Fan Noli's craftsmanship is the word that contains stylistic values which are related to different nuances of art. In affective discourse, consumed words that often occur due to the phonetic or semantic reasons are not used. Semantic consumption often acts in fiction, where the expressiveness is a constant distinction of lexicon. Through consumption it is understood the expressivity achievement. Semantic consumption in fiction depends on the way of presenting the material and on the form of the communication with the reader. *Noli's* Lexicon is very expressive and has included sty-

listic consumption in which the word is consumed or it has changed the context. This change depends on the writer's artistic concept with which he may replace the word. *Noli* is original and extremely unusual. He creates affective and very emotional atmosphere. In this way he creates strong connections: Reader-writer — translator. Semantic consumption realizes 3 other procreation. Thus the consumed word may be or not in the text, or the writer may bring another word instead of the consumed one. *Noli's lexicon* is distinguished by its expressiveness, emotions and figures of speech, etc. The consumed words may not be very expressive. It may happen because of the ethics that the writer uses while writing a word which he thinks has a better usage and content. Thus the words which show expressivity are words that are used as adjectives, or words that show actions and the words which express phenomenon and items as well. It is for this reason that nouns, verbs, and adjectives in their artistic speech are used in figurative meaning, because they contain emotional overtones. When the word is too short it may lack expression. "The word is an independent lexical unit, which can exist lonely and out connections. The word is the lexical unit that has its own lexical and grammatical meaning which are introverted" [15, 19], as such it either disappears from the use or it takes any suffix to survive. This phenomenon appears frequently in Albanian language. *Some forms* of the semantic consumption:

1. The consumption of short words

The Albanian word "Qas" is a transitive verb. 1) Its primary meaning is to bring nearer. Eg: Brought the chair near = "Qasi karrigen" = Don't let it in = "Mos e qas brenda"; 2) The figurative meaning is admit example: The stomach doesn't accept, admit = "S'ja qas stomaku"; 3) *E qasën gardhin nga muri* = approached the fence to the wall. *Qasu* is a reflexive verb, meaning approach. Eg: come near = *Qasu këtu*. Friendly, sociable. adoptive child = *I qasur i afrueshem, fëmijë i qasur* [20]. We have to say that this word is out of use now. Though it has a lot of meanings it is consumed. It is believed that it is due to the length of the word. It happens just the same with the word "Qatip" *qatip*. -i, -e, et. It is an old consumed word. Its primary meaning is to compose and write papers or documents, a scribe in an office. The documents of Sultan = *Qatipi i Sulltanit*. Its Albanian figurative meaning is a bad person, incompetent who passes all day with writing papers" [20]. The word lose = *humb*. Adding prepositions and suffixes, new words with new meanings are created. The base meaning lose, mislaid,

to sink, *humb*, *humbas*, *humboj*, *i humbur*; with prepositions: *përhumbem*, *përhumba*, *e përhumbur* [20, 491] is used in a figurative way meaning to be absorbed, absent — minded, absorbed etc.

Some examples taken from the tragedy of “Macbeth” translated by *Fan Noli*:

A desert place = *Një yrt* [2, 110], *i shkretë*. *Yrt* is one syllable word. In this example it is used in the meaning of place. The word is semantically consumed and as such it is not used anymore. Other examples: no jutting, frieze, Buttress, nor coign of vantage, but this bird = *S'ka asgjëkund një çip* [2, 36] *ku të mos këtë va, fole e djep për zogjt*. In this sentence the word *çip* means place. The word exists in the dictionary but it is not used in all the areas of Albania. The word is consumed.

I' the shipman's card = *kart* [2, 21].

In the above sentence the word *kart* means *map*, where as today it has other meanings as paper to write on. It is not used with the primary sense as “*map*” anymore but it is still used. The primary meaning is consumed getting new stylistic meanings. Or wear it on my sword = *ja vë në majën e një ushte* [2, 118]. The word *ushtë* is consumed. In the Albanian literature this word does not exist.

Noise = *Shamat* [2, 12] *e luftës* = The great noise of the arms used in the war. The word “*shamat*” still exists in the Albanian Language but it is consumed and it is out of use in the Albanian Literature. In this context it creates great emotion. a french hose: come in, tailor = *nga një palë tirq* [2, 53] *të ngushtë prej frëngu*. *Tirq* means trousers. Today the word is not used. It is thought to have been consumed due to the fact that it is one syllable word. Be this the whetstone of your sword: let grief = *Kjo le të bëhet Grih'* [20, 403] *e shpatës* [2, 130] *sate*. *Grih* is not used nowadays. Its meaning is the *sharpness* of the sword. It is again thought that the existing word was one syllable thus it is out of use today, it is consumed. But when read it sounds wonderful and creates great emotion. But not a niggard of your speech = *Mos ji avar* [2, 126] *në fjalët*. The meaning of *avar* is: don't be thrifty in words. The word sounds wonderful but it is consumed completely. Though all things foul would wear the brows of grace = *dhe hir' i rremë si dhe hir'* [2, 117] *i thjeshtë me dëshirë të madhe*, “*Hir*” is an extraordinary emotional word. With the passing of time it is consumed and as such it is not found today. These were some examples taken from the translated work of *Noli*. The fact of not having been used for a long time have made these words be consumed semantically, together with the consumption of the atmosphere of the affective coloration expressions. “More vulnerable of

the semantic consumption is that part of speech content which has the affective atmosphere as well as the emotional connotations and subjective –assessment, etc. The expressive value of the words weakens because of the usage. The words that express emotion, spiritual reaction, subjective assessments, even those which are the strongest and the most expressive ones lose their force when they are repeated too often” [21, 10].

From our study of the above examples we come to the conclusion that small one syllable words consume their semantic content but with the help of prepositions and suffixes some of them gain new stylistic meanings that make the atmosphere affective and emotional.

2. Phonetic phenomenon

In the following examples it is thought that phonetic phenomenon has happened. eg:

Sergeant = *reshtari* [2, 14]. We think that from *reshtari* the word has suffered phonetic changes and today it is used *ushtar*, its homophone.

Whose horrid image doth unfix my hair = *Pse kor' e saj e tmerrtë m'i ngre qimet?* [2, 26]. Here the word “*kor*” means victory. The idea expressed here is the image of her victory. Her success and achievements of her aim. It does not exist now. The word has suffered phonetic changes and today it has developed into *korrije*, which means to win a victory or to reap the harvest. We must stress that the original word was *kor*, one syllable word and as such it is semantically expanded.

Maw and gulf = *lukth* [2, 99] *zhapie*. *Lugth* means an organ of the body, the stomach. As noted the word *lukth* is gone due to its homophony. It is seen that homophony has a powerful influence.

But this bird = *shpesë* [2, 36]. The used word has phonetically evolved in the language. It is because of this that the first word is consumed leaving room for its homophony, which is the Albanian word *shpend*. a stool = *karekllë* [2, 88]. It means chair. In Albanian language *karrike*. In some areas of Albania, in Korca the word *Karrike* still exists. But the area of Elbasan doesn't use and does not know this word.

In our study we noticed that the above mentioned example has happened because of phonetic semantic consumption. According to Xhevat Lloshi when two words are homonyms or homophones, one of these is consumed [22]. Semantic consumption is treated in foreign literature as well. From the above examples with semantic consumption it is understood the consumption of the meaning of the given word, its non-utilisation with the primary meaning, or its usage with a new idea.

3. Partial contextual synonymy

Thou art too like the spirit of Banquo (IV, 128) = *I*

ngjan Fantazmës Bankos tepër [2, 106]. In this sentence the word *Fantazmës* in the meaning of ghost is used with a figurative meaning. As two spent swimmers, that do cling together [3] (I scene 2, 10) = *Si dy notës që pran' e pranë çajnë ujën* [2, 13]. In this example the consumed word is *çajnë* in the meaning of split. Today this word is not used with water. In Albanian language it does not have sense if used in that way. The expression used in this situation by *Noli* creates much emotion and is very expressive.

A limbeck only: when in swinish sleep. Their drenched natures lie as in a death, [3] (I. scene 7, 67) = *Në pellg të gjumit, si në varr të vdekjes* [2, 41].

Today the Albanian word *pellg* with the above meaning is consumed. It is no more used with the same literary meaning. It must be stressed that the words used by *Noli* express the action or state in a special strength as in the examples *çajnë ujën, pran' e pranë, pellg të gjumit*, or resemble the ghost of Banko = *fantazmës*. The expressive force is very great because the water can't be split = *çajnë*. It is its figurative usage that makes the word very expressive. In some cases they may be substituted with other words as sound sleep = *pellg të gjumit*, but if used in this way the word would lose its expressivity. Among the underlined words in the quoted examples there is partial synonymy. *When studying the above words Noli has used partial contextual synonymy.*

4. Contextual synonymy

In the following examples:

You secret, black, and midnight hags! = *lubira faqemv-rojtr të natës* [2, 101] the yellow leaf = *fletëfishkur* [2, 141]. The difference between them has to do not only with their expressive force but with their meaning as well. The words used by the translator-writer express more emphasized evident state. These familiar words undergo great semantic consumption. They provide the feature in unusual proportions. In the semantic of these words highlights the idea of crossing a limit, and therefore used as a word they surpass the expressivity, one wants to describe. For example in the above sentence, the yellow leaf = *fletëfishkur* [2, 141] the translation means a weak person, ill, but adding the word person the context has great lexical value. It is consumed the real concept of it is withered leaf = *fletëfishkur* and it is used for a very old, weak person. We Notice that *Noli* is a very great user of these adjectives, presenting us extremely dramatic scenes. Further on *Noli* uses the adjective *rrobëçjerra* which means with torn clothes. So wither'd and so wild in their attire = *Ç'jane këto të fishkura dhe rrobëçjerra* [2, 20].

A group of words which in their literal meaning mark things in prominent feature, provide maximum levels in a very impressive way. *This group includes the above words*

rrobëçjerra. In the same context are the following words used: *vrrerin, zhubra, etc.* [2, 33].

Her skinny lips = *zhubra* [2, 20]. This means her wrinkled lips. Lexicon used by *Noli* makes one think that the person whom he speaks about is old, weak, inactive and lack-luster.

You murdering ministers = *gjakës* [2, 33] *që vrisni*, Here the Albanian word *gjakës* has to do with people involved in murder, bloodshed. The meaning is very terrible and gruesome. It brings strong emotional feelings. But today the word is exhausted, consumed. Its usage can probably be found in northern Albania, where *canon* = revenge still operates.

With Tarquin's ravishing strides = *si Tarkimi i hazdisur* [2, 47].

Commends the ingredients of our poison'd chalice = *Na zgjat në buzë vrrerin që gatitëm* [2, 38] *vete or in the examples: The grave of death.*

When studying and analysing Noli's lexicon we come to the conclusion that the above words are contextual synonyms because we understand them only through synonyms. Today they are consumed.

5. Adding suffixes or prefixes

Part of the means used by *Noli* is the use of adverbs, which are already known, described and recommended by the normative grammar of the Albanian language. The number of such means can be added to others. They are described in Grammar [23] other examples:

Horribly, strangely = *tmerrësisht, çuditërisht*.

I'll be myself the harbinger and make joyful = *Na falni plotërisht* (F.N.M. Sh. P. 30) So humbly take my leave = *Lyp lejen pra perunjerisht = përunjërisht* [2, 30].

We notice that suffix -risht is added to these two recent examples to form adverbs. Noli occasionally uses these words to express both a high degree of character and different reactions, as the word plotë = full. Likewise, it is given us by Noli in the following example:

A strange infirmity = *sëmundje të çudiçime* [2, 89]. In an original way in order to express intensity features expressed by adjectives, the writer uses constructions in which the word serves as an element. The word **çudiçime** is consumed.

Mind she has mated, and amazed my sight = *më kalli tmerr, habitje dhe drithtirë* [2, 136].

When analyzing we think that the word *drithtirë* brings very strong emotions. This word expresses exaggerated and exciting features but it is consumed. The verb *kalli* is semantically consumed too. The above mentioned selected lexicon means convey to the readers everything: ideas, emotions and subjective assessments. The high de-

gree of a feature is given by using expressions of two or more words marking the feature itself or of the whole sentence. Words denoting qualified features have in their nature the expressiveness. Whereas qualifying and characterizing words the speaker expresses and values his own attitudes. Used in this way it happens that these words consume their expressiveness. It is because of this that these words are substituted with other expressive words. Together with this idea they express emotions which are caused due to their increased appearance of something, as it is mentioned above: *çudi. Sëmundje të çudiçime*, etc.

Her chappy finger laying = *duar të krasitura* [2, 20] *të rraskapitura, të lodhura*.

Our study results that the Albanian word *krasit* = prune is stylistically discolored because of the long use. Its strength and expressive coloring of affective and semantic rule is weakened. So its semantic concept is exhausted, consumed and to convey the notion expressed by the lexicon, the writer chooses other expressive and influential words to replace the ones with semantic consumption. In today's Albanian language the wordgroup *duar të krasitura* is consumed, thus it doesn't have sense. Words that express actions or state contain more meaningful expressivity. They have common broadcast skills, in affective discourse. They are removed and replaced by the impressively, expressive synonyms. This is evident in the examples below:

We have observed that suffix –risht give another meaning to the word. It gives strong emotions.

6. Semantic consumption because of ethical reasons

Nor heaven peep through the blanket of the dark = *Kurtinën ngjyrëpus e të bërtasë* [2, 34].

False face must hide what the false heart doth know = *Se faq'e rreme sheh në zemër ç'djejmë* [2, 42].

When studying the distinction of the above words we have noticed that today it is used the word lie or false instead of *rreme* a view that is different from what it is in reality. It is just the same with the Albanian word *faq* which in this context means *face*. We think that said that words denoting objects and phenomena provide a remarkable expressivity. In the discourse are used semantic units with large volume, which appear where discourse threatens to be discoloured from continuing use of the units which are deleted and contextually consumed. eg:

The moon is down; I have not heard the clock = *Ka perënduar hëna, po s'dëgjova sahatin të trokasë* [2, 43]. The word *sahati* is not used any more. It means clock. Hear not my steps, which way they walk, for fear, Thy very stones prate of my whereabouts = *Mos i dëg-*

jo ku më baresin këmbët, Se mos bërtasin gurët ku po vete [2, 47].

It is understood that the stones do not speak = *bërtasin* and the feet slip go. *Baresin* means that slip. It is Noli's skill to use these words so beautifully and full of emotions.

This is a sorry sight = *Kjo pamje ma vret syrin* [2, 49].

The Albanian word *Vret* = kills is more prominent than it hurts the eye.

From the study we have noticed that Noli acts very well with the lexicon. Not only do expressive words suffer semantic consumption but a group of them often used in discourse suffer semantic consumption as well. Such are the Albanian words: mos, nuk. So far as their usage is concerned, these words have lost something dealing with the meaning. Being used very much these words have lost their primary meaning. Eg: negation is made by the word mos = not which are completed with any other word to take the final appearance of a genuine denial of undoubted. The word mos may not be repeated, it can be reinforced by other negative meaningful words as jo, kurrë, asnjëherë = not, never. Noli, instead of the negative of jo and "nuk" we have observed that he often uses the word mos = don't or any other means. Negation formulated in this way is cut, and categorical one. eg:

Me thought I heard a voice cry "Sleep no more!" = *Mos fli më!* [2, 50].

Shall sleep no more; Macbeth shall sleep no more = *S'fle më, Makbethi nukë fle dot më!* [2, 51].

As far as the affirmation is concerned, it is made with the word *po* = yes, but it is often let aside and Noli uses other words and phrases, such as: *Amen* to express admission; affirmation.

One cried "God bless us!" and "Amen" the other = *Një tha "Na ruajt Zoti"; dhe tjetri tha "Amen"* [2, 50].

Amen is a prayer which in Albanian language means "yes", or God protects you. So Noli uses the word "Amen" very often. Affirmative expressive word "Amen" lies in its volume of emotional meaning that is higher than the word yes. Often in indirect speech, where the Albanian word must be said = *tha* Noli uses the Albanian word *thirri* meaning called eg:

Me thought I heard a voice cry "Sleep no more!" = *M'u duk sikur një zë më thirri*.

Macbeth does murder sleep, the innocent sleep = *"Mos fli më! Makbethi vrau gjumin!"* [2, 50].

A voice cried = said, he used *thirri* instead of said.

There's one did laugh in's sleep, and one cried "Murder!" = *Një qeshi n'ëndërr dhe një thirri: "vrasje!"* [2, 49]. With the word one laughed Noli wants to express that a

person laughed and cried = one person said = again he used *thirri not said*.

The death of each day's life, sore labour's bath = *Vdekjen e jetës së përditëshme, Banjën e punës trupkapitëse* [2, 50].

The tiring work which had exhausted and had worn out so much Macbeth was exhausting = *trupkapitëse*. This word brings a lot of emotions but it isn't used today. Here it is discussed about Macbeth who after the macabre act (killing the king) had lost his calmness, he didn't sleep any more.

I am too savage = me i *pashpirtmë* [2, 12].

Noli's chosen word savage i *pashpirtmë* is milder and it doesn't have emotional force that the word savage gives.

The merciless Macdonwald-Worthy to be a rebel, for to that = *pamëshirti* Makdonald-rebel [2, 14].

And fix'd his head upon our battlements = *shthuri nofullat* [2, 14].

The albanian words *shthuri nofullat* mean = killed, damaged. Untill he damaged = *shthuri* the rebel's jaws and chest. The emotion that the word describes is very scary, trembling and spooky which means that McDonald is criminal, bloody and as such doesn't feel pity. This word is

consumed completely and as such it is not used any more. It has got other meanings. It is because of this that we say that the underlined words are very delicate when used.

In the above examples semantic consumption occurs for ethical reasons so that the word containing heavy and unpleasant notions can be replaced with other words which express these concepts in a more softer way e. g.

Sometimes Noli uses soften lexicon not very strong one. However, this soft lexicon is consumed. To avoid lexical semantic consumption the writer often uses influencing expressive means.

Conclusion

As a conclusion we have to say that semantic consumption happens because of being short words, phonetic consumption, contextual synonymy, partial synonymy, added prefixes or suffixes orbecause of ethical reasons. We have to emphasise that these consumed semantic expressions are in the function of a better presentation, sensitive and touching to the reader shown not only through literary materials but through communication as well. Our study will continue in order to find other forms of semantic consumption in Fan Noli's translations and his own creation.

References:

1. Hutchins Robert Maynard. Great Books of the Western World. – 1950.
2. Fan Noli. Makbethi i Shekspirit. – Tiranë, 1943.
3. Shakespeare. (Great Books Of The Western World). – volume 2. – 1952.
4. Xhuvani A. Origjina dhe formimi i ndajfoljeve në shqip. //Buletini i institutit të Shkencës. – III, 2194.
5. Kostallari A. Kompozitat ekzocentrike të shqipes si tema fjalëformuese, “Studime mbi leksikun dhe formimin e fjalëve”. – 1, 1972.
6. Kostallari A. Mbi disa veçori të fjalës së përbërë në gjuhën shqipe. – 1, 1972.
7. Kostallari A. Në rrugën e hartimit të fjalorit normativ të shqipes, “Studime mbi leksikun”. – II, 1972.
8. Kostallari A.-XH. Lloshi, Mbi gjuhën e shtypit të sotëm Norma Letrare & Kultura, 1991.
9. Dhrama A. Fan Stilian Noli Tribun i fjalës shqipe, “Gjuha Jonë”. – 1987, 2.
10. Çabej E. Studime gjuhësore, III. – Prishtinë, 1977.
11. Hadaj G. Shembuj analize Tekstit, “Revista Pedagogjike”, 1984.
12. Hyrje në gjuhësi (tekst), 1976.
13. Thomai J. Leksikologjia e gjuhës shqipe. – 1984, 2006.
14. Celiku M. Disa togje foljore në gjuhën e sotme. //Buletini I USHT, 1963.
15. Mehmet Celiku Sintakse e Gjuhës Shqipe (perberesit Sintaksore). – Tirane, 2012.
16. Varfi N. Leksikologjia e gjuhës frënge. – Tiranë, 2006.
17. Lloshi Xh. Njohuri për stilistikën e gjuhës shqipe. – 1987.
18. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.shakespeare-online.com/sources/macbethsources.html>
19. Xhevat Lloshi. Stilistika e gjuhës Shqipe dhe Pragmatika. – Albas, 2005. – P. 13.
20. Fjalor I Shqipes Së Sotme. – Tiranë Toena, 2002. – F. 1066.
21. Emine Sadiku Vezhgime mbi leksikun shprehës në prozën e Ismail Kadarese. – Tirane, 1998. – F. 10.
22. Xhevat Lloshi. Rreth disa shfaqjeve të ndikimit të homonimisë në gjuhën shqipe, Studime mbi leksikun e mbi formimin e fjalëve në gjuhën shqipe. – Tirane, 1972. – F. 228.
23. Phonetics and Grammar of Modern Albanian Literary Language. – Tirana, 1976.

*Tsapenko Ludmila Efimovna,
Odessa National Polytechnic University,
Department of Foreign Languages,
Associate Professor, Candidate of philological sciences, PhD
E-mail: l-shapa@mail.ru*

*Borisenko Tatiana Ilinichna,
Department of Foreign Languages,
Associate Professor, Candidate of philological sciences, PhD
E-mail: l-shapa@mail.ru*

*Gvozd Olga Viktorovna,
Department of Foreign Languages, senior lecturer
E-mail: l-shapa@mail.ru*

Can we consider the verbal syntactical constructions to be style distinctive markers of scientific functional style?

Abstract: The attempt to solve the problem of a status of verbal syntactical constructions, which function in the text corpora of scientific style and perhaps can be considered as stylistic markers, is made. In order to achieve the aim the results of calculation of syntactical construction usage frequency in different sublanguages of engineering are used.

Keywords: aspectual-temporal forms, frequency of usage, frequency zone, finite verb, text corpus, verbal kernel syntactical construction.

*Цапенко Людмила Ефимовна,
Одесский национальный политехнический университет,
доцент, кафедра иностранных языков
E-mail: tsapenko.mila@yandex.ru,*

*Борисенко Татьяна Ильинична,
доцент, кафедра иностранных языков
E-mail: tanya47b@yandex.ua*

*Гвоздь Ольга Викторовна,
ст. преподаватель, кафедра иностранных языков
E-mail: tsapenko.mila@yandex.ru*

Можно ли считать глагольные синтаксические конструкции стилеразличительными маркерами научного функционального стиля?

Аннотация: В статье делается попытка решить вопрос о статусе глагольных синтаксических конструкций, которые функционируют в текстовых корпусах научного стиля и, возможно, могут рассматриваться как стилистические маркеры. Для достижения этой цели используются результаты вычисления частотности употребления синтаксических конструкций в различных подъязыках техники.

Ключевые слова: видо-временные формы, глагольная ядерная синтаксическая конструкция, текстовый корпус, частота употребления, частотная зона, финитный глагол.

Настоящая статья предлагает описание результатов одного из этапов исследования, посвященного поиску речевых единиц, выражающих стилистические особенности научного функционального стиля. В качестве объекта исследовательской работы была использована одна из наиболее частотных и значимых для текста частей речи — глагол и его

морфологические, синтаксические, лексические и частотные характеристики.

Ранее авторами уже публиковались результаты анализа залоговых, видо-временных парадигматических форм английского глагола с целью определения их возможного влияния на интегральные и дифференциальные параметры в текстах подъязыков научного

стиля [1]. Однако представляется, что оценка сходства и расхождения подязыков техники по частоте реализации парадигмы финитного глагола без учета синтаксических и лексико-семантических глагольных категорий хотя и дает определенные количественные результаты, но не позволяет пока судить о специфике функционирования глагола в текстовых корпусах различных подязыков науки или делать обобщающие выводы о стилистических особенностях этой части речи. Поэтому целью статьи является следующее: выделить из текстовых корпусов, относящихся к научному функциональному стилю, все встречающиеся в них ядерные глагольные синтаксические конструкции, систематизировать их в соответствии с частотностью употребления, сравнить количественные характеристики для возможного присвоения этим конструкциям статуса стилистического маркера для подязыков техники.

Материалом служат текстовые корпуса трех научных областей знаний — “Акустика и ультразвуковая техника”, “Химическое машиностроение” и “Теплотехника”. Все три отобранные специальности совершенно не имеют общих научных понятий, поскольку обслуживают различные, несвязанные друг с другом отрасли промышленности. Это дает возможность получить объективные и надежные результаты для будущих выводов.

Единицей синтаксического уровня в данной работе считается синтаксическая конструкция, представляющая собой воплощение реально существующих связей, отношений и видов зависимости между словами (в нашем случае — между элементами ядерных конструкций, где глагол является доминирующим, главным компонентом) в структуре предложения, т. е. синтаксическая конструкция — это отражение реализованной валентности.

Синтаксические конструкции описываются в терминах грамматических классов слов, среди которых в языкознании различают функциональные классы слов, частично совпадающие с традиционными частями речи [2, 87]. При работе с материалом учитывалась способность глагола вступать в предикативное отношение с существительными, неличными формами глагола — инфинитивом, герундием, придаточным предложением, прилагательным, наречием, числительным. Использовались следующие условные обозначения: V — глагол в личной форме, N — существительное, местоимение, числительное, символы, формулы; A — прилагательные и числительные в функции препозитивного определения; D — наречия; V — глагол в

инфинитиве; Ving — причастие 1, герундий; Ven — причастие 2; prp. — предлог; pp — послелог; spj — союз; союзное слово; O — отсутствие ядерной связи; S — придаточное предложение, которое приравнивается к классу слов.

С целью выполнения поставленной задачи из каждого текстового корпуса было проанализировано по 3586 предложений, т. е. все предложения, в которых реализуются высокочастотные парадигматические формы финитного глагола действительного залога, и 1519 элементарных предложений с глаголом в личной форме страдательного залога.

Предварительно было решено использовать следующие частотные зоны для определения количественных параметров синтаксических конструкций: от 1000 до 100 — как высокочастотная зона; от 100 до 10 — зона средней частоты; от 10 до 1 — низкочастотная зона. В полученном списке синтаксических конструкций самой высокой частотой была 900, т. е. она входила в высокочастотную зону.

Результаты анализа синтаксических конструкций, характерных для финитных глаголов в подязыках техники, показали следующее. В исследуемых текстовых корпусах “Акустика и ультразвуковая техника”, “Химическое машиностроение” и “Теплотехника” синтаксические конструкции реализуются по количественному и качественному составу не совсем одинаково. Так, в текстах по теплотехнике реализовались 12 высокочастотных конструкций; в текстах по химическому машиностроению — 10; в текстах по акустике — 11 конструкций.

Следует также отметить, что рассматриваемые конструкции характеризуются разной частотой употребления в текстах разных подязыков. В процессе анализа нами были выделены и распределены в порядке убывания частот наиболее употребительные конструкции с глаголом в качестве ядра. Для подязыка теплотехники такими конструкциями оказались VN (F=803); VprpN (F=595); VNprpN (F=315); VD (F=260); VNV- (F=209); VS (F=203); VV- (F=187); VNA (F=179); VA (F=158); VND (F=150); VNN (F=111); Vpp (F=104), составляющие 91,31 % от общего числа зарегистрированных в данной выборке моделей. Для подязыка химического машиностроения 86, 96 % всего инвентаря конструкций составляют VN (F=870); VprpN (F=692); VNprpN (F=298); VD (F=238); VNV- (F=195); VV- (F=185); VS (F=162); VA (F=146); VND (F=136). В подязыке акустики и ультразвуковой техники наибольшей частотностью обладают следующие конструкции: VN (F=899);

VprpN (F=480); VNprpN (F=380); VD (F=255); VV- (F=204); VNV- (F=203); VS (F=205); VA (F=175); VNA (F=145); VNA (F=145); VND (F=143); Vpp (F=117) — 89,39% от общего числа всех конструкций данной выборки.

Таким образом, определив синтаксические условия, в которых реализуется глагол в личной форме в каждом отдельном текстовом корпусе, мы смогли выделить также и общие высокочастотные конструкции для текстов трех исследуемых подязыков. К ним относятся: VN; VprpN; VNprpN; VD; VNV-; VV-; VS; VNA; VA; VND.

Проведенное сопоставление извлеченного из разных текстовых корпусов инвентаря конструкций показывает, что некоторые модели оказываются особенно предпочтительными для текстов определенной предметной области. Для подязыка теплотехники такой конструкцией оказалась конструкция VNN (111 случаев — 3,12%), в то время как в подязыках химического машиностроения и акустики данная конструкция относится к среднечастотным (93 — 2,59% и 98 — 2,73% соответственно). Конструкция Vpp является высокочастотной для текстов подязыков теплотехники и акустики (104 — 2,90% и 117 — 3,26% соответственно), в текстах подязыка химического машиностроения эта конструкция встречается в среднечастотной зоне (83 — 2,31%).

К среднечастотным конструкциям относятся следующие: в подязыке теплотехники 8 конструкций — VO; V Ving; VprpNN; VNprpVing; VNVen; VVen; Vprp Ving, которые составляют в сумме 7,79% от общего числа конструкций в данном подязыке; в подязыке химического машиностроения к среднечастотным относятся конструкции также 8 конструкций — VNN; Vpp; VO; V Ving; Vprp; VNprpVing; VNVen; VprpVing (12,10%); в подязыке акустики и ультразвуковой техники 9 конструкций — VNN; VO; V Ving; VprpNN; VNprpVing; VNVen; VVen; VprpVing; VNS (10,10% от всех синтаксических конструкций в данном подязыке). Из

приведенных величин можно сделать вывод, что расхождения в процентных показателях среднечастотных конструкций невелики.

Что касается списка конструкций в низкочастотной зоне списка, то они реализуются в исследуемых корпусах совсем в незначительном количестве: в текстах по теплотехнике — 6 конструкций (VVen; VprpNV; VasN; VenjV; VNS; VprpNVen), которые составляют всего 0,63%; в текстах по химическому машиностроению — 5 конструкций (VVen; VprpNV; VasN; VenjV; VprpNVen), которые составляют 0,61%; в текстах по акустике — 5 конструкций (VprpNV-); VasN; VenjV-; VprpNVen; VasVen) составляют только 0,18% от всех конструкций данного подязыка. Здесь резко выделяется доля конструкций в подязыке акустики, она значительно меньше, чем доли в двух других подязыках. Но низкочастотная зона предполагает более случайные величины, чем величины высокочастотной и среднечастотной зон.

Итак, проведя исследования по функционированию в текстовых корпусах теплотехники, химического машиностроения и акустики и ультразвуковой техники глагольных ядерных синтаксических конструкций, можно прийти к следующим выводам. Во всех выделенных частотных зонах без исключения, как количество разных конструкций, так и их процентные доли примерно одинаковы, может быть с небольшими расхождениями в сотых процента, и в величинах низкочастотной зоны. Отсюда можно сделать вывод, что синтаксическую конструкцию, как единицу научной речи, нельзя отнести к стилеразличительным единицам научного функционального стиля.

Данные, полученные в [1] и результаты анализа, описанного в настоящей статье, могут быть объединены, что позволит (после соответствующих вычислений) определить возможную зависимость между частотностью конкретной синтаксической конструкции и реализованной в ней видо-временной парадигматической формой финитного глагола. Это и будет задачей для следующего этапа исследований.

Список литературы:

1. Tsapenko L. E., Dyachenko G. F., Shapa L. N. Comparative analysis of the verbalword forms in the texts of scientific communication. // Nauka i studia Przemysł. Filologiczne nauki (Polska) Publishing house Education and Science, s. r.o., – № 13 (144). – 2015. – P. 53–52.
2. Ganshina M., Vasilevskaya N. English Grammar: 7th edition revised. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1953. – 465 p.

Shapa Ludmila Nikolaevna,
Odessa National Polytechnic University,
Associate Professor, PhD, Department of Foreign Languages
E-mail: l-shapa@mail.ru

Tsinovaya Marina Viktorovna
Associate Professor, PhD, Department of Foreign Languages,
E-mail: marinatsinovaya@gmail.com

Kapinus Elena Leonidovna,
Associate Professors, PhD, Department of Foreign Languages,
E-mail: elena_kapinus@mail.ru

The determination of implementation extent of the ability to form degrees of comparison by adjectives in scientific texts (based on the text corpus “Electrical Engineering”)

Abstract: The method of determination of the extent to which the adjectives are able to realize their grammatical forms is described. It is based on the mathematical calculation which allows to obtain the reliable results for coming to the correct conclusions.

Keywords: synthetic and analytical forms, qualitative adjectives, relative adjective, degrees of comparison, text corpus, calculation.

The trends which imply certain changes in the use of different grammatical forms in speech, for example, even those considered to be wrong from the standpoint of academic science [1], can be predicted in advance.

In this paper we offer the method that allows to determine with the help of mathematical calculations the extent to which this or that part of speech is capable of actual implementation of grammatical theoretically inherent characteristic forms in the text, which can probably affect the trends in the use of forms of different parts of speech.

The object of the research submitted is adjectives used in the text corpus of “Electrical Engineering”. The choice of particularly this part of speech as an object of the research was due to the following: firstly, adjectives are among the most frequently used text elements; secondly, this part of speech thanks to its lexical meanings enables researchers to distinguish between the group of adjectives capable of morphological form creation (qualitative) and the ones which are not able to produce degrees of comparison due to their lexical features (relative); and thirdly, the range of their grammatical forms is limited to only two species — synthetic and analytic (the number of adjectives with suppletive forms operating in these texts is very small, so they were not considered separately). A small number of different forms of this part of speech had makes the analysis more visible and comprehensible, which can convince other researchers to conduct similar analysis with other parts of speech.

Such kind of analysis is possible only in case of a comprehensive study of linguistic phenomena, i. e., when we address both language (system characteristics) and speech (functional features) simultaneously. Language data as a system were taken from the well known standard Webster’s [2], Hornby’s [3] dictionaries, as well as scientific and methodical literature [4; 5; 6]. For the description of the language units functioning in speech the text corpora of one of the branches of science and engineering, i. e. Electrical engineering, were used, they were formed by continuous sampling based on the texts taken from scientific American and British journals: *IEEE Transactions on Power Apparatus and Systems*, *Proceedings of the Institution of electrical engineers*.

A mathematical tool, which allowed to calculate with precision the frequency of adjectives occurrence found in the text corpus “Electrical Engineering”, adjectives in different degrees of comparison, their percentage in the total amount of calculations, was used for the analysis, the latter was intended to show the extent to which adjectives could realize their potential to creation their grammatical forms.

Since far from all adjectives capable of creating the grammatical forms are used in the text corpus in the forms of degrees of comparison, standard dictionaries such as Webster’s [1], Hornby’s [2] were used in the research, so that all units from the list of adjectives are able to reveal forms characteristic to them — analytical as well as synthetic.

The entire list of adjectives extracted from the text corpus “Electrical Engineering” has 381 units or 14 386 word usages. First of all, the authors calculated the correlation of qualitative and relative adjectives in the texts of “Electrical Engineering”. Most adjectives do not form any degrees of comparison — there are 226 of them, i. e., 59.3 % of the total list of adjectives and 52 % of all the word usages in the text. The quantity and percentage of qualitative adjectives is 140 units, i. e., 40.7 % and 48 % of the list of all the word usages. Taking into consideration not very considerable difference in the quantity of word usages — 52 % and 48 % — we should point out that adjectives of these two groups are significantly different in the number of different words — 226 and 140, respectively. This phenomenon can be explained by the fact that the qualitative adjectives appear in the texts more often than relative ones.

It should be noted that in the text corpus “Electrical Engineering” there were adjectives which have both qualitative and relative meanings. Their number is small — only 15 words (8 % of all word usages of adjectives), but in order to have accurate calculations in the future they will be divided in accordance with their lexical meaning, and these figures will be used in calculations.

The frameworks of “Applied and mathematical linguistics” rubric do not allow to distract from the topic of mathematical/statistical analysis. However, here is the only time in the article where the authors would like to demonstrate the closest interaction between the results of mathematical calculations and lexical characteristics of the adjectives which affect the statistics of the usage of this part of the speech in the text corpus “Electrical Engineering”, in this particular case — the reason for the prevalence of relative adjectives over the qualitative ones. Thus, it can be claimed that the presence in the text corpus of large quantity of items which belong to the terminological and general scientific lexical layers (the division of the whole list of adjectives due to the lexical layers was carried out earlier [7]) representing objective, rarely comparable qualities, can explain the prevalence of relative adjectives.

The next stage of the research is dedicated to the calculation of the quantity and percentage of qualitative adjectives which function in a text sampling in their synthetic and analytical forms. It turned out to be 39 adjectives which form their degrees of comparison with the help of adding suffixes; there are 116 adjectives which construct their forms analytically. Adjectives with suppletive forms were not identified as a separate group, but they were attached to the adjectives with synthetic forms of degrees of comparison. The adjectives capable of forming degrees of comparison synthetically (suppletive) occupy 19 % of

the entire list of word usages and 49 % of the quantity of qualitative adjectives usage. The adjectives capable of analytical form creation cover 21 % of the whole bulk of adjectives and 51 % of the quantity of qualitative adjectives.

It can also be seen that despite of the substantial difference in the quantity of different words in two groups their percentage of the entire list and qualitative adjectives are almost equal, because the frequency of usage (word usage) of adjectives with synthetic (suppletive) forms in the text corpus “Electrical Engineering” is much higher than that of adjectives with analytical forms.

Then a more detailed analysis of adjectives in various degrees of comparison in the forms of comparative and superlative degrees formed synthetically (suppletive) and analytically — was carried out. The results of the analysis identified the exact number of word usages in the comparative and superlative forms in synthetic (suppletive) and analytical variants: synthetic (suppletive) form has 730 items in the comparative degree and 106 in the superlative one (in total — 836); analytical — 110 and 51, respectively (in total — 161).

The total amount of word usages in the comparative forms in both types of form creation is 840 units and of the superlative forms — 157 ones. It is obvious that the quantity of word usages of comparative degree forms is about 5.5 times more than the quantity of them used in the superlative form. However, the ratio is different for adjectives which differ in the way of form creation. The words which form their degrees of comparison in a synthetic (suppletive) way have the ratio of values 7:1 in the forms of comparative and superlative degrees; and for the adjectives that form the degrees of comparison with the help of adding *more* and *most* (*less* and *least*) the ratio is 2:1.

The reason for this significant difference in the quantity of forms is the lexical features of the adjectives that are not examined in this article, as it is focused exclusively on mathematical and statistical characteristics of the considered part of speech, i. e. adjective.

Finally, the calculation of the extent to which adjectives have implemented their potential abilities to form the degrees of comparison is performed by calculating the ratio between quantity of different types of adjectives to all qualitative adjectives with corresponding forms. The calculation results were as follows. Qualitative adjectives with synthetic (suppletive) forms have the implementation level of 28 %, which means that 28 % of adjectives (every fourth word) reveal their ability to form creation. The adjectives with analytical forms show the same ability only within 5.3 % of cases, i. e., they are almost 5 times less involved in the formation of the degrees of comparison.

son than adjectives with synthetic (suppletive) forms.

Thus, the results of calculations showed clear tendencies of different types of adjectives to realize their formative abilities. The suggested method seems to be helpful and can be used in the research and forecasting of possible tendencies in the implementation of grammatical forms by other parts of speech.

It can be added that mathematical analysis showed that the results obtained can only state the facts but do not allow to talk that it is exclusively the possibility of using

mathematical or statistical characteristics of the parts of speech that determines the possible tendencies in functioning of grammatical units in the speech as a whole. This statement has pre-determined the direction of further research, which will be devoted to the consideration of syntactic and lexical factors. Perhaps their interaction with the mathematical/statistical characteristics has much more considerable impact on the implementation of ability of adjectives to form their degrees of comparison.

References:

1. Churyumova A. O. Modal constructions with the progressive infinitive in modern English. // Humanities scientific researches. – 2013. – № 4. // [El. resource]. – Available from: <http://human.snauka.ru/2013/04/2653>.
2. Oxford Advanced Learner's Dictionary, [edited by AS Hornby], 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
3. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press: 8th edition (April 26, 2010).
4. Kachalova K. N., Izrailevich E. E. Practical English Grammar: Grammar edited by Kachalova publ: Caro, 9th ed., 2012.
5. Jenny Dooley & Virginia Evans. Grammarway 1–2–3–4. Express Publishing, 1999–2004. 1 – P. 142; 2 – P. 192; 3 – P. 269; 4 – P. 276.
6. Yule George. Oxford Practice Grammar. – Oxford University Press, the 2nd edition, 1999.
7. Tsinovaya M. V. Lexical component of the second constituent of modal verb constructions in the texts of scientific-technical communication. // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна Серія "Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов". – № 1104. – Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2014. – P. 155–159.

Section 2. Literature

*Boklakh Dmytro Yuriiiovych,
Luhansk Taras Shevchenko National University,
postgraduate student, the Faculty of Ukrainian Philology
and Social Communication
E-mail: dmytro.boklakh@gmail.com*

The artistic structure of Petersburg's topos in the story «Artist» by Taras Shevchenko

Abstract: The article investigates the artistic structure of Petersburg's topos in the story «Artist» by Taras Shevchenko. The particular structural and semantic reproduction of the urban space are analyzed, the city allocated loci are mentioned as poetic topos of the city is also interpreted.

Keywords: artistic structure, the topos of the city, the locus of the city, the attribute of the city, urban space, «locus amoenus».

A city is a multidimensional way of life of mankind. The city is substantive unity of language of forms and history of style, which appear in the whole course of cultural life of the mankind [11, 83]. J. Ortega y Gasset believes that the city as a phenomenon of civilization is new space for life of the society that isn't reduced to primitive human existence [7, 145]. O. Spengler claims that the city is creation of the mankind of "the highest language of forms", and, therefore, the history of the mankind "is the history of a city person" [11, 91–92]. The city as the spatial and topographical significance always acted in reception of mankind as unique civilization, cultural and historical space (F. Braudel, M. Weber, G. Simmel, J. Ortega y Gasset, O. Spengler). The city is an organized concept in daily consciousness of a person, it is an ordered topos of its attributes (streets, buildings, etc.) that acts as multilevel geographical space that is outlined due to presence of the person (N. Antsiferov, W. Benjamin, M. Butor, I. Grevs, Yu. Lotman, F. Miltoun, V. Toporov). Therefore, the research of geographical space of the city in fine literature and features of its image by the writers gains special importance. The topos of the city is one of unique spatial images of the artistic world of T. Shevchenko. Works by O. Boron [3], V. Levitsky [6], etc. are devoted to the analysis of city space in works by this author. Complex research of art structure of the topos of the city in the story "Artist" (1856) by T. Shevchenko is the low-studied issue in literary criticism and defines relevance of work.

The objective of the article is the research of features of specification of art structure of topos of Petersburg in

the story "Artist". To achieve the objective of the article it is necessary to perform a number of interrelated tasks:

- 1) to investigate the spatial organization of the topos of Petersburg;
- 2) to allocate components of the semantic kernel of the topos — loci;
- 3) to investigate poetic specifics of reconstruction of the topos and loci of the city.

The concept of "topos" was widely used at the time of antiquity in philosophy (Protagoras of Abdera, Aristotle). The issue of studying the genesis of topos as literary concept was for the first time studied by E. R. Curtius. In the XX century, with the appearance of works by N. Antsiferov, M. Bakhtin, Yu. Lotman, V. Toporov and others, the concept of "topos" got broader interpretation: researchers put in this concept "a place" of expansion of meanings, significant for the literary text, which can correlate with a fragment of real or imaginary space in time.

The topos of the city is the objective and conceptual reality of the city, a set of the city realities outlined and localized in existential limits, recreated in the text [4, 66]. O. Boron puts into understanding of the concept of topos "a sophisticated, foreseeable behind semantics, fragment of space of the literary work" [3, 41]. If the topos of the city is a broad concept of space, then smaller components of its structure — loci — represent a number of separate objects in space, which are the semantic center of topos (A. Bulgakova, O. Boron, I. Vykhov, A. Lovchinskiy, V. Fomenko, F. Shteinbuk, and others). The problem of classification of loci as structural components of topos became the subject of researches of S. Ignatyeva,

V. Prokofieva, O. Frolova and others. Among the classifications of loci we find scientifically productive the classification of O. Frolova, who defines a locus as “the spatial referent of the literary text that is the result of the author’s choice of a place (places), where the action will unfold” [8, 12]. O. Frolova structures loci in detail as follows: private (estate, apartment, house), social (department), natural (wood, steppe), complex (ball), dynamic (road) [8, 18]. In our research we will use the concept of “topos” in the meaning of a place, which can be defined as the spatial phenomenon of the real geographical world (city), and the city locus as a limited spatial attribute in structure of the topos (street, house, garden, etc.).

The story “Artist” consists of artistically transformed autobiographical memories of private and esthetic views of T. Shevchenko during the Petersburg period of life through the structure of loci of the city. Specifics of the author’s appeal to art reconstruction of own biography are connected with nostalgia in time of his exile to remember about the “years of his youth” that he spent in Petersburg — the city of his creative development as a master of painting. Analyzing the story it is possible to notice that the attention of the author is concentrated on construction of topos of the city from distinctly recognized loci. T. Shevchenko designs “the city text”, which is a certain hierarchy of loci in the topos of the city with characteristic signs of toponymics, city attributes.

The art structure of the topos of Petersburg in the story is contacted with semantics of the city as a wide geographical space to which loci act as tangent elements (streets, squares, apartment, Neva Embankment, coffee house, the Summer Garden, the Academy of Arts, etc.). Considering the given classification of O. Frolova [8] we allocate such types of loci of the city in the work: private (apartment, Bryullov’s studio), social (the Academy of Arts, madam Jurgens’s coffee house, corner of the Senate), natural (the Summer Garden, the Neva, park), complex (the Bolshoi Theatre, the Hermitage, masquerade), dynamic (streets, Troitsky Bridge).

The story begins with creation of a picture of the topos of Petersburg by the narrator-character: “I almost always spent summer nights in Petersburg on the street or somewhere on islands, but most often on the Academic Embankment. Especially I liked it < ... > when Neva was quiet and as the huge mirror, reflected with all details the majestic portico of the Rumyantsevsky museum, the corner of the Senate and red curtains in countess Laval’s house” [9, 121]. The corner of the Senate for T. Shevchenko is the locus of Senate Square and the mention of December 14 and of Decembrists,

with whom he was congenial. In the story the narrator emphasizes the beauty of Petersburg, exposed through esthetic and ethical definitions [6, 30]: the storyteller admires “the fine granite vase and majestic architecture of the Mikhailovsky Castle” [9, 121]. Gradually the author gives other loci: the Summer Garden, the Mikhailovsky Castle, the Hermitage, Petrovsky park, Peter and Paul Cathedral, Academy of Arts, madam Jurgens’s coffee house, etc., which act as concrete retranslators of life in the city. The church, the cathedral, culture constructions, in accordance with definition of C. G. Jung, become symbols of psychological balance of the person living in the city that have impact on him [10, 241].

Belonging of the hero of the story to a certain place is an important condition to the analysis of his character and space, where a specific action takes place (M. Bakhtin, Yu. Lotman). A dominant of space of the city is the topos of the city, which represents the “scene of action” of heroes in a particular living environment of the person. The young artist thanks to his friend manages to rent an apartment in Petersburg: “Between Bolshoi and Sredniy Prospects, on the Seventh line, in Kastyurin’s house” [9, 136], however the young artist was terribly afraid of loneliness in the house interior [9, 163]. Only the Academy of Arts made other emotional inspiration. Therefore the basis of the story “Artist” is the “chronotope of Academy”, which temporary component is defined by the period of acquaintance of the young hero to artists, and the spatial component is connected with the Academy of Arts and Bryullov’s art studio [2, 306]. The art studio of K. Bryullov can be called the locus of life in Academy: “The red room covered mainly with expensive eastern weapons, lit with the sun through the transparent red curtains < ... > looked amazing” [9, 132]. The art studio of K. Bryullov became the place where the life of young hero as a free person and an artist began.

The topos of Petersburg is presented by bright memories of particular places: the storyteller hurried to “Troitsky Bridge to admire the sunrise < ... > above the quiet beauty of the Neva” [9, 145]. However the young artist doesn’t always live on the “color” of the city, because his true purpose in the city is art: “The Petersburg greyish summer vanished into thin air. Damp rotten fall is outside, and in our Academy we have a brilliant exhibition” [9, 165]. The locus of the Academy of Arts acts as an important counterpoint, as here the hero feels psychological balance with the big city in general.

To understand “the soul of Petersburg”, according to N. Antsiferov, it is important to sit on granite slabs near the sphinx statues of the Academy of Arts, to fill your soul

with treasures of the Hermitage, to admire the row of white columns of the Exchange building that appear behind the expanse of the Neva from Troitsky bridge [1, 37]. Finally, such short geography helps the characters of the story — the young artist and the storyteller, who look at the city with frank enthusiasm and dreams, to see the topos of Petersburg in general: the storyteller travels on Bolshoy and Sredniy Prospects, Troitsky Bridge and the embankment, observing “the skiff with cheerful passengers sliding across the open Neva and followed by a long thin silver stream” [9, 141]. The storyteller is fond of visits of cultural places of Petersburg: “Quite often I happened to visit the Hermitage together with Bryullov. Those visits were brilliant lectures of the theory of painting” [9, 129]. After creative work the characters visit a coffee house on the Third line: “Karl the Great liked to visit leisured madam Jurgens occasionally <...> He liked <...> the variety of views in our society” [9, 139]. Therefore, the author shows loci of the city that are involved into the general background of the topos of Petersburg.

The locus of the Bolshoi Theatre has special value, presenting a number of visual and acoustical images in reconstruction of the scene of action: “The shining hall was quickly filled with the masked public, music rattled, and in the noise of the public talk little capuchin monkeys squealed” [9, 161]. However the young artist can't build up his private life. In general the city in T. Shevchenko's impression correlates not only with potentially bad, but also with the secret incomprehensible beginning [6, 30]. Opportunities in the city became the starting point in destruction of the personality of the young man, and, therefore, his murderer, because everything that he ever wanted was available for him: “This is how I live now! I idle around the masquerades, have supper in a tavern and waste the money. And it

hasn't been a long time since <...> that unforgettable bright and sunny morning by the Neva when you saw me for the first time in the Summer Garden in front of the statue of Saturn, has it?” [9, 161]. In the end of the story the loci of Neva and the Summer Garden get special importance because they conceptualize interrelation of the young hero with the city and recur as “pleasant places” (or “locus amoenus”), meaning special objects of action where spiritual aspects of the character get revealed at most. E. R. Curtius says that “locus amoenus” is a spatial description of natural places (garden, wood, sea) for presentation of a unique internal emotional state of the hero — the serenity of mind [5, 220–225]. The real “locus amoenus” in the story is the Summer Garden as here the life-changing acquaintance of the young hero to the storyteller took place and that acquaintance became a decisive factor of his further life in the city.

Thus the artistic structure of the topos of Petersburg in the story “Artist” by T. Shevchenko has complicated structural and semantic organization of loci, representing the author's personal perception of the city. The topos of Petersburg is presented as a vital background of actions of characters of the story where particular events in time take place; these events have expressive implication of reception of the landscape and architectonics of the city. The loci of the Academy of Arts, Bryullov's art studio, the coffee house, the theater, etc. become a guarantee of entry into the inner world of the heroes' life in the city, because they connect the situation context and a certain attribute of the city. The locus of the Summer Garden is a “unique place” of Petersburg for the young hero as it is a fatal place in the city. The topos of Petersburg interprets T. Shevchenko's personal individual state and his memories of the city that correspond the author's intensions.

References:

1. Antsiferov N. P. «Nepostizhimij gorod...» Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Peterburg Pushkina/ N. P. Antsiferov; Sostavitel M. B. Verblovskaia. – Spb.: Lenizdat, 1991. – 335 s.
2. Barabash Yu. «Koly zabudu tebe, Yerusalyme...» Hohol i Shevchenko. Porivnialno-typolohichni studii/Yu. Barabash. – Kharkiv: Akta, 2001. – 375 s.
3. Boron O. V. Poetyka prostoru v tvorchosti Tarasa Shevchenka: Monohrafiia/Oleksandr Boron. – Kyiv: Ahentstvo «Ukraina», 2005. – 152 s.
4. Vykhor I. Dyskurs mista v ukrainskii poezii kintsia XIX – pershoi polovyny XX stolittia. Dysertatsiia kandydata filolohichnykh nauk: 10.01.06/Vykhor Inna Vasylivna; TNPU imeni Volodymyra Hnatiuka. – Ternopil, 2011. – 258 s.
5. Kurtsius E. R. Yevropeiska literatura ta latynske serednovichchia/Ernst Robert Kurtsius; pereklav z nimetskoi A. Onyshko. – Lviv: Litopys, 2007. – 752 s.
6. Levytskyi V. Nasnaha ta motoroshnist «inoho kraiu»: urbanizm u literaturnykh tvorakh Tarasa Shevchenka/ V. Levytskyi//Slovo i chas. – 2015. – № 3. – S. 28–36.

7. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass/H. Ortega-i-Gasset; sbornyj perevod s ispanskogo. – M.: Izdatelstvo AST, 2002. – 509 s.
8. Frolova O. Soderzhanie i metodicheskaja interpretatsija kategorii «prostranstvo» pri obuchenii tolkovaniju ruskogo prozaicheskogo hudozhestvennogo teksta. Avtoreferat dissertatsii kandidata pedagogicheskikh nauk: 13.00.02/Frolova Olga Evgenievna; MGU imeni M. V. Lomonosova. – Moskva, 1996. – 23 s.
9. Shevchenko T. H. Zibrannia tvoriv: U 6 t./Taras Shevchenko. – Kyiv: Naukova dumka, 2003. – T. 4: Povisti. – 600 s.
10. Jung K. G. Chelovek i ego simvolj/Jung. K. G., fon Franc M.-L., i drugije; redaktor S. N. Sirenko; perevod s anglijskogo. – Moskva: Serebrjanye niti, 1998. – 368 s.
11. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii/Osvald Shpengler; pererevod s nemetskogo i primechanija I. I. Mahankova. – M.: Mysl, 1998. – T. 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy. – 606 s.

Kaplan Türkan,
Instructor of English in Department of Foreign Languages,
University of Turkish Aeronautical Association,
MA in English Literature, University of Vienna
E-mail: tkaplan@thk.edu.tr

The Big House theme as reflected in the Irish history and literature

Abstract: The Big House is a symbol of great significance in Anglo-Irish ascendancy, played an important role in Irish history and literature. This article studies the function of the Big Houses and their historical and cultural significance within Irish society. The history of the Big Houses as part of the structure of Ireland in the early 20th Century and its reflection to Irish literature as in the selected novels; *The Ladies' Road*, *The Last September* are considered to be the key images of this journal.

Keywords: Big House, Anglo-Irish, 20th century Ireland, *The Ladies' Road*, *The Last September*.

Before examining the function of the Big Houses, which date back to the early 18th to mid 19th century in Ireland, it is necessary to give a definition of “the Big House” and, refer to its owners and to consider they differ from one another as important players in Ireland’s troubled history.

The term “Big House”, named “Country House” in England, shall first be defined as in the *Oxford Companion to Irish Literature*:

a theme in Anglo- Irish literature referring to the big houses of the ascendancy, reflecting the anxieties and uncertainties of the Protestant landowning class in their decline, from the late 18th cent., through Catholic Emancipation, the Tithe War, the Famine, and the growth of modern militant Irish nationalism, to the founding of new Ireland State [2].

Originating soon after the Acts of Union in 1800, the term “Anglo-Irish” historically referred to the descendants, successors of the upper-class, and Protestant landowners who ruled Ireland in the eighteenth century. They were English by descent and loyal to the crown [3]. Therefore, the Anglo- Irish class is commonly understood to refer to the dwellers of Big Houses, which derived from the Anglo-Norman tower houses and these houses are named

both allegorically and symbolically on the grounds that they are big in size and in a way represent the splendid and elegant life styles of the Ascendancy.

One of the Irish novels selected, *The Last September* [4] includes harsh criticism and satires on this social group. Though the detailed analysis of this class is far from the scope of this article, it is worth mentioning here that the members of this ruling elite living in these big houses flaunted their wealth and power by building large, stone houses with high ceilings, decorative fireplaces, and papered walls, all of which suited their luxurious tastes; in their free time, they pursued activities of a decidedly English flavor, such as hunting, shooting, fishing, cards, and tennis as well as eating, drinking, and visiting their neighbors, who, of course, belonged to the same social class. Both symbolically and literally as mentioned above, the pursuit of this lifestyle helped to estrange and isolate the elite from the rest of Irish society, which lived quite differently outside the comforts of the Big Houses [5, 24–25]. These houses were “built on wealth, privilege, and the large revolutions of politics and religions” [6, 215]. Therefore, since the dwellers of the Big Houses were of the Anglo-Irish Ascendancy, they had very little in common with the native Catholic Irish

tenants. Sociologically and physically they lived in houses and perceived as the ruling elite associated with foreign occupation. Sociologically they shared few cultural similarities with the lower classes and physically they built their imposing homes, which served as physical statements of their supremacy.

However, the prevalent symbolism of the Big House in Irish literature has become an extremely controversial, polarizing historical subject. On the one hand, it has often been represented as the — “be all and end all” — of Anglo-Irish society and its cultural heritage typical of the work of such writers, while it also became an obnoxious symbol of English imperialism [5, 16]. “The Big House” concept is considered to be the core heritage of Anglo-Irish dynasty by Bowen who indicates.

The idea from which these houses sprang was, before everything, a social one [...] Society — or, more simply, the getting-together of people — was meant to be at once a high pleasure and willing discipline, not just an occasion for self-display. [...] The most ornate, spacious parts of these buildings were the most functional- the steps, the halls, the living- rooms, the fine staircases- it was these that contributed to society, that raised life above the exigencies of mere living to the plane of art, or at least style [7, 25–29].

According to Genet’s “The Big House in Ireland: Reality and Representation”, these houses were built in this way according to the landlords’ notion of security and were designed in a way that they could be defended. Ironically, the elite proved to be far more vulnerable to hunting accidents and, mental breakdowns. Moreover, many avoided having children or getting married, meaning that their heritage could not be passed on to new generations. However, it was the Land Acts which resulted in the severest damage to these houses and their owners. As a mean to avoid the possibility of Irish land ownership, inherited land needed to be either divided into smaller parcels of land, subject to the division date, or sold for a song to the Land Commission because they were both too few landlords who could afford the large expenditures of such estates and were too large and pricey for existing tenants to maintain, which resulted in the destruction of the original format and decoration of these houses by de-roofing, cutting-down timber, or turning the stables into dwelling places. But the most tragic end

for the Big Houses was being vandalized or burned down by rebels during the Rising and the War of Irish Independence [5, 24–28].

Correspondingly, it is worth referring to Corcoran’s personification of these houses as a reference to «Danielstown [which] “stares” at people and is “executed” by the IRA». It is ironically explained that the origin of these houses was suggested and named by the outsiders who destroyed “the narcissism of self-regard” of the inhabitants by destroying these houses [8, 43].

As far as the figures of the destruction of these houses by the Irish Republicans are concerned, the Big Houses were not the real target of the attackers; rather, their aim was the destruction of their residents, who represent the Protestant Ascendancy. These “so-called” privileged inhabitants, who in fact acted in favor of the Free State and Republic, were in a state of continuous fear for their lives and property as many were systematically killed or fled their native land during the turbulent years of the War of Independence and Civil War. Indeed; due to these intense political and financial pressures, including the *Ne temere* papal decree of 1908, the Protestant population of Ireland declined from 10 to 6 % — a dramatic indication of these turbulent times after the Independence. During and after the turmoil of Irish Independence, these houses lost both their symbolic and physical powers over Irish society and were representative of the fall of the Ascendancy. However, the fall of the Big Houses had the paradoxical effect of elevating their status within Irish literature. We can come to the same point with Genet who noted the Big House only became a significant part of Irish literature when it began to disappear because its connections to the Irish economy, politics, legal issues, and social life “was too overwhelming” to be conveyed to fiction. In reality, the Big House novels do not necessarily reflect the historical facts and contain more fiction than fact. However, Maria Edgeworth, for instance, was the first writer to refer to the Big House in a substantial and objective way in *Castle Rackrent* (1800) [9] or *The Absentee* (1812) [10] in which the “Big House” is reflected from a mythological and historical perspective.

In conclusion, the recession of a society has been explored differently by many writers so the concept of the Big House has always been as controversial as its dwellers in Ireland.

References:

1. Kaplan Türkan. Traumatized Women in Eire: As reflected in Elizabeth Bowen’s *The Last September* and Pamela Hinkson’s *The Ladies’ Road*. – Ao. Univ.-Prof. Mag. Dr. Franz Wöhler. – Vienna, 2012 (Main Source).

2. «Big house». The Concise Oxford Companion to Irish Literature. – Oxford University Press, 1996, 2000, 2003.// [Electronic resource]. – Available from: <http://www.answers.com/topic/big-house> (06 Sep. 2011).
3. [Electronic resource]. – Available from: http://multitext.ucc.ie/d/The_Anglo-Irish
4. Bowen Elizabeth. The Last September with an Introduction by Victoria Glendinning. – London: Vintage P, 1998.
5. Genet Jacqueline. The Big House in Ireland: Reality and Representation. – Ireland: Barnes & Noble, 1991.
6. Henn Thomas R. Five arches: A sketch for an autobiography, and “Philoctetes” and other poems. – Gerrards Cross: Colin Smythe, 1980.
7. Bowen Elizabeth. The Mulberry Tree: Writings of Elizabeth Bowen. 1986. Ed. Hermione Lee. – London: Vintage, 1999.
8. Corcoran Neil. After Yeats and Joyce: Reading Modern Irish Literature. – Oxford: Oxford UP, 1997.
9. Edgeworth Maria. Castle Rackrent. – Oxford Paperbacks; New edition, 2009.
10. Edgeworth Maria. The Absentee. – Penguin Classics, 2000.

*Kornienko Alina Vladimirovna,
Université Paris-VIII–Vincennes-Saint-Denis,
PhD student/doctorante
E-mail: a.v.kornienko@icloud.com*

Literary traditions of A. Chekhov and M. Maeterlinck in drama of Jean-Luc Lagarce

Abstract: This article offers a comparative review of two significant French-speaking drama authors Maurice Maeterlinck (1862–1949) and Jean-Luc Lagarce (1957–1995). This article also presents their interconnection with the construction principles of the «new play» of Anton Chekhov, as far as their conception and adaptation of the so called drama concept «The Tragic in Everyday Life». The author of this very article educes an extremely close connection between the symbolist drama of the late XIX – early XX centuries and of one of the most significant sects of French contemporary drama called «word drama».

Keywords: The Tragic in Everyday Life, French contemporary drama, “word drama”, Maurice Maeterlinck, Anton Chekhov, Jean-Luc Lagarce.

*Корниенко Алина Владимировна,
Университет Париж-VIII, докторант
E-mail: a.v.kornienko@icloud.com*

Традиции А. Чехова и М. Метерлинка в драматургии Ж.-Л. Лагарса

Аннотация: Данная статья посвящена сравнительному обзору двух значимых франкоязычных драматургов Мориса Метерлинка (1862–1949) и Жан-Люка Лагарса (1957–1995), их взаимосвязи с принципами построения «новой пьесы» поэта «повседневной трагедии» А. П. Чехова. Рассматриваются вопросы понимания и применения в их творчестве концепта «трагического в повседневности». Особое внимание в представленной статье уделяется тесной связи между символистским театром конца XIX – начала XX веков и современной французской драматургии, одним из важнейших течений которой является так называемый «театр слова».

Ключевые слова: трагическое в повседневности, современная французская драматургия, «театр слова», Морис Метерлинка, А. П. Чехов, Жан-Люк Лагарс.

Вторая половина XIX – первая половина XX веков является наиболее ярким и знаковым «революционным» периодом в истории французской драматургии. Первым «крутым поворотом» в ее развитии стала постановка романтической драмы в стихах Виктора Гюго «Эрнани» 25 февраля 1830 года на сцене «Комеди

Франсез», ознаменовавшая появление нового, романтического театра. Именно романтическая драма и водевиль, завоевавшие внимание зрителей в XIX веке, стали основными предпосылками к либерализации классического театра, а также к полному его освобождению от классических канонов, свершившемуся

в начале XX века. Этот период ознаменован борьбой натуралистической драмы (Андре Антуан) и символистской драмы (Морис Метерлинк), а также социально-культурным явлением «драмократии», когда театр стал таким же средством формирования общественного мнения, как пресса.

Основополагающие принципы современной французской драматургии были сформулированы бельгийским драматургом, поэтом и философом, Лауреатом Нобелевской премии по литературе 1911 года Морисом Метерлинком (1862–1949) в его философском эссе «Сокровище смиренных» (*Le Trésor des Humbles*) (пер. — Н. М. Минский и Л. Н. Вилькина, под ред. Н. М. Минского) (1896). Метерлинк считал, что истинный театр во имя познания подлинного, скрытого смысла слов должен быть лишен «телесности» и «очеловеченности», что подразумевало замену актеров куклами-марионетками. Кроме того, он концептуализировал свою раннюю драматургию, относящуюся к периоду с 1889 по 1894 гг., как «статическую драму» (*La drame statique*) (пер. — Н. М. Минский и Л. Н. Вилькина, под ред. Н. М. Минского). Статическая драма Метерлинка содержит в себе идею главенства фатума в ничтожной человеческой жизни (столь близкую А. Шопенгауэру), а также, в отличие от всех предшествовавших в истории театральных направлений, ставит в центр сценического действия самые обыденные жизненные ситуации. Тем самым он «провоцирует» размышления о самом факте человеческой жизни, внутри которой изначально заложен трагизм. Эти размышления имели в качестве самоцели под пером Метерлинка инициацию диалога души со всем тем, что ей предназначено судьбой:

“Существует каждодневная трагедия, которая гораздо более реальна и глубока и ближе касается нашего истинного существа, чем трагедии больших событий. Ее можно чувствовать, но очень трудно показать, потому что это истинно-трагическое не просто материально или психологично. Оно раскрывается не в законченной борьбе одной жизни против другой, не в борьбе одного желания с другим или в вечном разладе между страстью и долгом. Чтобы обнаружить его, нужно показать, сколько изумительного заключается в самом факте жизни, нужно показать существование какой-нибудь души в ней самой, среди бесконечности, которая никогда не бездействует. Нужно, чтобы за обыкновенной беседой разума и чувств звучал какой-то более торжественный и немолчный диалог, нужно показать нерешительные и болезненные шаги существа, которое приближается к своей правде,

к красоте или Богу, или отдаляется от них. Нужно открыть нам тысячу подобных вещей, которые трагические поэты касались лишь мимоходом. [...] Разве легкомысленно утверждать, что настоящая трагедия жизни, — трагедия обычная, глубокая и всеобщая, — начинается тогда только, когда то, что называется приключениями, печалью и опасностями, миновало? Разве у счастья руки не длиннее, чем у горя, и разве оно не ближе достигает души человеческой?” [1, 149].

Другим основоположником и идейным вдохновителем не только французской, но и всей европейской драматургии является русский писатель и драматург Антон Павлович Чехов (1860–1904). Его восприятие драматургии, а также принципы построения драматического произведения не только во многом сходны с концепциями М. Метерлинка, но и предвосхищают те новаторские приемы, которыми впоследствии будут пользоваться все европейские театральные корифеи. Несмотря на то, что Чехов никогда не концептуализировал свои творческие искания, материалы его дневников, записных книжек и многочисленные письма подтверждают тот факт, что вся чеховская драматургия также построена именно на «трагическом в повседневности»: “Пусть на сцене все будет так же просто и так же вместе с тем сложно, как в жизни: люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни” [9, 324]. Таким образом, театр Чехова — это, прежде всего, театр жизни, где настоящая драма разворачивается не в ходе бессобытийного сюжета. И решающее событие не отсутствует, а лишь отодвинуто и непрерывно откладывается. Поэтому источником драматической напряженности в пьесах Чехова становится не само событие, а его ожидание, которое не происходит и не может произойти. Показательны в этой связи воспоминания артиста Художественного театра А. Л. Вишневого: «Чехов поделился со мной планом пьесы без героя. Пьеса должна была быть в четырех действиях. В течение трех действий героя ждут, о нем говорят. Он то едет, то не едет. А в четвертом действии, когда все уже приготовлено для встречи, приходит телеграмма о том, что он умер». И Вишневский добавляет: «План этот очень характерен для Чехова» [10, 101].

Именно из статической драмы А. П. Чехова и Мориса Метерлинка, а также из «театра жестокости» А. Арто и «театра абсурда» С. Беккета и Э. Ионеско родился так называемый «Новый Театр» (*Nouveau Théâtre*) (пер. — А. К.), а в особенности «театр слова» (*Théâtre du langage*) (пер. — А. К.). Такого рода драматургия растворяется в своей текстуальности,

такие категории, как действие, конфликт, интрига, фабула, место и время действия сливаются, теряя свою самостоятельную обоснованность или приобретая абсолютно новые значения и характеристики. В театре слова основным полем для экспериментов и инноваций является диалог как нарративная форма самовыражения. Изначально являясь ни чем иным, как обменом репликами между различными персонажами драматического произведения, диалог, начиная с XX века во французской литературной традиции, все больше тяготеет к потере своего смыслового и графического единства, становясь похожим на другие текстуальные драматургические формы, такие как монолог и авторская ремарка. Благодаря этим трансформациям, французские драматурги двадцатого и двадцать первого столетий смогли выразить все те смысловые и контекстуальные особенности и отклонения, которые есть в каждом слове. «Новый» театральный диалог позволяет не только обратить внимание на ранее незатрагиваемые проблематики из категории «табу» для театральных подмостков, но и изучить коммуникативную способность языка как врожденного человеческого инструмента социализации, а также предать огласке все то неизведанное и чуждое, что таит в себе слово, а значит, и общество, которое им пользуется. Этот абсолютно новый, привилегированный статус слова возводит его в рамках данной драматургии в ранг главного действующего лица, вершителя и разрушителя человеческих судеб.

Одной из наиболее значительных фигур французской драматургии конца XX – начала XXI веков, ярчайшим образчиком театра слова является писатель, актер и режиссер Жан-Люк Лагарс (1957–1995), который наряду с Б.-М. Кольтесом, О. Пи и Д.-Ж. Габилли вернул первичную значимость драматурга как литературного создателя спектакля, закончив, тем самым длительную эпоху главенства фигуры режиссера на французских театральных подмостках.

Вдохновленный трудом М. Хайдеггера «Язык — дом бытия», Лагарс утверждал: «Мы живем не в стране. Мы живем в языке. Язык — это и есть Родина» (*On n'habite pas un pays. On habite une langue. Une patrie, c'est cela, et rien d'autre*) (пер. — А. К.) [3, 152]. Жан-Люк Лагарс создал и срежиссировал абсолютно новую литературную форму, кардинально новую драматургическую поэтику. Эта поэтика повторов, столь близкая чеховской поэтике возврата к уже сказанному, грамматически некорректных, пространных высказываний, преувеличений, навязывания своего слова и нежелания восприятия слова собеседника является не

только языковой картиной современного общества, но и его поэтикой в своем ярчайшем, порой даже гипертрофированном проявлении. Будучи последователем таких корифеев западноевропейского театра, как С. Беккет, Э. Ионеско, Н. Саррот, Жан-Люк Лагарс создал свой театр, в котором слово является одновременно центральным персонажем, импульсом и основной темой дискурса, превращая действующих лиц в своих марионеток, подчиняя любые интриги одной единственной цели: неустанной попытке хоть как-то наладить общение, попытаться услышать и понять Другого и сказать правду. Несмотря на разное происхождение, полярные временные рамки сходство понимания Метерлинком и Лагарсом драматургии как литературного жанра, а также восприятие слова как наивернейшего союзника театрального автора отчетливо прослеживается. Этим франкоязычных авторов сближает, прежде всего, кропотливая работа с безграничными возможностями родного языка, а также их способность чувствовать свойственный их времени особый стиль высказывания, а также заложенное в нем и выражающееся на лингвистическом уровне то самое «трагическое в повседневности» (*Le tragique quotidien*) (пер. — Н. М. Минский и Л. Н. Вилькина, под ред. Н. М. Минского).

Драматургическая революция Чехова и Метерлинка была основана на первичной и ультимативной важности центральной составляющей его драматических произведений — на драматическом дискурсе. Драматический дискурс Метерлинка — это не только реплика, не только диалог во всех своих проявлениях, но и взаимодействие слов и их смыслов между собой, скрытые смыслы слова, а также все звуковые аллюзии и ассоциации, вызываемые у зрителя наипростейшим на первый взгляд набором самых обыденных слов и выражений. Диалог персонажей Чехова строится как вопросы и ответы, признания без отклика. Важно не то, что говорят герои, а в том, как на их слова отвечают. Это не спор, не обмен мнениями, а разговор персонажа с самим собой, вследствие чего возникают множественные параллельные самовысказывания. Действующие лица исповедуются, признаются, а их слова висят в пространстве. И это «общение» чеховских героев парадоксально соединяется с их разобщенностью. Особая напряженность диалога у Чехова состоит в том, что общение происходит на разных уровнях: за словесной разомкнутостью героев скрывается более глубокий мир, где звучат едва слышные сигналы полуслов, интонаций, взглядов, походки, поведения, привычек. Слово как будто

находится под углом к действительному смыслу. Вслед за своими предшественниками Лагарс, в еще более ярко выраженной форме упрощает и оскудняет создаваемые им диалоги во имя резонирующе громкого звучания “поэтики эпохи”, а также во имя познания тайны повседневности.

Действие в театре слова, а в особенности в драматургии Жан-Люка Лагарса, состоит в опустошении всех существующих значений каждой произносимой со сцены языковой единицы. Персонажи Лагарса неизменно находятся в фазе изречения ради изречения, так как разговор, пусть даже лишенный своих смысловой и коммуникативной функций, способен заполнить пустоту их ничтожно маленьких мирков, которой они так страшатся, сохраняя при этом статичный характер их экзистенции (именно экзистенции, так как у персонажа-тени, лишённого психотипа жизни в полноценном ее понимании не может быть), который столь им дорог. Такого рода иллюзорность сценического действия и его развития, а также его трансгрессия в сторону слова и его смыслов подтверждает прямую взаимосвязь между драматургией слова Жан-Люка Лагарса и символистской драмой Мориса Метерлинка, который ввел новые понятия коммуникативных ситуаций и новые разновидности театрального диалога в драматургии: «второсортный диалог» и «бесполезный диалог». Эти новые дискурсивные литературно-драматические формы есть избыточно-бесполезный обмен репликами непредвиденного и смыслового минималистичного характера.

Морис Метерлинк является основоположником “поэтики тишины”, тишины столь же активной, сколь идеализирован его бестелесный персонаж. Эта тишина правит всем в театральных произведениях бельгийского драматурга: с момента, когда она лишь указана в качестве авторской ремарки (“[Un] silence”), до момента, когда она бросается в глаза в каждой реплике. Жан-Люк Лагарс также использует тишину в качестве значительного импакт-фактора, переосмысливая ее в рамках свойственной поэтики его времени. Тишина у Лагарса куда более драматична, так как она демонстрирует неспособность индивида высказаться до конца, а также о его неприспособленности к какой-либо, даже самой элементарной форме коммуникации.

Таким образом, поэтика Лагарса — это поэтика невысказанности и недосказанности, трагедия чрезмерного слова, которое не способно нести в себе главное для адресанта высказывания. Очевидно, что драматический текст Лагарса — это невероятное

переплетение громкости и тишины, прозрачности и двусмысленности, перенасыщения и опустошения.

Способность говорить или ее отсутствие, связанные с “поэтикой тишины” являются экзистенциальной проблемой, а также важнейшим выбором для каждого из персонажей Жан-Люка Лагарса. Существование таких персонажей, как Немая служанка на кухне, в пьесе, изначально предназначенной для радио, свидетельствует о том, что в театре слова существование на бумаге не значит истинную принадлежность к “живым” персонажам. В рамках этого театра умение говорить означает “жить”, оно (это умение) является жизненно необходимым актом, как дыхание для человека. Таким образом, истинный экзистенциальный выбор, стоящий перед каждым персонажем Лагарса — это говорить или молчать, провоцировать диалог или любым способом избегать его, пытаться понять Другого или же воспринимать любое обращенное слово лишь через призму собственных убеждений. Жан-Люк Лагарс также перенимает и адаптирует концепт Мориса Метерлинка со своим фатумом при помощи введения в свою последнюю и наиболее яркую пьесу “В стране далекой” таких персонажей, как **Отец, уже умерший** и **Возлюбленный, уже умерший**, а также собирательных персонажей **Старый Друг, Все, как один, молодые люди, Все, как один, воины** (Le Père, mort déjà; L'Amant, mort déjà; Longue Date; Un Garçon, tous les garçons; Le Guerrier, tous les guerriers) (пер. — А. К.). Наличие этих «умерших» персонажей, свободно осуществляющих обмен репликами с “живыми” и индивидуально охарактеризованными героями (насколько это, конечно, возможно в рамках упрощенно-обезличенного драматургического построения произведений Лагарса), позволяет не только прикоснуться к безвозвратно ушедшему прошлому каждого, но и впервые выводит на театральные подмостки диалог с многочисленными альтер-эго каждого индивида. Этот диалог “с самим собой” не носит у Лагарса никакой “клинической” смысловой нагрузки, это не аллергия на психические отклонения, но лишь пример того, что поиск общего языка с другим человеком начинается с поиска взаимопонимания и внутренней гармонии с самим собой.

Жан-Люк Лагарс перенял и переосмыслил понятие Метерлинка о “собственной правде и красоте души”, которое выражается в вербальном стремлении к ним. У Лагарса это бесконечный поиск правильного слова или выражения, своеобразный лингвистический перфекционизм, доходящий до абсурда. В них и есть не только показанная драматургом “поэтика

современной эпохи”, но и едкая сатира всего общества. Так, например, персонаж пьесы “Последние угрызения совести перед забвением” (*Derniers remords avant l’oubli*) (пер. — А. К.), который безуспешно пытается в ходе диалога определить в употреблении активного залога или условного наклонения, есть не что иное, как карикатура на выходцев из малообразованных слоев населения, выпячивающих свое равноправие и принадлежность к интеллигентной социальной прослойке: «[...] возможно, я человек, мужчина, да, именно человек, я точно человек, который меньше всего выдумывает разные истории» ([...] *je suis peut-être la personne, l’homme, la personne exactement, je suis certainement la personne qui fait (qui fasse?), qui fait le moins d’histoires*) (пер. — А. К.) [7, 15]. На языковом и стилистическом уровне трудности повседневной жизни, как и принятие своей судьбы, выражаются у Метерлинка в избыточном употреблении многоточий, вопросительных и восклицательных знаков. В каждой фразе, произносимой его персонажами, не хватает связности, при этом их реплики слишком односложны, полны повторов и строятся, в основном, на безличных конструкциях. Благодаря систематическому расчленению цельности реплик героев в сочетании с намеренным умалчиванием темы и ремы, Метерлинку удалось создать поэтику тотального неверования в силу языка, а значит, и в свои собственные силы: “Ах, я сама не все понимаю, что я говорю! ... Я не знаю, что я говорю ... Я не знаю, что я знаю ... Я не то говорю, что хочу ...” (*Je ne comprends pas non plus tout ce que je dis ... Je ne sais pas ce que je dis ... Je ne sais pas ce que je sais ... je ne dis plus ce que je veux ...*) (пер. — Н. М. Минский и Л. Н. Вилькина, под ред. Н. М. Минского) [2, 258].

Похожими приемами пользовался и Жан-Люк Лагарс при создании поэтики своего времени, времени перемен на пороге нового столетия, что сближает его с Морисом Метерлинком. Лагарс пошел гораздо дальше в воспроизведении повседневного языка и языковой неуверенности, введя в пунктуационный оборот абсолютно уникальный знак препинания, понятный

и легитимный только в рамках его литературного наследия — «(...)». Это не только новая графическая форма многоточия, но и уникальное в своем роде графическое выражение той самой активной тишины, с которой работал Метерлинка. Данный знак препинания также является смысловым разделением между попытками диалогов, так как в отличие от своего символистского предшественника, у Лагарса практически нет разделения текста на сцены, а порой и на акты. При этом, «(...)» еще и ни что иное как ярчайшая авторская ремарка, указывающая на интонационные изменения внутри реплики, которыми при прочтении, а тем более произнесении пренебречь не возможно.

А. П. Чехову, Морису Метерлинку, а вслед за ними и Жан-Люку Лагарсу удалось раскрыть потенциал слова в рамках драматургии как литературного жанра. Они доказали, что действие и интрига могут содержаться в слове как полноценном театральном актере. Чехов, Метерлинка и Лагарс сумели воспроизвести абсолютно новое понимание драматургии и ее предназначения не только в рамках литературы как искусства, но и в рамках аудиовизуального зеркала эпохи, которое без прекрас дает зрителю возможность услышать себя со стороны. Отказавшись от образной реалистичности, эти драматурги пришли к реалистичности языковой, которая есть ни что иное, как манера ведения дискурса, свойственная представителям одного социума в определенный момент его истории. Тот факт, что Лагарс смог не только оценить и понять, но перенять и модернизировать концепты своих бельгийского и русского предшественников, еще раз доказывает не только значимость их произведений, но и то, что спустя более ста лет трагическое в повседневности — это не пустой звук, но звук еще более злободневный и резонирующий со сцены. Чехова, Метерлинка и Лагарса можно назвать не только поэтами, но и антропологами, так как они полностью воссоздали языковую картину окружавшего их общества, а как известно, языковая картина мира — это результат развития общества с самых его истоков.

Список литературы:

1. Метерлинка М. Избранные произведения. – М.: Панорама, 1999. – 400 с.
2. Метерлинка М. Принцесса Мален. Пелеас и Мелисанда. – М.: АСТ, 2011. – 266 с.
3. Lagarce J.-L. *Journal (1990–1995)*. – Besançon: Les Solitaires intempestifs, 2008. – 572 p.
4. Lagarce J.-L. «Entretien de 1995» dans J.-P. Thibaudat, *Le Roman de Jean-Luc Lagarce*. – Besançon: Les Solitaires intempestifs, 2007. – 400 p. – P. 152.
5. Lagarce J.-L. *Théâtre complet (I)*. – Besançon: Les Solitaires intempestifs, 2011. – 285 p.
6. Lagarce, J.-L. *Théâtre complet (II)*. – Besançon: Les Solitaires intempestifs, 2000. – 268 p.

7. Lagarce J.-L. Théâtre complet (III). – Besançon: Les Solitaires intempestifs, 1999. – 319 p.
8. Lagarce J.-L. Théâtre complet (IV). – Besançon: Les Solitaires intempestifs, 2002. – 419 p.
9. Чехов А. П. – 21. Письма 1888–1889. – М., Наука, 1976. – № 384.
10. Вишневский А. Л. Клочки воспоминаний. – Л., «Academia», 1928.

*Kudryashova Darya Borisovna,
State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch,
Student of 4 course, the Faculty of History and Philology
E-mail: lacydasha@gmail.com*

*Pyatkin Sergei Nikolaevich,
Ph. D., professor of literature
E-mail: nikolas_pyat@mail.ru*

About one detail in the story of I. A. Bunin "In Paris"

Abstract: The article deals with the analysis of one detail (overcoat) in the story of I. A. Bunin "In Paris", which included in the cycle of stories of writer the "Dark avenues". The special value is given to semantic completeness of analyzing detail as a method of additional comprehension of the idea of the story. The characteristic features of detail "overcoat" are marked in the system of the represented world of work of I. A. Bunin.

Keywords: Bunin, story, detail, represented world, motive, symbol.

An art detail is the detail of a portrait marked out by the writer. It may be a landscape, a psychological characteristic of the hero or an interior. The purpose of it is to underline its special symbolism, its graphic or expressive meaning. The set of details of the description of the subject world and nature, reconstruction of the interior and the exterior character of people, helps us to imagine the objects, natural phenomena, the heroes — completely and from different sides. But the art detail has another function: it is capable to exchange some details at once. The art detail is unique in its function. It focalizes the reader's attention on the subject that the author wishes to mark out himself, on what he considers more significant and more important. As to the function of the detail, it can be psychological, symbolical, marking out, naturalistic, factual and impressionistic [2, 230–232].

I. Bunin, alongside with A. Chekhov is rightly considered one of the masters of an art detail in Russian literature. I. Bunin became one of the founders of a new kind of literary work — the story, the content of which is so deep and full, that it really can be compared to the content of a novel. Sometimes it seems, that I. Bunin, in detail, features out the setting surrounding of his heroes. It slows down the conflict in the story, but exactly this specific feature of Bunin attracts attention of the researchers and the readers.

Bunin's creative feature is the completeness of the details being reproduced, their autonomy in which the detail, sometimes, appears in such connections with

the plot which are unusual for realism. In literature of the XIX century the details of description had always characterized the scene of action, showed the image of the hero or made more exact the action scene. Bunin's details, on the contrary, not always obviously correspond to the general action pattern. "Coloring" and "sounding" epithets or adverbs («shining morning fumes above the sea», «enormous eyes», the approaching «blackness of the island», etc.) give the unusual «Bunin's coloring» to the objects, to the states and to the actions being depicted.

Bunin, mainly, used a symbolic detail. In his works it acts as a self-maintained artistic image. For example, in the story «Antonov apples» the smell of apples is a figure of the past, of memory. In the story «Sunstroke» the name of the main heroine — Maria Marievna is a figure of a dream, of a fairy tale, of something wonderful and treasured. Also in this story the author pays attention to one more detail, it's a hair pin — a figure of femininity, of beauty, of sublime and light feelings. The same female accessory we meet in the story «Cards». But here it acts as a figure of female dissoluteness, exemption from any moral prohibitions. But not all details are quite visible, and to detect them, we need to peer in the text closely.

In the story «In Paris» our attention is drawn to a small, casually mentioned detail of clothes — an overcoat. «In the passage, hanging on a peg, she saw his old summer overcoat, grey with a red lining» [1, 49–54].

Why does the author bring to a focus the overcoat in which the protagonist had never appeared in the story?

To start with, we shall find out, what an overcoat is.

From the beginning of reign of Alexander I an overcoat becomes one of the most necessary subjects of a soldier's clothes. It was worn almost all the time. In summer, put on over an underwear shirt, it became the basic subject of the daily, field, guard and marching uniform. In winter — having unbuttoned the strap, a soldier could put it on over all ammunition, and even (when the frost was strong) over a short fur coat. An overcoat was made out of rough not dyed cloth of various tones of grey-reddish color. Distinctive feature of the general's uniform were red bands on overcoats. The collar, the cuffs, the pockets, the strap, the coat breasts were trimmed with the bands. Besides, the tops of an overcoat were made of red cloth. Full uniform overcoat was made of steel color cloth [3, 74].

It becomes clear, that « summer overcoat, grey with a red lining» is a general's overcoat. It is not surprising, that the overcoat appears in the story, because our hero is a former general. We are informed about this fact in the narration.

«And, possibly, a general, — she said, smiling. — The former. Now I write historic essays of these wars ordered by different foreign publishing houses».

Color of a detail — «summer, grey overcoat with a red lining» — completely corresponds to the color of the existed overcoat. But, in our opinion, Bunin uses these colors not only to conform with a historic fact.

From the very beginning in the story «In Paris» two contrast plans are set: the gloom of the streets — light; inertness of life — love; spring — death.

The name of the story, apparently, gets us ready to see a solar, cheerful, city with small cozy streets along which loving couples are walking (in world culture there is an inconvertible myth about Paris as the city of love). But we meet «in wet Parisian evening in the late autumn» the protagonist — Nikolay Platonovich, the lonely retired general whose wife deserted him. He was going along «one of the dark side-streets near the Rue de Passy», then he saw a shop. «The shop was lit up and the light drew him from the dark street with its damp and greasy pavement. There he slowly arranged his grey hat and long coat on a projecting hanger, sat down at a table in the furthest corner». In all this the description there are grey, gloomy, boring colors which further characterize spatial images of the text: «On Monday evening it was raining, the heavy sky over Paris turned a hazy red». «At the entrance to the Metro Etoile he stopped the chauffeur, got out and stood on the pavement in the rain»; «He followed her into the half-dark interior, smelling of damp cloth». But the appearance of the main

heroine — Olga Aleksandrovna is described in another color: «Smartly and fashionably dressed, she looked him in the face with her black eyes-not a constrained look, as in the restaurant-she freely held out her hand, with an umbrella hanging over her arm, and with the other hand she smoothed the folds of her long dress». «Noticed her strong knees under the black dress, the glitter of her black eyes and the fullness of her red-tinted lips». Here the red color, as a symbol of changes, novelty, contrast appears. Further in the narration all these colors are called up more often: «Sitting again in the half-dark taxi looking at the windows streaked with rain, which now and then glistened like multicolored diamonds from the light of the street lamps among blood-colored or silvery advertisements, he again raised the corner of her glove and imprinted a prolonged kiss on her hand. She looked at him, her eyes staring strangely from under her coal-black eyelashes, and sadly, tenderly moved her face towards him her full lips had a sweet perfumed taste».

Since this moment we can observe prevalence of light, bright tones — they also concern the conventional “red” line of the narration: «They entered into *the lighted vestibule*»; «He managed to fit the key in the lock of his door before the electric light went out, and led her into the hall, and from there into the little dining-room, where only one bulb in the chandelier burned dimly». «Silently he led her into the bedroom, switched on for her the light in the bathroom, the door of which was open from the bedroom. There the little bulbs burned brightly; it was warm from the heating, while the rain pattered evenly on the roof». In the last phrase all state of the hero is expressed: he has found something new, despite of the barriers, and this new is happiness. Further the protagonist — Nikolay Platonovich dies, but the colors of the narration are not laid on thick because of this fact. «It was a mild spring day, spring clouds were floating over the soft Paris sky, everything spoke of a new and lasting life».

Thus, the color — grey and red are the dominating colors of this writing. Grey symbolizes the doomed, sad life, without bright spots, and red is the color of life, passion, love; it's like a bright outbreak in grey life.

But let's see the text. The first meeting of the protagonists — Nikolay Platonovich and Olga Aleksandrovna — happens in the late autumn. «One day-it was a wet evening in the late Paris autumn, he went to dine in a small Russian restaurant in one of the dark side-streets near the Rue de Passy».

It is possible to claim, that their love affair had begun since autumn came. On «the third evening» he invited her to the cinema, and she agreed.

«On the third evening he asked: "Are you fond of the cinema?"

She answered as she put down on the table the bowl with borsch: "Sometimes it's interesting".

After cinema they went to a restaurant. He leaned towards her. "Do you know? Let us go somewhere on Montparnasse; it's very boring here, and there's nothing to breathe". But they did not part after the restaurant. "Let us go to my flat", he said sadly. "We can sit and talk a little longer..." And "in a day, having left her work, she came to live with him"». A very small part of the story is devoted to the description of the further events. «One day during the winter he persuaded her to rent a safe...». It means, that in winter everything was all right with the main characters, if Nikolay Platonovich persuaded Olga Aleksandrovna, as a matter of fact, to accept all the money he had earned. But happiness of the protagonists did not last long. «On the third day after Easter he died in a carriage of the underground». So, they spent together the autumn, the winter and the spring. But there was no summer spent together. «When she, dressed in black, returned from the cemetery, it was a mild spring day, spring clouds were floating over the soft Paris sky, everything spoke of a new and lasting life-but for her it was all finished». After Nikolay Platonovich's death Olga Aleksandrovna was sorting the things and, having found his old overcoat began to sob. «She started to put the flat in order. In the passage, hanging on a peg, she saw his old summer overcoat, grey with a red lining. She took it down, pressed it to her face, and as she pressed it she sank down on the floor, her whole body convulsed by sobs, weeping, praying to someone for mercy».

Here the old overcoat is a figure of the unrealized dream, the lost hopes. The heroes loved each other, and this love had come to them suddenly, like "a sunstroke". It is typical for Bunin's heroes. Love in Bunin's image arises as an inexplicable and insuperable attraction, a sudden "outbreak" of feelings; it is similar to "a sunstroke". There are no boundaries and barriers for love — neither age, nor social, any others, but to maintain, to prolong attitudes in time is, sometimes, impossible, due to different reasons that can be either exterior circumstances or the interior ones. Sometimes the reasons are the immanent laws of love caused by its nature. Longing for love joins a couple — for an instant, while the lifetime inevitably parts it — sometimes forever. This fairy tale basically cannot have a real everyday life continuation, and it is good because of its omission.

But Nikolay Platonovich dies in spring when the full circle is not terminated. On the one hand, his death «on

the third day of Easter » is a good sign. As the first week after Easter is the Light week. During this week it is accepted to keep the holy gates of the temples wide opened, to symbolize the open gates to paradise [4, 264]. According to popular belief: everyone who will die in the Light week — by all means gets into paradise. So Nikolay Platonovich dies, as the martyr, getting on heavens. It is some kind of an award for all his pains: for the wars, he had passed; for his love for the woman who had betrayed him, for all his hard life.

But why he dies just in the brightest period of his life? Nikolay Platonovich dies not when he is disappointed in his destiny, but on the contrary: when he had found true love. He dies being joyful, happy, inspired by euphoria of love for a woman.

Their meeting with Olga Aleksandrovna did not happen accidentally «Yes, from year to year, day by day, you secretly wait for only one thing, — a happy love affair, you live only in the hope for this meeting — and all is vain...». Later Nikolay Platonovich realizes: «Yes, maybe, it is the so long-awaited happy meeting». And in fact, right at the beginning the coincidence of all the events proves not to be true: «In front of it stood something like a Delicatessen shop-he happened to stop in front of its broad window», «The shop was lit up and the light drew him from the dark street with its damp and greasy pavement».

Olga Aleksandrovna's first appearance in Nikolay Platonovich's life is marked by «the lighted corner». «Suddenly his corner lit up, and he saw approaching him a calm polite woman about thirty years old, with smooth black hair parted in the centre and with black eyes; she was wearing an embroidered white apron over her black dress». As in Russia a corner in the house is a place for icons, it is possible to guess, that Olga Aleksandrovna was to Nikolay Platonovich as something unearthly, divine, as a sign from above. Thus, it is possible to say, that the foresight helped to meet the protagonists, that Destiny did not bypassed them.

Summing up our observations, it is possible to draw a conclusion, that «an old grey overcoat on a red lining» on the one hand is a figure of hopes of Olga Aleksandrovna, the heroine of the story, that did not come true. It is a figure of unrealized dream of a happy life, about continuation of that maximum love which she had experienced. On the other hand, this detail is the symbol of all life of Nikolay Platonovich because his life in Paris, faraway from his Native land, was inertial and aimless up to his meeting with Olga Aleksandrovna who appeared in his life suddenly, and may be, she had always been with him, like the red lining of his grey overcoat.

References:

1. Bunin I.A. Collected Works: In 9 v., V. 7. – M.: fiction, 2006. – P. 49–54. The text of the story of Bunin «In Paris» is given under this edition; boundaries of quoted pieces in clause are not specified.
2. Introduction in literary criticism. The textbook for high schools., 2 ed./., corrected./under M. Krupchanova. – M.: Onyx, 2007.
3. Glinka V.M. Russian a military suit of the XVIII – the beginnings of XX century. An album. – L.: Artist Russia, 1988.
4. Shimanskiy G.I. Liturgics. Manual for theological seminaries. – M.: the Moscow spiritual academy, 2006.

*Matushkina Darya Dmitrievna,
State educational institution “Luhansk Center of Vocational
Education of the State Employment Service”, PhD student
E-mail: 24Dasha@gmail.com*

The typology of the city’s loci in the novel “The Abyss” by E. Pashkovskiy

Abstract: It is disclosed the content of such basic concepts of an urban literature as the “topos” and “locus”, an attempt to study the functioning of different types of loci of the city in the novel “The Abyss” by the Ukrainian writer E. Pashkovskiy. The author of the article, according to the classification of loci by V. Prokofieva, identifies artistic features of the imagination of three specific types: private, social and natural. Analysis of a topos and loci of the city in the novel proves that the city determines the mode of man’s existence, offers an opportunity to address issues of economic and social measures, provides the conditions for self-realization, but also creates a lot of problems.

Keywords: topos, locus, the city, the novel.

The problem of artistic space is one of the most discussed in the literature at the present stage of its development. There was always a constant phenomenon, referred to as researchers in different ways: as the eternal images, archetypes, stable motifs, topoi in Philology. The increased attention of linguists to the spatial images led to the emergence of different classifications and definitions. The basic concepts to denote space are “topos” and “locus” entered the Philology of philosophy and natural Sciences. The researchers used these terms in scientific text without specific semantization that, in turn, leads to their mixing and exchange.

The concept of art space began to form as a literary category since the end of nineteenth century, although it was used in ancient times. «The notion of “topos”, known since the time of Aristotle, and designated by him as the doctrine of “common places”, common reference points that serve for the presentation of topics ... » writes the academic V. Prokofieva in her work “The Category of space in the artistic relation: the loci and the topoi” [3, 89]. The search for theoretical definitions of the concepts of artistic space today we are required such literary scholars-researchers as: N. Antsiferov (“The Soul of St. Petersburg”), M. Bakhtin (“The Forms of time and chronotope in the novel”), A. Bulgakova (“Topics in the

literary process”), D. Likhachev (“The Poetics of artistic time. The poetics of artistic space”), Yu. Lotman (“About the art”, “About the problem of spatial semiotics. Writings on semiotic”), V. Toporov (“The Space and the text”) and others.

The notion of “topos” is used in literary criticism to indicate the places that can be nominated as a spatial phenomenon of the natural world (city, farm, village, a particular landscape — forest, steppe, desert, field, etc.) [4, 8]. Yu. Lotman examines the function of the term “locus” in his research about the semiotics of artistic space, in which is revealed the idea of the close relationship of the hero of the works with a specific place, the locus (“The Semiosphere”) [1, 4]. The researcher divides the space into an open and a closed. It allows the linguists to interpret the term “locus” as the limited space in the unlimited. In turn, the open unlimited space is referred to as topos. The topos of the city is the specific meaning given to the city, reflected in the text of a set of urban realities, certain and localized in the spatial and temporal framework. The subject-thematic nature of spatial localization of the urban’s topos determines the correlation identified in the work sphere of life of the city with the sphere of a particular subject (industrial, cultural, etc.), under the angle of which is formed a general

spatial picture of the city, in particular, the combination of the subject selected an urban's realities in the text. We can talk about the functioning of a number of loci because there are streets, houses and different buildings in every city. We addressed to the works of Ukrainian writer E. Pashkovskiy for consideration and study of the typology of loci of the city.

The writer's artistic creation in the context of literary process was explored by E. Baran («The novel "The holiday" by E. Pashkovskiy: ten years later»), N. Zborovskaya («The novels by E. Pashkovskiy (The progress of an art search)'), I. Ivanishin («A view of the modern prose through the E. Pashkovskiy's creativity'), S. Kvit («Eugene Pashkovskiy: the free Mason of Gothic tower'), A. Protsenko («Journey to the feast of hopelessness and loneliness (the problem of personality's spiritual deadening in the novel by E. Pashkovskiy "The Holiday)'), G. Sulima («The Zhytomyr prose school in the mirror of an ancient Ukrainian literature'), V. Shevchuk («Will be the comeback home? [Foreword to the publication of the novel "The Holiday]'). The aforementioned studies analyze the E. Pashkovskiy's prosaic legacy, in particular, the features of stream of consciousness. However, the problem of the loci of the city in the author's novels remained outside the field of scientists' view. The study of the typology of loci of the city in the novel "The Abyss" by E. Pashkovskiy is so relevant.

In accordance with this the aim of our study is to determine the specificity of the typology of loci of the city in the novel "The Abyss" by E. Pashkovskiy.

The goal involves the following objectives:

- theoretical determination of the concepts of "topos", "locus";
- analysis of the text of the novel to highlight the features of the functioning of a topos of the city and loci;
- identify the artistic features of an embodiment of the loci of the city in the novel "The Abyss";
- identify ways of further studies of the spatial categories of the city in the novels by E. Pashkovskiy.

The space in the novel "The Abyss" is provided by the Central topos Kiev. E. Pashkovskiy puts the readers in the autumn Kiev, which gives special smells, sounds, colors and rhythms. The smells from the streets are reflect the kind of an atmosphere "... the smell of sausage and vodka from secretly devastated and broken a quart of bottle by a loader..." [2], which are carry a negative connotation, as the perception of the city by the heroes of the novel. The variety of city sounds shows a constant movement

that is present everywhere: at the train station, streets, apartments, parks, etc.: "... the sweet sound of the motor of the device for candy floss, noise by machinists...", "... the sound of the whistle...", "... grandma were scraping the pan with a knife and rinse with warm water from the kettle..." [2], — all this is combined in the text to create a single full image of a real, genuine city.

In accordance with the classification provided by researcher V. Prokofieva [3], we distinguish the following loci in the novel "The Abyss":

- private (Dorm room, basement, "hata-pustka");
- social (station, market, mine, station);
- natural (forest, steppe, garden, river).

The first type of loci represents the domestic sphere of citizens, which is characterized by a chaos and carries the value of the gesture instead of word: "... in the room with inflatable toys... sad integrity glimmered at the ends of the steel spokes...", "... over the bedside table turned yellow lamp in the form of a Lotus, for electric fire has dried the insoles on the undone boots..." [2], — that is how the author describes the Dorm room, from which reeks the loneliness and sadness.

Following among the individual loci E. Pashkovskiy describes the basement, in which had to live for a time the main character: "... the curtains was stuck to the icy glass on the frost, there are crackled scattered coals under the heels and not weathered stench of the mattress on corners were interrupted by the smell of birch bark in hot tube...", "... there were spotty mattress, foam pillow from car cover laid on two bricks in the cellar, a photographic blushed on a wooden box under like a bunch of mountain ash lantern..." [2]. The writer depicts this place with sounds, smells, and the red color of blood, thereby revealing the emotional state of the main hero, who lives there for a long time.

One of the most meaningful loci is the "hata-pustka": «... there was visible a gray slate roof under the dry moss, "probably pustka"...» [2], — a place that symbolizes the emptiness in the soul of the hero.

The second type of loci are represented by places of public gathering and ongoing movement. The author still portrays it with smells, sounds and colors. The first is station: "The station with the tongue-less sounds on the extreme in the duty room of the post, with brown shadows on the grain bins behind the kiosk was resembled a crypt..." [2], then the Bazaar: "... there smelled a crushed tomatoes between the trays, a horse's then, ... leatherette seats... from the Bazaar..." [2], and finally the bus station: "... a motorcyclist... disappears in the amber fog on the bridge, ... a bus blind around the

bend a bent man with a portfolio under his arm on the bench ...” [2], — so, it emerges a picture of the usual way of being ordinary citizens.

The author portrays the last type of loci with such tricks as personification to enhance emotional impact on readers: the forest “... the forest loomed after the pasture, where the river was driving with the flow of knotty carcaci, pine needles’s bitter, broken off stems spell-potions from the girls’ hands ...” [2], the river “... the river wove the misty canvas out of time ...”, “... river falls asleep in

the stone, the greenish gorge from moss ...” [2] and the garden “... the garden rustled on the hill ...” [2].

Thus, we can state the fact that the author takes readers into the autumn Kiev, which is the personification of all citizens’ existence in exactly at this time of a year. This types of loci create a full image of the city, which not only determines the way of human existence, allows us to solve the problems of economic and social measures, provides the conditions for self-realization, but also creates a lot of problems.

References:

1. Lotman Y.M. *Semiosphera*./Y.M. Lotman. – SPb: Iskusstvo-SPB, 2000. – 704 s.
2. Pashkovskiy E. *Bezodnya* [Tekst]: romanu/E. Pashkovskiy. – L.: LA “Piramida”, 2005. – 268 s.
3. Prokofieva V. *Kategorija prostranstvo v hudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy*./V. Prokofieva//*Vestnik OGU*. – 2005. – № 11. – S. 87–95.
4. Solodar L. *Teoretichnuiy aspect kategoriyi “topos” v literaturoznavchiy recepcii*.//[Electronic resource]. – Available from: http://sconference.org/publ/nauchno_prakticheskie_konferencii/filologicheskie_nauki/teorija_literatury/11-1-0-847

Section 3. Philology

Varfolomeeva Yulia Nikolaevna,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Professional Education "East-Siberian State
University of Technology and Management",
Senior Lector of the Department of Advertising and Public Relations
E-mail: yulvar83@mail.ru

Verbal predicates with space semantics in the descriptive text

*This work was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation
(Project "Modeling of the text: lexical structure of a descriptive text" No. 15-04-00305).*

Abstract: The main idea of the article is to analyze semantic types of verb predicates in the texts of "description". General meaning connected all verb predicates of descriptive texts is the meaning of existence that can variously be specified by meaning of a way of existence. The work accentuates 11 groups of non-actional verbal predicates diversely representing spatial relationships in the description. In addition to non-actional there are also considered actional predicates performing characterizing function in a descriptive text.

Keywords: text of "description", verbal predicate, lexical-semantic group, structural-semantic model, space semantics.

A descriptive text represented as "a model of monologic message in terms of a listing of simultaneous or permanent features of an object in the broadest sense, and having for this reason some meaningful structure" [3, 94] defines the peculiarities of functioning of verbal predicates. Structural-semantic description of the model reproduces the objects that fill the space described, and the parameters of their spatial location. The basis of this model is the actantial kernel (for example, *stands in the room, located at the table, occupies the bench, the bed, etc.*) [5, 10]. This logical-semantic component is a "variable" value that exists on the basis of "a constant", expressing the predicate with the value of being [5, 10].

Invariant meaning of predicates of descriptive texts is represented by the meaning of existence, which is able to be updated through the values of the mode of existence. According to N. D. Arutyunova, E. N. Shiryaev, verbs, transmitting pure beingness, are *to be, to exist, to occur, to stand* [1, 56].

This paper presents a semantic classification of verbal predicates, which takes into account first and foremost the universal opposition of actional and non-actional predicates.

Verbal predicates in the descriptive text may have different values. So the predicate "to lay" may indicate occupancy or direction in space: *the ice lays* (located) *on the*

surface (the predicate of accommodation in the space), *the road lays* (has a direction to) *to the north* (the direction of the predicate in the space). Thus, depending on lexical-semantic variant implemented in the context the same verb can belong to different lexical-semantic groups (LSGs). It should be noted that division into LSGs is rather arbitrary, carried out on the basis of empirical observations of more than 1,000 verbal predicates selected from 620 descriptive texts of scientific and artistic styles.

The analyzed material has shown that the individual lexical meanings of verbal predicates expressing spatial parameters compose 11 major lexical-semantic groups.

1. The first group includes the predicates with the meaning of **location in the space**: *things are placed into the wardrobe, the village is in the valley, etc.*

2. The following LSG consists of predicates with **localizing meaning**: *the chair stands against the wall, the carpet lies on the floor etc.*

3. The description contains functioning predicates with **semantic components of a form of a subject**: *the birch trunk goes round, the forests are slouched, etc.*

4. The description has a propensity for peculiar predicates **delineating the boundaries of space**: *Fields embound, divide the village etc.*

5. In the descriptive text forms with the semantics of the **coverage of the subject** (in the broad sense) from

different sides, one dive to another, are productive: *the stems cover the trunk, they are studded with flowers etc.*

6. When building a descriptive text the units are used, which indicate the **spatial relationship of objects**, the orientation of the object relative to the other: *buildings side with the village, nest at the village etc.*

7. The seventh group includes predicates with the meaning of **filling the space**: *the bedroom is filled with furniture, the room is occupied by various things, etc.*

8. The next group consists of the predicates that characterize **the flat surface** of the object: *the walls are covered with inscriptions, the floor is covered with dust, etc.*

9. The descriptive text may contain verbal predicates, indicating the **direction in space**: *the road lies to the north, goes down to the valley, etc.*

10. Predicates describing **the position of objects in space** are productive: *the lake spreads for hundreds of meters, stalks are towering, etc.*

11. The most voluminous group consists of predicates of **outstanding in the space based on the light/colour characteristics**: *snow glistens, the flowers white etc.* [1].

Different groups of predicates are presented in a literary text:

A ridge of bald peaks chiselled by winds moved far away in the steppe; at their foot freely, without any order stood short, black with age, with dilapidated roofs houses of the ulus, behind them, huge, compared to houses, buildings shone on the hill with their windows (I. Kalashnikov. The impatience).

Based on the analysis of descriptive texts (more than 400), selected from the works of fiction, there was made a study of frequency of use of verbal predicates of the LSGs discussed earlier.

Having taken all of the predicate verb usage with some way of being in the space used in 400 descriptive texts as 100% (more than 750 predicates) one can determine as a percentage the productivity of the listed LSG verbal predicates in the construction of descriptive texts. The most commonly used are verb predicates with the meaning of outstanding in the space based on the light/colour characteristics (11th LSG). Words of this group make up 26.4% of the total composition of verbal predicates with spatial seme; verbal predicates with the meaning of position in space — 14% (LSG); localizing meaning — 9.2% (2nd LSG); with the value of allocation — 8.8% (first LSG); verbal vocabulary, describing the flat surface of the object, — 7.5% (8th LSG); predicates with semantic component of a form — 7.3% (3rd LSG); with the meaning of the direction — 6.9% (9th LSG); predicates delineating the boundaries of space — 5.3% (4th LSG); the semantics

of coverage of the subject (in the broad sense) from different sides, one dives to another — 5% (5th LSG); predicates indicating the spatial relationship of objects, orientation of one object relative to another — 4.9% (second LSG); meaning of filling the space — 4.8% (7th LSG).

It is important to note that for the artistic description the choice of various ways of representing reality depends on the intent of the author. This is also true for the choice of touch sensations at the depiction of artistic images. Study of functioning of verbal predicates, quantitative analysis of the use of the identified groups of semantic predicates is important to study the writer's individual style, it helps to reveal certain preferences in the author's depiction of touch sensations.

In the scientific description selected LSGs of verbal predicates function, but with some peculiarities. The empirical base of the study is composed of descriptive texts (more than 210) from various scientific fields: astronomy, history, archaeology, art history, entomology, zoology, heraldry, chemistry, geology, geography, cosmodynamics, art. The following are LSGs and their composition.

1. Predicates with a meaning of **location in the space**: *the eyes are placed, are located, are located on the head; the ice lies on the surface; the terrace lies in the area etc.*

2. Group of verbal predicates with semantic components of a **subject form** is filled with predicates consisting of a construction (Zolotov, 1982, 158) verb and the name: *form a hump (are humping), form a row, rays, crown, the bars, etc.; have a circular shape (round); It looks like a semicircle, etc.* In the artistic description this group includes expressive and/or occasional units, such as *to round, to stoop, to ridge, go shaggy, to become like a hillside etc.* In the texts of scientific style no similar units were found. In the scientific style functioning of predicates of this group having a neutral stylistic colouring (*to ring*) in parallel with compound predicates (*to form a ring*), of a bookish nature is possible.

3. Verbal predicates of **characteristics of boundaries of the space**: *the zone is divided into subzones; the river limits, divides; Milky Way encircles the sky; forehead is delimited from clypeus, etc.*

4. Predicates with semantics of **coverage of a subject** (in the broad sense): *the grid is inserted, welded into a bowl; half of the Earth is shrouded in clouds etc.*

5. Predicates indicating **the spatial relationship of objects**, the orientation of one object relative to another: *the skull articulates with the vertebra; the line connects the star clusters; the head is fused to the segment of the breast, etc.*

6. Predicates with the meaning of **filling up** the space: *The zone occupies the area; craters are loaded, filled with earth, etc.*

7. Predicates characterizing **the flat surface** of an object: *the surface is forested, swamped; fish is covered with scales; terrace is covered with sand layer etc.*

8. Verbal predicates indicating **the direction in space**: *the channels lead to chambers, the line goes off to the right, etc.*

9. Predicates of **position of objects in space**, which can have:

- **horizontal** projection: *banks are scattered over the surface; the constellation spreads, sprawls etc.;*
- **vertical** projection: *the mountains tower, rise, etc.;*
- **horizontal or vertical** position of the object, which is specified by the context: *a chain stretches to a few centimetres left/is pulled up etc.*

10. Predicates with the meaning of **outstanding in the space based on the light/colour characteristics**: *constellations are visible, distinguishable; the flow is coloured etc.*

To this group we include predicates associated with the meaning of incomplete accessibility of something for visual perception: *to escape, to appear, to shine* etc. For example, *the stars are hidden by veil of clouds, the outlines show through, shine through etc.*

The predicates of this LSG in scientific style are often presented by analytical units: *to have a specific colour, emit radiance* etc.

Predicates of **localizing** meaning *to stand, to lie down* etc. (*The table stands in the room, the carpet lies on the floor*) are not productive in the descriptive texts of scientific style, since they express the properties of objects that appear at the moment, while for the scientific speech the generalization is attributable.

A scientific text represents different groups of predicates:

From the rear tentorial pits two powerful horizontal beams extend, which are directed to the midline of the head and go forward a little, and they are merged together there. On the front of the head in the epistomal seam there are similar frontal tentorial pits. They are somewhat weaker than the rear; from them frontal hands of the tentorium go obliquely backward, which, when merging their ends with each other and with the rear ends of the arms, form a distinctive cross horizontally obstructing the lower part of the head capsule (B. N. Shvanvich. The course of general entomology).

Having taken all of the predicate verb usage with some way of being in the space as 100% (more

than 300 predicates) was determined as a percentage the frequency of these LSGs of verbal predicates in the construction of scientific descriptive texts. The most commonly used verb predicates with a meaning of allocation — 28.3% (first LSG) and verbal predicates with the value of the position in space — 14.5% (10th LSG). Predicates delineating the boundaries of space (4th LSG), make up 10.9% of word usage of the total composition of verbal predicates with spatial seme; verb predicates indicate the spatial relationship of objects, the orientation of one object relative to another, — 10.5% (6th LSG); characterizing the flat surface of the object — 8.7% (8th LSG); outstanding in the space based on the light/colour characteristics (11th LSG) — 7.6%; with the meaning of direction — 6.9% (9th LSG); with semantics of filling the space — 6.5% (7th LSG); predicates with semantic component of form (analytical method of expression) make 5.1% (3rd LSG); group of predicates with the semantics of coverage of the subject from different angles, one dives into another — 1% (5th LSG); no predicates with localizing meaning (2nd LSG) in the texts of the scientific description were found.

Verbal predicates with actional meaning used to build the descriptive texts are also able to characterize the space, as “characterization of the location can be attributed to the action that is done by the subject being in a certain place: *He reads in his room*” [4, 19–20]. This is true for different groups of actional predicates that can express specific physical, speech or intersubjective action, a motion.

The researchers noted that, if the subject makes a motion, without going beyond a certain space, he occupies same place with reference to his localization, and this process should be considered as the location: *A man walks through the garden* [4, 8]. Such limits of the observed space are verbalized in the descriptive text, so actional predicates are perceived in characterizing function: the meaning of state is imposed on the meaning of action: the acting or moving object appears as a kind of a point characterizing the material nature of the described area. The movement somewhat shuts itself up in the described area and is perceived as a state, because an action, advance of the object, its tending to the final destination is not important for descriptive text.

Using actional predicates in a characterizing function is contained in artistic and scientific description:

(Having entered the room, I hid in a crowd of men and began making my observations). Grushnitski stood beside the princess and was saying something with a great spunk;

She *listened* absently, *looked* around having attached the fan to her lips (Lermontov. A hero of Our Time).

In this diagram protostars are located to the right from the main sequence, as their temperature is still lower than that of the finished star of such a mass and the corresponding

luminance. The star *moves* horizontally to the left according to the chart S-C (B.A. Vorontsov-Velyaminov. Astronomy).

Thus, verbal predicates of non-actional and actional semantics, functioning in the descriptive text are able to characterize the space diversely.

References:

1. Nechaeva O.A. Functional-semantic types of speech (description, narration, reasoning): diss. of Doctor of Philological Sciences. – Moscow, 1975. – 394 p.
2. Khamaganova V.M. Typology and alignment of actantial kernel of a descriptive text (as exemplified by interdescription, and landscape-description) // Siberian Journal of Philology. – Novosibirsk: Publishing House of the Novosibirsk State University, 2006. – № 3. – P. 87–94.
3. Khamaganova V.M. Structural and semantic properties of stating texts: the extension and intension of their semantics // Research on semantics. Interuniversity scientific collection. Edition 25. – Ufa: PPC BSU, 2013. – P. 305–311.
4. Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, systematized on classes of words and meanings. V.1 / RAS. Inst. of Rus. Language; Edited by N. Yu. Shvedova. – M.: Azbukovnik, 1998. – XXV c. – 800 p.

*Ibrayeva Damira Asanbekovna,
Research associate of Institute of language
and literatures named after Ch. Aitmatov,
National academy of science of Kyrgyz Republic,
Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: damiraibraeva86@mail.ru*

Ellipsis phenomenon statistics

Abstract: The problems in linguistics, namely an ellipsis role in the sentence are considered in this article. The ellipsis phenomenon in linguistics is a self-sufficient predicational unity which, despite structural incompleteness and external difference, possesses semantic completeness, language full value and is actively used in the speech.

Keywords: an ellipsis, structural norm, structural specifics, construction with construction, communicative, syntactic norm, the syntactic theory, the language ellipsis, the semantic ellipsis, the grammatical ellipsis.

*Ибраева Дамира Асанбековна,
научный сотрудник Института языка
и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР,
Бишкек, Кыргызстан
E-mail: damiraibraeva86@mail.ru*

Статистика явления эллипсиса

Аннотация: В этой статье рассматриваются проблемы в языкознании, а именно роль эллипсиса в предложении. Явление эллипсиса в языкознании — это самодостаточное сказуемое единство, которое, несмотря на структурную неполноту и внешнее отличие, обладает семантической полнотой, языковой полноценностью и активно используется в речи.

Ключевые слова: эллипсис, структурная норма, структурная специфика, конструкция с конструкциями, коммуникативность, синтаксическая норма, синтаксическая теория, языковой эллипсис, смысловой эллипсис, грамматический эллипсис.

В языкознании в решении проблемы неполного предложения велика роль эллипсиса. Объяснение этой категории состоит в решении основного во-

проса синтаксической теории. Несмотря на то, что неполному предложению посвящена многочисленная научная литература, в настоящее время все еще

не проведена четкая граница между полным и неполным предложением.

А. А. Шахматов одним из первых показал, что односоставное предложение в русском языке является отдельным типом предложений, доказал их равноправность в рамках соответствующей синтаксической нормы с двухсоставными предложениями и рассматривал личностные, безличностные, номинативные предложения среди односоставных предложений [5]. Предложение реализуется с учетом требования формальной полноты словосочетания в составе предложения, потому что, по мнению ученого, структурно полным считается лишь предложение с полным по составу словосочетанием, и полнота предложения базируется на требовании формального постоянства входящих в его состав словосочетаний.

Явление эллипсиса не рассматривается как недостаток, потому что в данном случае имеет место структурная норма и сравнение таких конструкций с конструкциями полными является лишь условием, необходимым для понимания их структурной специфики. Такое строение вполне типично и при восстановлении того или иного члена предложения, не являющегося необходимым, в коммуникативных целях,

считается достаточно полным.

Л. В. Михайлова выделяет следующие виды эллипсиса: языковой, смысловой и грамматический. Грамматический эллипсис в рамках предложения определяется по формально грамматическому и грамматическому критерию [4]. К такому виду эллипсиса исследователь относит опущение повторяющихся слов в предложении. Например, *Карындашыма алма берди, а иниме (алма) берген жок. Моей сестренке дали яблоко, а моему брату не дали (яблоко).*

Как известно, характерным для явления эллипсиса является выпадение из структуры предложения сказуемого. Нельзя не согласиться со следующей мыслью, высказанной З. И. Будаговой: «цель элиминации сказуемого в рассматриваемых предложениях заключается в том, чтобы сосредоточить внимание на второстепенных членах» [1]. Продолжая свою мысль, исследователь пишет: «В эллиптических неполных предложениях с опущенным сказуемым восстановленный член, не влияя на экспрессивно-смысловую структуру предложения, делает при этом предложение “рыхлым”, лишает его образности, лаконичности, ибо элиминация сказуемого является нормой для этих конструкций» [1].

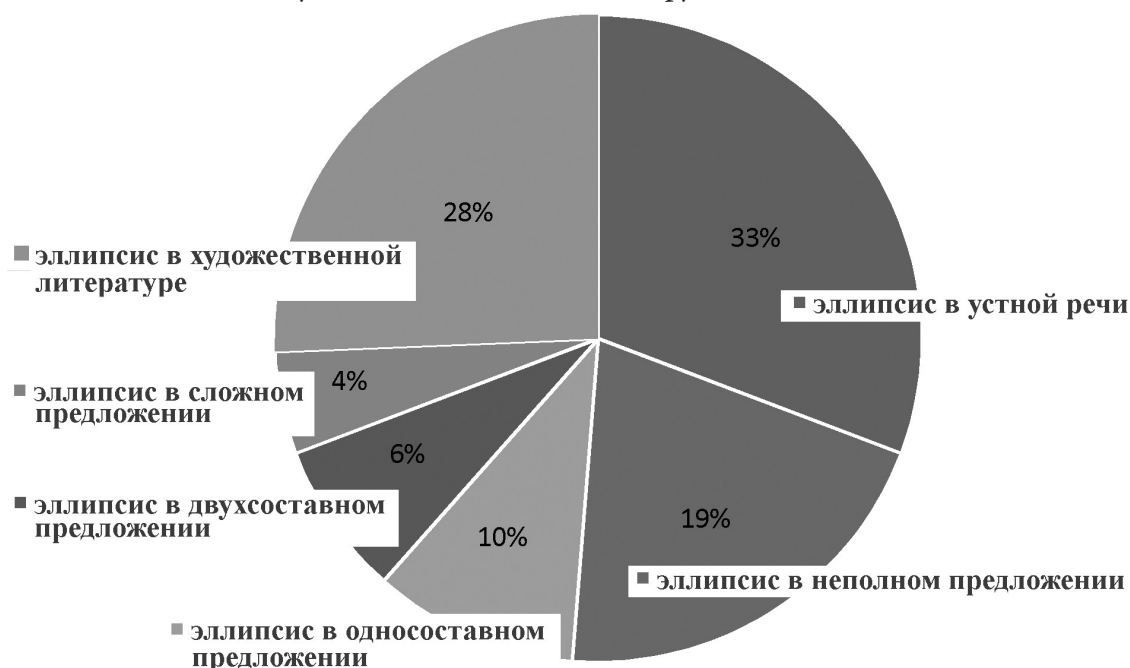

Рис. 1. Статистика явления эллипсиса

Доля эллипсиса в устной речи составляет 33% (рис. 1), что обусловлено стилистическими особенностями устной речи, тенденцией свободного отражения и стремлением к «экономии» слов, широким использованием разных типов слов и подвижностью языковых единиц. Хотим отметить, что это — показатель выше среднего. Невозможность обдумывания

фразы до того, как произнести ее (устная речь отличается от письменной своей неподготовленностью), не дает возможности широкого употребления распространенных и сложных предложений, к тому же, восприятие предложений усложненной структуры весьма затруднительно. Отсюда неоднократно повторяющиеся элементы становятся ненужными, лишними

в речевом акте, поскольку значение оказывается понятным и без них. По этой причине в устной речи часто используются неполные и эллиптические предложения. При чтении для понимания длинного предложения его порой приходится перечитывать несколько раз. В устной речи же такой возможности нет. Поэтому основной особенностью предложения считается полная реализация (*законченность*) мысли, находящей свое воплощение посредством всех других функциональных оборотов и сочетаний [2].

Эллипсис выступает важным явлением и в **произведениях художественной литературы**, где его доля также велика: наш анализ показал, что она составляет **28 %**. Эллиптические конструкции широко используются в художественных текстах и исполняет там две основные функции: 1) функцию краткой и точной передачи речи и 2) функцию «придания живости описанию». Эллипсис показывает быструю смену событий и выражает обострение хода описания динамики. Эллиптические конструкции произносятся с восклицательной, иногда повествовательной и вопросительной интонацией. Например: *Аны эдин баары билет эмеси. Мына эми жазам деп журуп... — Это же знают все. Вот только решился написать... Жалгызым... кызым... сен кантесиң? Келчи мага! — «Единственная моя... доченька... как же ты? Иди ко мне!»*. Явление эллипсиса, кроме показанных выше условий и причин, используется также в целях ускорения речи, экономии языковых средств, придания предложению эмоциональной, экспрессивной (*художественной*) окраски и т.д.

В **сложном предложении** эллипсис ведет себя иначе. Здесь основные признаки синтаксиса речи реализуются, в первую очередь, в сфере синтаксической связи слов, в сказуемых конструкциях. Как показал статистический анализ, эллипсис встречается в сложных предложениях довольно редко, лишь в **6 %** случаев. Важные связи между словами и сказуемые конструкции образуются на лексико-семантической основе одного из членов пары. Условия возникновения эллипсиса в сложном предложении определяются взаимодействием структуры сложного предложения и его части, структурными, смысловыми и функциональными отношениями между входящими в него двумя или более подчиненными предложениями. Например, значение предложения *Сейилдөөгө барбай койду, анткени ысык болчу* — «Он не пошел гулять, потому что было жарко» не сводится к сумме значений простых предложений *Сейилдөөгө барбай койду* — «Он не пошел гулять» и *Ысык болчу* — «Было жарко».

Здесь есть дополнительная информация (*он испугался жары*). Наличие дополнительной информации также помогает нам объяснить логическую ситуацию [3].

Следует особо отметить, что в этом смысле условия использования эллипсиса в сложном предложении практически ничем не отличаются от его использования в простом предложении. И в том, и в другом случае эллипсис первоначально сформировавшись в устной речи, уже затем переходит в ее письменный стиль. То, что данный факт полностью доказывается в ситуации коммуникативного акта, ясно видно из приведенных выше примеров.

Рассмотрим **односоставное предложение**. Здесь эллипсис составляет **14 %**. Преимущество эллипсиса перед односоставным предложением заключается в сокращении структуры предложения. Хотя опущенное глагольное средство явно видно из общего содержания предложения или контекстной ситуации и чувствуется возможность его восстановления, тем не менее внутреннее содержание эллипсиса, его структурно-семантические особенности не позволяют его добавить и восстановить. В роли сказуемого в условиях эллипсиса выступают слова, находящиеся в соответствующих синтаксико-семантических отношениях и имеющие окончания направительного, винительного и родительного падежа, а эллиптические конструкции, построенные посредством стоящего в конце предложения прямого дополнения, оказываются схожи с односоставными предложениями. Например, *Жаңы жылыңыздар менен! (куттуктайбыз) — (Поздравляем) С Новым годом! Или же: Кыргызстандын айыл-чарбасын өнүктүрүүдө зор салымын кошуп жаткан дыйкандарга чоң рахмат! (ыраазычылыгыбызды айтабыз) — (Мы говорим) Большое спасибо земледельцам, вносящим свой огромный вклад в развитие сельского хозяйства Кыргызстана!*

Следовательно, несмотря на то, что эллипсис, с одной стороны, формально близок к двусоставным предложениям, с другой — к односоставным предложениям, при его восстановлении понижается уровень экспрессивности, а цель высказываемой мысли терять свою ясность. Поэтому эллипсис необходимо рассматривать как особое синтаксическое явление, отдельный вид синтаксической конструкции.

Перейдем к **двусоставному предложению**. В языкознании изучение односоставных предложений началось позднее, чем изучение предложений двусоставных. Дело в том, что теоретические положения относительно общего содержания, функции

предложения складывались в течение долгого времени. Особенно ясно это видно на примере логического направления исследований, не делающего различий между предложением и мышлением. Эллипсис в двусоставных предложениях составил 9%. Об отношении эллипсиса к двусоставным предложениям по сей день ничего не говорилось. В литературе по синтаксису рассмотрение эллипсиса только в соотношении с неполными предложениями ведет к односторонним разногласиям.

Как отмечали А. Жапаров и А. Иманов, мысль о «сокращенном сказуемом» не находит подтверждения, потому что «сокращенный» элемент в зависимости от особенностей конструкции восстанавливается в результате «функционирования» другого элемента в рамках той же конструкции, что резко отличает подобные синтаксические построения от односоставных предложений и доказывает их близость

в структурно-семантическом плане к предложениям двусоставным. Например, *Эт этке, сорпо бетке* (макал). — «*Мясо к мясу, бульон к лицу*» (поговорка). *Эгин мамлекетке* — *Зерно государству*.

Поскольку полноценное участие главных членов предложения является основным грамматическим признаком простого двусоставного предложения, то, в аспекте традиционного синтаксиса, структурная близость эллипсиса, где также наличествуют все главные члены предложения, не вызывает никаких споров. Что же касается вопроса об его возникновении, он решается на коммуникативно-экспрессивном уровне.

В заключение можно сказать следующее: явление эллипсиса — это самодостаточное сказуемое единство, которое, несмотря на структурную неполноту и внешнее отличие, обладает семантической полнотой, языковой полноценностью и активно используется в речи.

Список литературы:

1. Будагова З.И. Эллиптические предложения в современном азербайджанском языке. // Советская тюркология, 1972. – С. 10–17.
2. Жапаров А. Кыргыз тилинин синтаксиси. – Фрунзе, 1979. – С. 56–57.
3. Иманов А. Кыргыз тилинин эки составдуу жөнөкөй сүйлөмдөрдөгү сөздөрдүн орун тартиби. – Фрунзе, 1976.
4. Михайлова Л.В. Эллипсис как один из приемов структурно-семантического преобразование. – М., 1987.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Москва, 1941. – С. 55–56.

*Kaharova Iroda Sidikovna,
Senior scientific researcher of Bukhara State University
E-mail: iroda.kaharova@mail.ru*

Description and analysis negative sentences

Abstract: In this article we analyze negative emotional sentences in the novel “The Moon and Sixpence” by Somerset Maugham.

Keywords: emotional sentences, feeling, indignation, swearing, threats, curses, indifference, anger, resentment, despair, contempt, anger.

*Кахарова Ирода Сидиковна,
Научный исследователь-соискатель в Бухарском Государственном Университете
E-mail: iroda.kaharova@mail.ru*

Характеристика и анализ отрицательных эмоций

Аннотация: В этой статье мы анализируем отрицательные эмоциональные фразы в романе «Луна и грош» Сомерсета Моэма.

Ключевые слова: эмоциональные предложения, чувство, возмущения, ругательства, угрозы, проклятия, безразличие, злость, недовольство, отчаяние, презрение, раздражение.

Эмоции и чувства — личностные образования. Они характеризуют человека социально-психологически. Подчеркивая собственно личностное значение эмоциональных процессов, В.К. Вилюнас пишет:

“Эмоциональное событие может вызвать формирование новых эмоциональных отношений к различным обстоятельствам. Предметом любви – ненависти становится все, что познается субъектом как причина удовольствия – неудовольствия” [1, 55].

Негативные эмоциональные реакции как оценки во многом зависят от мировоззрения, самооценки человека, от отношения к нему окружающих. Отрицательная оценка предполагает наличие у объекта каких-либо недостатков и, более того, подразумевает преобладание их общего «веса» над «весом» положительных его свойств. Как правило, она сокращает количество неудовлетворенных требований и более неоднозначна, чем положительная оценка, требуя конкретизации на уровне контекста особенно тщательно. Негативные психологические реакции, как и позитивные, могут сопровождаться фактами, процессами и возникают обычно при включении в конкретную ситуацию: “What a stupid idea is it! How terrible!”.

Каждый из описанных видов эмоций внутри себя имеет подвиды, а они, в свою очередь, могут оцениваться по разным параметрам: например, по интенсивности, продолжительности, глубине, осознанности, происхождению, условиям возникновения и исчезновения, воздействию на организм, динамике развития, направленности (на себя, на других, на мир, на прошлое, настоящее или будущее), по способу их выражения во внешнем поведении (экспрессии) и по нейрофизиологической основе [4, 120].

Следует отметить, что ценности речевого эмоционального общения, отражающего негативность языка в действии, идентичны ценностям речевого общения позитивной направленности.

Отрицательные эмоция — это свойство организма мгновенно реагировать изменением структуры и функций на различные сдвиги внешней или внутренней среды. Главной функцией этого вида эмоций психологи считают мобилизацию энергии для действия нападения. В художественном тексте эта функция отражена, как правило, на фоне конфликтной речи. Чаще всего – это «неправильный» диалог, характеризующийся монополизмом темы раздраженного человека, нежелающего выслушать доводы оппонента. Негативные выходы раздражения реализуются в речи через осуждения, возмущения, ругательства, угрозы, проклятия, а в поступках – это необдуманные и пагубные действия и для раздраженного индивида, и для окружающих его людей.

«Язык эмоции» частично представляют выражения типа *to flash with anger, he saw stars, he became white as a sheet*. В ходе исследования установлены

особенности языкового выражения чувства: раздражение трудно передать какой-то одной частью речи, так как в большинстве случаев оно представлено словосочетаниями типа *bent brows, gleam of anger, he glared at her compellingly etc*. Поскольку здесь представлены различные части речи, неотделимые друг от друга, следует рассматривать их как единое целое.

Неотъемлемой составной презентации эмоции является отрицательная самооценка персонажа как разновидность узальной — эмоциональной конструкции и ее коммуникативной структуры (*Fool that I was, wretch that I was, What a brute I was*).

Прямое называние не типично для отрицательных эмоций. Яркому эмоционально-экспрессивному отражению действительности способствуют различные параллельные конструкции или повторы. Именно повторы способны передать всю полемическую страстность, высокое аффективное состояние, эфатическую приподнятость чувства. Повторяться могут элементы высказывания, наиболее значимые для героя и важные для автора.

В большинстве случаев отрицательные эмоции передаются через речь персонажей при использовании различных специальных средств. Вся подоплека ссор и укоров порой понятна лишь читателю, знающему скрытые мотивы недоброжелательных отношений героев друг с другом. Тогда возникает необходимость привлечения неречевого контекста. При анализе эмоционально интенсивных речевых актов — поддержание связи между прямым проявлением и косвенным смыслом — важное условие исследования. Языковая система находится здесь в тесном союзе с контекстом.

Контекст является базой и для интерпретации эмоции посредством процентного соотношения. Полное понимание специфики высказывания возможно лишь при анализе отношений языковых знаковых элементов на семантическом уровне и в грамматическом плане на уровне целых предложений. Невербальные средства имеют полномочия выделять отрицательные эмоции самостоятельно. Однако чаще всего они функционируют в комбинации с языковыми средствами. Полная эмотивная информация при этом складывается из сочетания двух систем: лингво-семиотической и мимических знаков.

За эмоциональным явлением признается способность оценивать ситуацию. Определение отрицательного связано с психофизическим взаимодействием человека и мира, которое находит свое выражение, прежде всего в оценочных высказываниях, связанных с коммуникативной целью и эмоциональной сферой

говорящего. Негативная оценка предназначена для воздействия на адресата, цель которого — вызвать у последнего определенное психологическое состояние, отрицательную эмоциональную реакцию, то есть отразить не собственно семантический, а прагматический аспект знаковой ситуации. Именно эта концепция оценочного значения, известная как теория эмотивной, имеет важное значение для настоящего исследования. Эмоция при этом рассматривается как ситуационно-обусловленный психологический феномен, не допускающий своего изъятия из породившей его конкретной ситуации.

В плане оценки особого внимания заслуживает речевое общение, на уровне которого происходит выделения эмоции в художественном тексте. В процессе речевого общения оцениваются: партнер по речевой коммуникации, окружающие предметы, входящие в понятие речевой ситуации, явления природы, способствующие раскрытию внутреннего мира героя, и самооценки персонажа. В результате формируется отрицательное отношение к оцениваемому факту как удовлетворение собой или принятие окружающего.

Среди многообразия отрицательных состояний базовыми являются эмоции: «безразличие», «злость», «недовольство», «отчаяние», «презрение» и «раздражение».

Функции данных отрицательных эмоций состоят в том, что они являются эмотивными основами для установления социальных контактов и помогают устранить накопившиеся отрицательные эмоции. Структура возникновения и развития эмоции прослежена на уровне взаимодействия и функционирования основных систем, заключающих в себя восприятие, ощущение на физическом уровне, моторику как проявление неподконтрольных субъекту физиологических реакций его тела, возникновение некоторых желаний и, наконец, контролируемых субъектом эмоций, выраженных в моторной активности или речевой деятельности.

Формирование и раскрытие любого психологического феномена следует искать в сфере межличностного взаимодействия. При изучении эмоций это положение встает с особой наглядностью на фоне художественного текста. Одним из факторов, определяющих структуру и состав толкования эмоции, является чисто языковой фактор.

Важно отметить не только ситуативную обусловленность, но и индивидуальность процесса выделения эмоций. Отсюда вытекает его зависимость от различных факторов: от видения автором своего героя, его психологической сущности, от характера

и настроения автора, личностного восприятия читателем художественной действительности.

Исследование выделения отрицательных эмоций показало у автора Сомерсет Моэм «Луна и грош» было обнаружено романа являются шесть видов отрицательных эмоций: «безразличие», «злость», «недовольство», «отчаяние», «презрение» и «раздражение».

Среди многообразия отрицательных состояний одним из основных, безусловно, является эмоция «недовольство». Функция эмоции «недовольство», состоит в том, что она является эмотивной основой для налаживания социальных контактов, помогает устранить накопившиеся отрицательные эмоции, помогает объекту дать понять собеседнику о своих желаниях, служит средством представления негативного отношения к какому-либо персонажу или ситуации и эмоционально отрицательного состояния субъекта.

“Hang it all, one can't leave a woman without a bob” [2, 46]. На русском переводе “Черт подери, но нельзя же оставлять женщину без гроша” [3, 46].

В данном случае рассказчик романа пытается передать свое недовольство главной героиней Стрикленд бросил свою семью без гроша. Здесь мы видим, что в качестве контекста было использовано описание ситуации, которое помогает раскрыть причину плохого настроения образ романа, а также ее пожелания.

Следовательно, цель контекста — вызвать у читателя определенное психологическое состояние, отрицательное эмоциональное отношение к ситуации или герою, т. е. отразить не собственно семантический, а прагматический аспект знаковой ситуации. Эмоция при этом рассматривается как ситуативно обусловленный психологический феномен, не допускающий своего изъятия из породившей его конкретной ситуации.

При поведении сравнительного анализа английского варианта и его перевода на русском языке обнаружен лексический примеры;

“What do you mean?” cried Mrs. Strickland, with the utmost astonishment [2] — Что вы хотите этим сказать? — вне себя от удивления крикнула миссис Стрикленд [2, 63]. “He must be as mad as a hatter,” exclaimed the Colonel [2, 63] — “Он окончательно рехнулся!” — воскликнул полковник [2, 63]. В данном случае можно наблюдать совпадение лексических единиц “to cry with utmost astonishment” — вскрикнуть от удивления всех сил; “to exclaim” — “воскликнуть, воскликнуть”, тем самым автор показал читателю, что полковник и мисс Стрикленд не верили слова рассказчика. Он сказал Стрикленд не живет в роскошный отель, и он хочет заниматься живопись.

Проведение анализа эмоции «недовольство» на синтаксическом уровне отталкивалось от того, что эмоциональный синтаксис представляет собой устойчивую структуру, интонацию, различного интенсификация эмоции. Подобные структурные образования имеют целью передать не столько содержание предложения, сколько субъективно-оценочное, эмоционально нейтральное отношение говорящего к предмету мысли и выражают эмоциональные коннотации.

“Do you think it’s likely that a man will do any good when he starts at your age? Most men begin painting at eighteen” [2, 50]. “Неужели вы надеетесь чего-нибудь добиться, начав в этом возрасте? Люди начинают писать лет в восемнадцать” [3, 50].

Отсюда следует, что эмоциональный синтаксис рассматривается в работе как один из основных способов презентации предложений в английском языке, несущих в себе эмоциональное значение эмоции «недовольство».

Среди многообразия отрицательных состояний одним из самых важных, но малочисленных, является эмоция «злость». Функция эмоции «злость», раскрывается в том, что она является эмотивной основой для коррекции социальных контактов, помогает устранить накопившиеся отрицательные эмоции, служит средством представления резко негативного отношения к какому-либо персонажу или ситуации

и максимально эмоционально отрицательного состояния субъекта.

При рассмотрении конструкций эмоции «злость», было выявлено, что автор использовал различные средства представления отрицательной эмоции «недовольство».

Можно предположить, что контекст выступил как доминирующее средство представления эмоции. В большинстве случаев он представляет собой авторские комментарии, ремарки, описание природы и самой ситуации.

Следовательно, цель контекста — вызвать у читателя определенное психологическое состояние, отрицательное эмоциональное отношение к ситуации или герою, т. е. отразить не собственно семантический, а прагматический аспект знаковой ситуации. Эмоция при этом рассматривается как ситуационно-обусловленный психологический феномен, не допускающий своего изъятия из породившей его конкретной ситуации.

Проведение анализа эмоции «злость» на синтаксическом уровне отталкивалось от того факта, что эмоциональный синтаксис представляет собой устойчивую структуру, интонацию и различных интенсификаторов эмоции. Подобные структурные образования имеют целью передать не столько содержание предложения, сколько субъективно-оценочное, эмоционально нейтральное отношение говорящего к предмету мысли и выражают эмоциональные коннотации.

Список литературы:

1. Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. – М., 1976. – С. 55.
2. Somerset Maugham. The Moon and Sixpence. – Electronic Classics Series/The Pennsylvania State University is an equal opportunity university/2001–2012.
3. Сомерсет Моэм. Луна и грош. – Москва: ФАН, 1960. Перевод на русский язык Наталии Ман.
4. Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. – М., 1969. – С. 120.

*Korbozerova Nina Nikolayevna,
Taras Shevchenko National University of Kiev, Doctor of Philology,
Professor of the Department of Spanish and Italian Philology, Institute of Philology
E-mail: ninacor@ukr.net*

*Obruchnykova Elena Petrovna,
Assistant Professor of the Department of Spanish and Italian Philology
E-mail: Obruchnikovaep@gmail.com*

Some observations of the sound structure of verse schemes of Andalusian flamenco songs

Abstract: The article considers the phonetic and phonological features of the Andalusian flamenco songs. The analysis deals with the compositional peculiarities of occasional sound repeats of the most numerous group of Andalusian flamenco songs — *siguiriyas*.

Keywords: sound repeat, soundletter, soundletter complex, phonic anaphora, phonic epiphora, phonic rondo, phonic chain.

Корбозерова Нина Николаевна,
Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко,
Институт филологии, доктор филологических наук,
профессор кафедры испано-итальянской филологии
E-mail: ninacor@ukr.net

Обручникова Елена Петровна,
доцент кафедры испано-итальянской филологии
E-mail: Obruchnikovaep@gmail.com

Из наблюдения над звуковой организацией стихового текста песен Андалузского фламенко

Аннотация: Статья посвящена изучению фонических структур песен андалузского фламенко. В статье рассматриваются композиционные особенности окказиональных звукоповторов наиболее многочисленной группы песен фламенко сигирийас.

Ключевые слова: звуковой повтор, звукобуква, звукобуквенный комплекс, фоническая анафора, фоническая эпифора, фоническое рондо, фоническая цепь.

Фламенко (исп. *flamenco*) — многочисленная группа песен и танцев Южной Испании, носителями которых являются цыгане Андалузии. По своему содержанию поэзия фламенко — почти исключительно лирика, проникнутая индивидуализмом и философским взглядом на жизнь. Главные темы этой поэзии — любовь, одиночество, смерть. В ней раскрывается внутренний мир человека. Метрическая структура поэзии фламенко очень богата и разнообразна. Она не связана с постоянной метрической формой, в ней используются разные строфы с различными типами стихов. Преобладающим видом строфы является четверостишие (исп. *copla*) [3, 21].

Объектом нашего исследования являются фонические структуры поэтической речи песен фламенко, а **предметом** — композиционные особенности окказиональных звуковых повторов (далее ЗП). Исследование осуществлялось на **материале** «сигирийас» (исп. *letras siguiriyas*), автономной группы песен, номинально преобладающей среди других. Иллюстративным материалом послужили сборники песен фламенко в работах [3; 4; 5]. С точки зрения тематики, сигирийас характеризуются более патетической атмосферой. Куплеты сигирийас исполняются кантором (исполнителем фламенко) в свободном метре, но с метрически упорядоченным аккомпанементом.

Фонические стиховые структуры — это приёмы системного использования звуковых (относительно испанской поэзии точнее будет сказать — звукобуквенных) повторов с целью передачи смысловой или

эстетической информации в процессе поэтической коммуникации [2, 22]. Звуковая организация стиха представляет собой иерархию звуковых повторов разной значимости и глубины. Изучение звуковой стороны стиховой организации песен фламенко ограничивалось в основном классификацией рифменных созвучий и метро-ритмических структур. Между тем, поэзии фламенко свойственны различные проявления звуковой упорядоченности, которые включают в себя не только собственно рифму, но и разнообразные категории нерифменных созвучий.

Окказиональные (нерифменные) ЗП — это самодеавтоматизирующаяся подсистема фонических структур стиховой речи. Композиционные закономерности окказиональных звукоповторов не могут быть регламентированы с той степенью жесткости, которая приемлема для звукоповторов конвенциональных, то есть для рифмы. Вместе с тем, окказиональность не означает бессистемности. Значительная часть звукоповторов располагается в ключевых позициях, в чувствительных точках стихового текста [2, 105]. Среди многообразных композиционных структур испанской звукописи постараемся выделить наиболее типичные для песен сигирийас. Здесь и далее используются традиционные термины, восходящие к работам [1; 2].

Фоническая анафора. Анафора как фоническая структура представляет собой такое расположение окказиональных звукоповторов, которое маркирует условное начало какой-либо смысловой, синтаксической, метро-ритмической единицы стиховой речи.

Композиционно анафоры могут быть разделены на две группы: внутрстиховые и межстрочные [2, 106]. *Внутрстиховая анафора* предполагает по крайней мере двукратное употребление звукобуквы или звуко-буквенного комплекса в пределах начала той единицы, которая анафорически маркируется: 1) *Hasta l'alma me duele/de tanto llorar*; 2) *Maresita mía,/qué buena gitana;/de un peasito de pan que tenía,/la mitá me daba*. Возможно и однократное их употребление в начале не менее чем двух смежно расположенных таких единиц: 1) "Ca" vez que m'acuerdo/D'aquellos besos de la mare mía/yo el sentüio pierdo.

Более энергичным и экономным средством акцентуации начала стихового ряда с помощью ЗП является *межстрочная анафора*, позволяющая использовать звукобуквы, задействованные в ней по вертикали, для «горизонтальных» стиховых повторов, обеспечивающая фоническую когезию стихового ряда и реализацию звукоповторных композиций: 1) *Abrase la tierra,/que no "quió" vivir,/que pa vivir como estoy viviendo/más vale morir*; 2) *Con penas me acuesto,/con más me levanto;/la culpa tiene mi compaërita/con querla tanto*; 3) *De noche no duermo,/de día tampoco*.

Фоническая эпифора как фоническая структура есть звукоповтор, композиционно обратный анафоре. В эпифоре расположение окказиональных звукоповторов маркирует условный конец смысловой, синтагматической или метро-ритмической единицы стиховой речи. Здесь также следует различать эпифору *лексемную* и *сверхлексемную*, то есть эпифору более крупной, чем слово, единицы: полустишия, стихового ряда, нескольких стиховых рядов [2, 107]. Фоническая эпифора как звукоповтор, характеризующий единицы стиховой речи более крупные, чем слово, может также иметь несколько структурных разновидностей:

1) *строчная эпифора*: *Son tan grandes mis penas/que no caben más*.

2) *межстрочная эпифора*:

1. Señor Alcalde mayor/y los demás señores/es-tas penitas a este cuerpo mío/no le corresponden.

2. Abrase la tierra,/que no "quió" vivir;/que pa vivir como estoy viviendo/más vale morir.

3. Dice mi compañera/que no la quiero.

Фоническое рондо являет собой вид звукоповторов, в которых совмещены композиционные функции анафоры и эпифоры, оно маркирует изначальную и конечную позицию какой-либо единицы стиховой речи. Сверхлексемное рондо используется в стиховой речи очень широко как в строчном своем варианте, так и в межстрочном [2, 107].

Строчное рондо:

1. Dices que no la quieres/ni quieres verla,/pero la vereita de tu casa a la suya/no cría yerba.

2. Son tan grandes mis penas/que no caben más.

3. A un torito en plaza/no temo yo tanto/como le temo a una "malina" lengua/y un testigo falso.

4. N'el hospitalito/a manita "erecha"/allí tenía la mare é mi alma/la camita "jecha".

5. Señor Alcalde mayor/y los demás señores...

6. Abrase la tierra,/que no "quió" vivir;/que pa vivir como estoy viviendo/más vale morir.

7. Como a cosita mía/te he "miraó" yo,/pero querte como te he querío/ya eso se acabó.

Межстрочное рондо:

1. Dentro de mi pecho/llevo yo una imagen;/aunque me lleven a la fin del mundo,/no hay quien me l'arranque.

2. Son tan grandes mis penas/que no caben más.

Фоническая медиана. Композиционная задача фонической медианы сводится к тому, чтобы выделить срединную часть стихового ряда, «разъединив» его на два полустишия даже в том случае, если такая «разбивка» не предусмотрена метро-ритмической структурой стиха. Медиана может быть строчной и межстрочной [2, 107]. *Строчная медиана*, почти всегда совпадает с композиционным ЗП, именуемым *стыком*: 1. El yunque y martillo/rompen los metales;/el juramento que yo a ti te he hecho/no lo rompe nadie. *Межстрочная медиана* также имеет несколько композиционных вариантов:

1) Она может маркировать середину стихового ряда путем соотнесения ее с клаузулой предыдущего стиха: *Abrase la tierra,/que no "quió" vivir;/que pa vivir como estoy viviendo/más vale morir*;

2) Может соотносить срединную часть стихоряда с клаузулой последующего стиха:

1. Cuando te apartaron/de la vera mía/tacitas de caldo que a mí me daban/yo no las quería.

2. Dices que no la quieres/ni quieres verla,/pero la vereita de tu casa a la suya/no cría yerba.

3) Середина стихоряда может быть подчеркнута ее звуко-буквенными совпадениями и с началом, и с концом предыдущего или последующего стиха; иными словами, надо, чтобы один из этих стихов содержал в себе ЗП типа рондо, и чтобы этот же ЗП был повторен в центральной позиции строки, которую надо маркировать медианой:

1. A un torito en plaza/no temo yo tanto/como le temo a una malina lengua/y un testigo falso.

2. Yo nosé por qué,/yo no sé por donde,/al espejito donde me miraba/se le fue el azogue.

Фонический стык. Композиционная роль стыка состоит в «подхватке» звукобуквы или звуко-буквенного комплекса, завершающего одну единицу стиховой речи в начале другой единицы [2, 109]. Соответственно фонический стык может быть *строчным*: ... el juramento que yo a ti te he hecho/no lo rompe nadie; и *межстрочным*: N'el hospitalito/a manita "erecha",/allí tenía la mare é mi alma/la camita "jecha".

Фоническая цепь. Суть этой окказиональной композиционной структуры состоит в том, что она связывает «сквозным» звукоповтором весь стиховой ряд или его сегмент, подлежащий фонической актуализации [2, 110]: Hasta l'alma me duele/de tanto llorar,/porque mis penas nunca van a menos,/siempre van a más. В своем редуцированном варианте цепь маркирует лишь начало, середину и конец единицы стиховой речи, являя собой, таким образом, совокупность рондо и медианы:

1. Son tan grandes mis penas/que no caben más,/yo muero loco sin calor de nadie/en el hospital.

2. Dices que no la quieres/ni quieres verla,/pero la vereita de tu casa a la suya/no gría yerba.

Межстрочная цепь может выполнять также и композиционные функции межстрочного стыка:

1. Con penas me acuesto,/con más me alevanto;/la culpa tiene mi compamerita/con quererla tanto.

2. A un torito en plaza/no temo yo tanto/como le temo a una malina lengua/yo un testigo falso.

Заключение

Звуковая организация стихового текста песен сигирийас представляет собой иерархию звуковых повторов разной значимости и глубины. Ему свойственны не только рифменные проявления звуковой упорядоченности, но и разнообразные категории нерифмеанных созвучий. Фоническая актуализация реализуется на уровне слова, полустихия, стихового ряда, нескольких стиховых рядов. Самые типичные фонические структуры — анафора, эпифора, рондо, медиана, стык и цепной звукоповтор. Композиционно все они делятся на две группы: строчные и межстрочные. Наиболее многочисленной есть группа повторов типа рондо, медиана, анафора. ЗП типа стык в основном встречаются в межстрочном варианте. Эпифора используется редко и, в основном, межстрочная. Характерными есть цепные звукоповторы. **Перспективу** дальнейшего изучения поэтики андалузского фламенко представляет явление паронимии — особого рода фонетического повтора, при котором звуковое сходство двух (или более) неродственных словоформ индуцирует семантическую связь между ними.

Список литературы:

1. Брик О.М. Языковые повторы./Осип Максимович Брик//Сборники по теории поэтического языка. – Петербург, 1917. – С. 14–26.
2. Гончаренко С. Ф. Стилистический анализ испанского стихового текста./Сергей Филиппович Гончаренко. – Москва: Высшая школа, 1988. – 186 с.
3. Molina R. Mundo y formas del cante flamenco./Ricardo Molina, Amtonio. Malrena//“Revista de Occidente”. – Madrid, 1963. – P. 21–32.
4. Curiel Alvarez F. Cancionero popular Andaluz [Text]/F. Curiel Alvarez. – Málaga: Editorial Arguval, 1991. – 254 p.
5. Machado y Alvarez A. Colección de cantes flamencos recogidos y anotados por [Text]/Antonio Machado y Alvarez. – Madrid: Ediciones Demófilo, 1975. – 206 p.

Molea Viorica,
Moldova States University,
Doctor of philological sciences,
associate professor, the Faculty of Philology
E-mail: molea_viorica@yahoo.com

Opinions and reflections on the use of spoken language in journalistic texts

Abstract: The article deals with the problem of presence/absence of spoken language in journalistic texts. There is a controversial issue about the use of spoken language in journalistic texts: some journalists welcome its expressiveness in spite of the fact that it was not present in mass media for a long period of time (totalitarian period). Others,

however, oppose the (excessive) use of various aspects of spoken language, because it “pollutes” the language, destroys it by defying the readers’ common sense and elevation through vulgar vocabulary.

Keywords: spoken language, text, journalistic, expressiveness, non-standard, vulgar.

The Romanian journalistic text reflects verbally the image of our history in development, the world’s nowadays panorama. It addresses exclusively to the present, although more actors are implied: the past and the future, because their influence can be easily seen in the present. The main purpose of newspapers, magazines, web sites, blogs, etc. is the impact on the person who reads the text, the reader, to which all the attention and efforts of the journalists are directed. The reader must be informed, impressed, shocked, dismayed, relaxed, entertained, etc. This is the reason, why the mass media texts are the main “offer” of editors and journalists, which meet the “demands” of an extremely spoiled and exigent “market”. Today, the source of information is not only a simple registration and dissemination of facts and events, but also a potential to create impressions, emotions, attitudes and more briefly, is an expressive force for regulating the mood and training of civic pride. L. Hoartă Cărăușu remarks that “Media products bear social representations (not simple supports), socio-cultural currents, ways of life ...” [5].

So, modern publicists have an important, but difficult mission, because in spite of the freedom of speech and technological progress, they are deeply influenced and saturated by a dull, stereotyped, unclear language standard, whose unique “talent” is the referential function, which can’t have the necessary capacity for attraction. Therefore, the process of educating journalists needs non-standard language tools, or exceptional expressions, capable to animate the bored perception of the reader’s mind, which becomes more and more rebellious.

If we question the presence of spoken language in journalistic texts, we should mention that many of the researchers of this topic are against its use in the press, although they acknowledge the presence of its necessity and clarity in many genres, types of texts, especially in opinions. However, several appreciations and favorable comments for some elements of spoken language used in journalistic texts have been found in many studies. Most of them can be found in R. Zafiu’s works, which refer to journalistic language and its characteristics. In fact, she has often emphasized the role of spoken language and its various forms, especially after the revolution of 1989. R. Zafiu acknowledges that “The expansion of the spoken language in the Romanian culture in the last decade tends to seem to the observer as a phenomenon of great importance not only through its objective data, but also due to a contrast effect:

the new stylistic formula substituted journalistic style of the totalitarian regime, which was perfectly sealed from contact with reality and linguistic diversity” [18, 399].

The Romanian media has the freedom of expression, which is a major privilege compared with the dominated by censorship recent past, as a result, it reveals an unprecedented diversification of information, which is full of both written and spoken language. There is an absolute freedom in selecting the means for editing journalistic texts, particularly those of opinion or entertainment. D. Vlad mentions that “It’s good to observe the radical transformation of the Romanian press and media institutions since 1989, the diversification of style, the incomparable expressiveness compared to the past, due to freedom of expression” [16]. In this way, journalists are tempted to exploit the resources of the language that were not permitted before. However, D. Irimia states that “... freedom of expression implicitly means the acceptance of responsibility from the person who accepts as a free human being this fundamental human right” [6, 285]. On the other hand, everything that follows severe restrictions, along with this refreshment of journalistic style in the Romanian press leads to a mess. In addition to the expressive and revealing language elements, humble expressions and even taboos penetrated the language. They refer to spoken language, an inexhaustible source of linguistic material, considered an exotic one, sometimes with well-defined stylistic characteristics. “The polychromy and the expressiveness of published materials, which is sometimes exuberant, also reflect the freedom from any constraint and censorship” mentions C. Mărcușan [9, 151]. Luminița Roșca points out some events and trends that occurred during the mentioned period “A specific phenomenon of the 90-s is the easy way the terms of different language registers (informal, popular) penetrated the newspaper style language. An explanation could lie in mass media and a considerable number of receptors’ intention to get rid of the official language required by the propaganda during the communist system ...” [13, 314].

As mentioned before, democratization or, more precisely, freedom of expression in media is a process characteristic to transitional period for the former Soviet states. It is a natural process of promoting values of democracy after a long dictatorship. The Russian researcher M. P. Smirnova states the presence of “... some speech reflections on word level, which are specific for

contemporary media” [19], these reflections being intensely felt in the Romanian press. The insertion of spoken language in the written text is also defined. “The effect of spoken language can be defined as accepting the written text as spontaneous speech, thus creating the impression of informal communication” says Elena Tkacheva [20].

Many elements of spoken language are found in journalistic texts. They represent an opinion, as the subjective attitude of the author’s individual style is always present. It is mainly about reportages, interviews, portrayals and serial publications, pamphlets, editorials, analysis and comments as well. Having investigated the characteristics of spoken language used after the Revolution, R. Zafiu mentions that “The use of colloquial tone in editorials, analysis and political comments is less predictable, but this fact makes them more interesting. During that decade, there was a very strong trend in this direction: it was based on an ideology of triviality, common perspective, common sense and identification with the average reader” [18, 404]. In the same opinion, “spoken language is a communicative strategy that can be differently adopted by periodicals. It depends on their general profile, which varies greatly even within the same publication compared with the types of texts and their potential recipients” [18, 404]. Even if the texts are marked by the spoken language, they represent a relevant evidence of the nowadays language, which is informal, used by ordinary people, as it reflects the present state of speech, even though there might be some linguistic comments. Magda M. Manu mentions similar things with reference to an actual magazine “The magazine *Cațavencu Academy* (CA) could be an important source for understanding spoken language today, which is a colloquial style of post-December period in Romania”, thus representing a “real virtual archive of current spoken Romanian language presented in written works” [8].

The question is, what would be the reason of substantial use of spoken language in literary texts, especially in the post-communist and current periods, without tending to use too many provincialisms and familiarisms, when there are so many possibilities of expression? We can’t give a comprehensive answer, because the reasons for using folk elements, familiarisms and slangs are of a strategic and pragmatic nature. Through the variety of substandard spoken language, there can be expressed lots of meanings and nuances, that can render with great precision and relevance important contents for a varied audience, which is constantly increasing.

In this way, the access of all the readers, the intellectual elites and large groups of readers, who are less trained, to information and its dissemination, promoted the

development of a plain language, colorful, able to attract, to impress, with the capacity of being easily memorable. L. P. Cristescu considers that “Taking into consideration the collective recipient, the sender has to select a number of terms from the informal vocabulary and even archaic language, making its expression an area of interference of written literary language and informal language” [3, 17].

On the other hand, a standard language, which only communicates and informs without conveying emotions, with stylistic nuances which are often more significant than the message itself, will not be able to hold reader’s attention for too long. Interest and curiosity can be stimulated by different means including non-standard and figurative language, by sub-standard vocabulary. The human nature is very complex and is always looking for something new, sensational and picturesque, therefore texts writers (writers and journalists) should always change the range of ideas and the linguistic ways of conveying information.

As for a journalist who writes texts monthly, weekly or even daily, it is difficult to always produce concepts, original thoughts, to find events, new information that would surprise the audience. It is clear that s/he tends to diversity, trying to mix unusual linguistic elements. Therefore, we believe that the spoken language is a source, which is always open for such combinations. R. Zafiu’s states “As the new element does not always appear in ideas or any kind of information, it soon becomes an objective of language: to record and to produce neologisms and new slang elements” [18, 401]. Obviously, this precious stock of spoken language is always accessed, depending on the talent and intuition of every language user. Sometimes some ordinary elements can form rich textual variations and vice versa, valuable aspects of spoken language can be transformed into trivial or vulgar messages.

More and more researchers of journalistic texts consider that the use of spoken language in journalistic texts is appropriate and relevant, because they develop and reveal multiple pragmatic and stylistic values. On the other hand, there are many opinions that condemn their inclusion in such texts. In her work “*Stylistic diversity of the modern Romanian language*”, Rodica Zafiu mentions the existence of a contradiction: “The massive penetration of spoken language in newspaper style is an obvious phenomenon, it has been discussed from the point of view of linguistics for several times, thus arousing contradictory reactions: from the satisfaction of expressiveness, vividness and picturesque elements of the written colloquial language to the irritation caused by careless expressions, rules breaking and the presence of a lexicon which is usually considered vulgar” [17, 193].

The demands of selecting a noble and truly expressive language reject the idea of using spoken language without any discernment in journalistic texts. There can't be accepted any elements of language, even if they are borrowed from the spoken layers of the language, which contradict the moral norms and the common sense, the function of civil education and character building and not that of disorientation and brutality promoting, because "mass-media products bear (not only support) social representations, socio-cultural currents, ways of life". As mentioned before, the excess of freedom or freedom's misunderstanding can result in the appearance of lingual inhibitions, caused by some psychological or physiological frustrations. D. Irimia defines precisely this damaging trend in journalistic style: "The Romanian publicist confused the essence of the language, which combines semantics and esthetics, with various aggressive and violent language structures, caused by the rapport between the human being and the worst aspects of human life" [6, 293].

In this way, since 1989 the Romanian media, including the press, has been influenced by spoken language elements which bear original, fresh and valuable pragmatic expressions, and by those whose status condition relates to the low level of socio-linguistic education, as well. Some linguists consider that the use and the spreading of vulgar, trivial elements in media is a serious problem for a civilized society. The distinguished philologist G. Pruteanu states firmly in an article about the harm of colloquial exaggeration in press that "The market economy (or its imitation) has generated a press which has more and more characteristics of a market press" [11].

In another article, G. Pruteanu states that "Soon after 1989, the vulgar vocabulary and phraseology could be explained by a sort of linguistic outpouring after censorship and plain language use. Today, we have to deal with the language that developed in the post-December decade and the renewal of what was missed during that period. The vulgarity mentioned by Adorno 50 years ago often takes the shape of brutality and triviality" [12, 343–345]. The scientist warned in the same source that "the tough language and slangs, along with poor stylistics has the effect of developing the sensitivity to delicacy, tenderness, gentleness (...)" [12, 345].

Usual these elements are slangs, jargons, barbarisms, indecent and trivial words, non-standard vocabulary characteristic of uneducated speakers from different informal settlements. The reasons for using such a language are not always clear, as these aspects can be found in many kinds of journalistic texts, so its appearance does not depend on a particular type of journalistic discourse.

C. Neamțu mentions that "Unfortunately, some jargon and slang elements entered the language of some journalists not having the purpose of language diversity, but are used for insulting and defamation, claiming to be pamphlets. But during this crisis of pamphlet elements, these journalists promote only colloquial language. The process when a language becomes more vulgar is a reality which can be difficult to stop, as it operates in the name of freedom of expression" [10, 46]. At the same time, the flow of colloquial terms reveals some more negative aspects of Romanian journalistic style: the lack of ideas and arguments in a text review or in a pamphlet, unprofessional journalists, the ignorance of moral rules and of Code of ethics. D. M. Bejan also thinks that verbal hooliganism and non-standard language in the Romanian press shows the lack of ability to support ideas and to use arguments. The media as a form of reflection and a way of modeling the modern reality often provides evidence of using the language inappropriately through low level of improvisation. The phenomenon is present both in journalistic language of pamphlets and in some texts, where the obscene expressions substitute the true information, the reader not having the possibility to an opinion. G. Pruteanu adds that such elements are found in all types of journalistic texts, not only in tabloids. More than that "The difference between slang, informal language and standard language loses its intensity and risks to disappear even in publications that are far from the tabloid style..." [12, 346]. At the same time, more people mention that the "abundance of slangs in various forms of media is currently accepted by a large number of Romanian language speakers (for which public communication is associated with a literary form of expression) as a «perversion» of the language and its vulgarization" [4, 8]. Apart from a few exceptions, such items may be accepted (with a well-defined pragmatic purpose) in journalistic writings.

The genres that are mostly influenced by these characteristics of spoken language are the journalistic genres of opinion, such as editorials, political comments, pamphlets, periodic publications and the so-called "street press", recently called "newspaper tabloids". All these usually aim to not very pretentious categories of readers, who are satisfied by scandalous articles, slander, celebrities and their specific language. «This kind of mass media, called "street" or "yellow press" was called *tabloid journalism* in modern linguistics» [19]. R. Keeble defines this type of modern journalism, using lots of details: "The phenomenon of tabloids can mean the increase of the number of news about celebrities, entertainment, lifestyle, intimate details, exaggeration of sensational (...), vulgar

words, (...) texts which are written in short words, with a plain language, values and topics characteristic to pop culture, especially the TV culture" [7, 38]. It is obvious that even on TV, which is most appropriate for the spoken language use, we can see along with "fashionable" neologisms some non-standard elements, which convey a kind of repulsive provincialism. In Slama Cazacu's opinion "All these can explain the Freudian tendency to a liberty, an unreal one, through verbal mirage: often by a violent and licentious expression on the one hand and through an absurd suicidal escape from the shackles of the Romanian language, on the other hand" [15, 125].

Besides numerous acts of vulgar spoken language, or street vocabulary encountered both in broadcasting and in the newspapers, magazines and in other types of journalistic texts, it seems that the same Freudian tendency apparently determines the increase of vulgar vocabulary, which diminishes the common sense, human qualities of a civilized and balanced person. This type of language is mostly used in the audiovisual media in debates or other live broadcasts, but also in some types of journalistic writing, especially in political comments or even in some editorials which focus on pamphlets, when political opponents are implied. The language violation has become a norm that defies the good practice of polemics and civilized discussions. Rus L.-M. analyzes the use of informal language in media and concludes that «the publicist style has a tendency to definitely go down to the limits of urban vocabulary, destroying (with nonchalance and cynicism?) the conventional barriers between "information" and "pamphlet", between "decent" and "indecent". The common sense does not characterize such journalistic comments at all (!)» [14]. In this regard, more authors refer to a major study on the Romanian language violation, characterized by nine records, entitled "The violent imagination of Romanians" by R. Cesereanu. Such records develop the following characteristics, expressed in the following terms: inhuman, hygienic, crime, bestiary, religious and punitive, putridness and excremental registers, sexual or libidous, funeral, xenophobic and racist. In the article with the same title, published in the *Literary Romania*, the author

asks rhetorically: "What kind of people are we — Romanians, as we write and talk, especially when it comes to the vitriolic pamphlet, personal attacks, slander, insult etc.?" [2]. From R. Cesereanu's attempt to scan these impulses of our people, it is obvious that such language features are some reflections of deep processes of the Romanian people's minds, that in fact, are characteristic to humans in general. The problem consists of another thing: what can the human nature's exhibitionism cause to the violent human nature through language? We believe that in this case, it is first about an insufficient understanding of liberalism in general and of the language, in particular, and about a low level of instruction, of *in globo* culture, but also about the need to show the ego, the "muscles" in an attempt to highlight the human background which becomes more disobedient. The way these linguistic records about violence are conceived and designed in a journalistic text is not so important, because they finally become public acquisitions, the so-called "models" to follow for most speakers. Therefore, it is natural to draw our attention and to show an attitude, if not precautions, because language violation can ultimately generate physical violence, as current events on the Russian media market has recently proved. In several televised interviews from Russia, people started talking about war, strife, hatred as something ordinary. Propaganda "education" on TV and in the Russian press becomes more imminent. L.-M. Rus states that "the problem of realizing the responsibility of various forms of media for the general use of the Romanian language arises, by highlighting the role of the language model (the main one), which is given to them by their current status in society". The same is about the need to "linguistic cleaning of the social media" [14].

In an attempt to diminish these worthless and even dangerous linguistic practices, we believe it is strongly necessary to monitor both the legal framework of media entities, and the language practices. In our opinion, there should exist a legal action that will prohibit non-standard vocabulary in mass media, and a punishment by law as well. Otherwise, we risk to become uncivilized and inhuman.

References:

1. Bejan D.M. Huliganismul verbal și limbajul violenței în presa românească actuală.//[Electr. resource]. – Available from: http://mss.academiaromana-is.ro/cademiaromana-is.ro/philippide/.../029-032%20BEJAN_RED.pdf (access at: 17.07.12).
2. Cesereanu R. Imaginarul violent al românilor. – București: România literară, 2002. – nr. 12.
3. Cristescu C. G. Stilul jurnalistic. – Câmpulung Muscel: Muscel, 2000.
4. Guțu Romalo V. Obiectiv și subiectiv în evoluția limbii române literare. – București: Editura Acad. Române, 1999.

5. Hoartă Cărașu L. Ipostaze publicistice ale “discursului repetat”, AUI, secțiunea III e, tomul LIV, 2008.//[El. resource]. – Available from: <http://www.webtest.ovipedia.ro/fisiere%20pdf/2008/Carusu.pdf> (acces at: 19.08.13).
6. Irimia D. Stilul publicistic actual între libertatea de exprimare și libertatea de expresie. În: Stil și limbaj în mass-media din România. – Iași: Polirom, 2007. – P. 283–298.
7. Keeble Richard. Presa scrisă. O introducere critică. – Iași: Polirom, 2009.
8. Magda M. Structuri colocviale în revista “Academia Cașavencu”//[Electronic resource]. – Available from: <http://ebooks.unibuc.ro/filologie/dindelegan/43.pdf> (acces at: 04.04.13).
9. Mărcușan C. Limbaj jurnalistic sau ... “vadimizarea” limbajului? în Limbaje și comunicare, VI, Partea I, Colocviul Internațional de Științe ale Limbajului. – Suceava: Editura Universității Suceava, 2003.
10. Neamțu C. Stilul publicistic. – București: Editura Mirador, 2004.
11. Pruteanu G. Presă, cultură, limbaj.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.pruteanu.ro/9ultima/prescult.html> (acces at: 03.02.14).
12. Pruteanu G. Violența societății și brutalitatea lingvistică în mass-media. În Stil și limbaj în mass-media din România. – Coordonator: Ilie Rad. – Iași: Polirom, 2007. – P. 341–351.
13. Roșca L. Mecanismele construcției mediatică. În: Stil și limbaj în mass-media din România. – Iași: Polirom, 2007. – P. 299–319.
14. Rus M.-L. Familiaritatea exprimării în presă.//[Electronic resource]. – Available from: http://www.upm.ro/cci/volCCI_II/Pages%20from%20Volum_texteCCI2-128.pdf (acces at: 09.08.13).
15. Slama-Cazacu, Slama-Cazacu T. Stratageme comunicaționale și manipularea. – Iași: Polirom, 2000.
16. Vlăduț D. Cuvinte și enunțuri deficitare ca sens în limbajul mass-mediei de după 1989. În Stil și limbaj în mass-media din România. – Iași: Polirom, 2007. – P. 195–214.
17. Zafiu R. Diversitate stilistică în româna actuală. – București: Editura Universității din București, 2001.
18. Zafiu R. Mărci ale oralității în limbajul jurnalistic actual, în Aspecte ale dinamicii limbii române. – București: Editura Universității din București, 2002. – P. 399–430.
19. Смирнова М.П. Фамильярная тональность в текстах современных российских таблоидных изданий.//Гуманитарные науки. Филология. – № 1/2 (63). – 2009.//[Electronic resource]. – Available from: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0063\(01_\\$01_022009\)&xsl=showArticle.xsl&id=a07&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0063(01_$01_022009)&xsl=showArticle.xsl&id=a07&doc=../content.jsp) (acces at: 18.06.13).
20. Ткачева Е. Эффект разговорной речи в публицистике Сергея Довлатова: случайное неслучайно.//Научно-культурологический журнал. – № 9 [247]. – 15.06.2012.//[El. resource]. – Available from: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3252&level1=main&level2=articles> (acces at: 01.08.13).

*Khamaganova Valentina Mikhailovna,
Buryat State University,
Professor of the Department of Russian Language
and General language science
E-mail: vmh2003@inbox.ru*

Functional, semantic and stylistic characteristics of the words designating the “description-portrait” in a lexical model of a text

*This work was supported by the Russian Humanitarian Foundation
(Project “Modeling of the text: lexical structure of a descriptive text” № 15-04-00305)*

Abstract: Words which denote human beings and animals (as taken from the “Russian Semantic Dictionary”) have an a priori potential to be subjects of description-portrait. When searching for their functional, semantic and stylistic characteristics it is significant to use perspective of descriptive context and its logical-semantic, lexical-grammatical and communicative parameters: the context of a description specifies that not any hierarchical union of designational words of “a face, a person” subset can equally be the subject in the description of a portrait. Descriptive context as a function allows us to find functional-semantic-stylistic characteristics of words which denote human beings.

Keywords: descriptive text, description-portrait, semantic subject, designational words, lexical model.

Manifestation of the space-time continuum of subsistence through the units of a verbal level, a sentence level, as well as through the descriptive text are historically developed ways of representing the perception of the outside world.

In the description of the extension appears a descriptive way of thinking as a synchronologema, which involves the structure of recitation of simultaneous signs in the form of judgments, expressed in the form of declarative sentences with enumerative intonation. The linguistic structure of a description is a grammatical simultaneity of predicative forms and direct modality — it is the essence of functional and semantic approach to the study of a descriptive text [1].

The components of the structural and semantic model of the «description» type text are identified on the basis of the principle of semiotic classification of text fragments (V. Ya. Propp), which connects the logic of perception of reality and historically established in a language modes of representation of a perception. Properties of «variables» values in a descriptive text are referred to actants that make up the logical-semantic and structural core of a descriptive text; their structural and semantic significance and position in the text are different. Semantic and communicative structure of a descriptive text, properties of an actantial kernel, its typology and order of building are mandatory, regularly repeated for each descriptive text, so they explicate the properties of a typed descriptive text, considered as its structural and semantic model [2].

Actantial kernel implements meaningful varieties of a descriptive text: landscape description, interior description, description of a portrait, a description of an object. Actants are combined by presumption of the existence and make a logical-semantic core of a text. On this basis the typology of actants is defined: categorial actants, relevant to the semantic subject of a descriptive text; actants of a space structure identified on the basis of the spatial representation of the extension; subject actants of a space expressing intensional attributes of the extension [2; 3].

The main actantial kernel of a description-portrait is a human or animal designation, performs the function of a subject in a description and is expressed by a name. The most nuanced way to designate a subject of the portrait image is a proper name that is located in the initial phrase of a descriptive text: “*Irina was sitting at a small table and embroidered on the canvas ...*” (Turgenev. *Smoke*). “*In comparison with my aunt Marianna could seem just like a plain Jane...*” (Turgenev. *Virgin Soil*). “*... it was Alyokhin — a man in his forties in person standing at the door...*” (Chekhov. *Gooseberries*).

The substantive nature of a description-portrait presupposes a high degree of application of pointing words for its verbalization: “*I am completely healthy, my body is clean, both outside and inside...*” (Yu. Nabokov. *Despair*). “*His face was so young, with pink pimples on his chin, happy, bright eyes...*” (Yu. Nabokov. *Catastrophe*).

Of course, the pronoun as the subject of the description (other than “I (me)”) presupposes the use of an introductory name in the preceding context, because the pronoun only refers to the object without naming it.

It is productive to use personal pronouns in the possessive meaning for the nomination of a subject in a portrait: “*Her pale lips quivered slightly, as if repeating all the slight, gentle movements of a puppy...*” (V. Nabokov. *Tale*).

As we can see, possessive pronouns are used as clitics in the name with the value of partitiveness, although the names (*lips*, and then *the hair*, *the look*) express parts of the whole, which is represented by a possessive pronoun.

Pointing words serve as substituents not only for proper names, but also for common nouns. Obviously, for verbalization in a description-portrait there can be used a variety of LSGs of common nouns, naming a person or an animal.

The purpose of the article — to define LSGs of words, implementing a lexical model of a description-portrait — aims to identify those features of semantics of the lexical use, which highlights the context of the description.

The study showed that the lexical properties of a basic composition of the actantial kernel, except the actant as a semantic subject, were characterized by contextual relativity. It is only a word that possesses functional semantic autonomy in the function of a semantic subject of descriptive text: it serves as a subject of a descriptive text and “orders” the availability of compulsory “pieces”: it defines the groups of words that denominate the components of the extension, which is exposed to description. Therefore, we are interested in the semantic nature of the subject in each variety of descriptive text — description-portrait in the publication: semantic entity determines the whole composition of the actantial kernel, which is semantically arranged and can be represented by a lexical model.

A portrait a priori implies the perception of a living creature.

The most comprehensive listing of the names of people and animals as a private implementation of the list of Russian words, which denote the subject, can be found in the «Russian Semantic Dictionary» (hereinafter referred to as Dictionary 1998), representing the lexicon as “an organization created by the language

itself" [4, XVII]. Guided by the thesis on the division of the vocabulary of a language as an initial division of the parts of speech, the authors of the dictionary represent each part of speech by "words, grouped in the proper lexical classes, appearing in a branching tree with branches diverging from the top to the bottom" [4, IX]. In the dictionary the class of designational words (also there are pointing words) covers lexical arrays with "semantic outcomes" *who* and *what*. It is clear, that the lexical class designating a human being or an animal is represented in the WHO semantic field, which is of interest for us in terms of the expression of the description-portrait subject. Inside this area lexical sets and subsets of multi-division lexical tree stand out. As the final unit of the lexical tree in a dictionary the lexical-semantic series is designated, that combines the words of "immediate semantic proximity or direct semantic opposition". Such series of words reveals the "picture of life", as the components of the lexical-semantic number "designate a specific, narrow portion; it is told about and vividly described" [4, X].

The minimum component existing as part of the lexical tree is a meaning. For the meaning of designational word stands the concept of a subject as the main one.

Words, which denote persons and animals, as part of "Russian Semantic Dictionary" a priori have a valence of a subject of a description-portrait. In the hierarchy of lexical class of "designating words" this function is performed according to the Dictionary 1998, by the subset "a person, a man" and "names of animals". In identifying the components of the functional properties of these subsets (meanings of words) it is important to use of a descriptive context with its specific logical-semantic, lexical and grammatical and communication parameters. Descriptive text serves as though a clause: herein determines that not any hierarchical associations of designational words of the subset "a person, a man" and "the names of animals" can equally be the subject of the description-portrait. By inclusion of the studied value of a designational word into the sentence, withdrawn from the description-portrait, that retains the potency as a term of descriptive text — it logical-semantic, lexical and grammatical, semantic and communicative structure, — let's consider the possibility of constructing a descriptive text, the subject of which is expressed by the studied meaning.

According to the Dictionary 1998 in the most challenging subset "a person, a man" having about twelve stages of division, the primary ones are represented by the three subsets: 1) generic terms, 2) names of persons by the characteristic features and 3) the names of the evaluation as such, addressing.

Logical and semantic perspective of the descriptive text does not allow the use of words of the third subset of "the name of the evaluation as such, addressing" acting as a subject in the description-portrait, as the importance of these lexical units is due to the attitude of a speaker to the referred person and to the speech objective (for example, *atta boy, fine fellow, badass, dude, shrimp, whipper, a scoundrel, lazy-boots, brat, cartoon-cute, charmer, darling, cutie, chick* etc.).

Let's verify the offered hypothesis by placing the studied lexical unit, instead of the pointing word to the statement — a component of descriptive text: "*His face was so young...*" (So begins the description of a portrait in the story of Vladimir Nabokov "Catastrophe") or "*His eyes were blue...*".

* *The chick's (good sport's, dude's, brat's, etc.) face was so young...*

It seems that this use of evaluative words is possible only in specific stylistic conditions when the complementary to the evaluative component becomes the main feature in the name of the person and becomes a proper name: *darling* — the Darling («*The actors loved her and called "we together with Vanichka" and "the darling" ...*» A. Chekhov. The Darling).

Using the words of the subset "the name of the actual assessment" as a description of the description-portrait is possible, by the just remark of Yu. P. Solodub (orally), when using the pointing word "this", "that":

This dude's face was so young ...

In this case, in our opinion, appears the situation of introductory (in the preceding context) use of evaluative words for designation of a man, whose portrait is then described. Such use of the evaluative lexical unit in the descriptive text is a kind of citation.

Of interest is also the analysis of the functional possibilities of using as the subject of descriptive text of words of the subset "name of the person on the characteristic features", consisting, in its turn, of the five subsets designating these features:

1) "in relation to race, nationality, as well as to the territory, to the place of residence at the location";

2) "by the intellectual, emotional, intellectual-emotional, intellectual, emotional and physical states, property, quality, and their manifestations";

3) "by the social structure, the focus in the face of social traits typical of the specific time, by the specific social state, action, function, personal and social relations, connections";

4) "by profession, specialty, occupation, nature of activity and related activities, functions, relations";

5) “the physical, physiological, mental state, property, action”.

The listed subsets of “names of the person by specific features” contain dozens of rows of values consolidating about six thousand lexical units. The availability of such detailed classification of names of persons and its application in the study of lexical ways of the subject’s expression in the description-portrait gives the possibility to present lexical and stylistic realization of the subject in the descriptive text with a high degree of completeness.

The accomplished transformation of descriptive text-portraits with the inclusion of names of persons according to the listed five subsets cannot be represented in the work in its entirety. Obviously, the presence of all texts is not required, as the semantic model of the description-portrait implementing the trend of the language to the standard is used as a clause in determining the functional-semantic and stylistic properties of words designating various guises of men. In this case, the meanings of designating words, which used in the role of a subject in the description, and the meanings of designating words by some (mainly stylistic) reasons not used in this function, are differentiated.

Within the scope of the article we offer only some conclusions from the observations of the transformed texts of the description-portrait.

Having considered the subset of names of persons “by profession, speciality, occupation, nature of the activities ...” from the standpoint of the possibility of using the meanings of its constituent words in the function of the description subject. We come to the following conclusions: this subset includes the meanings of words that make up the group of lexical units, which can be used as the subject of the description. For example: *employee, expert, innovator, cardinal, preacher, priest, author, satirist, landscape painter, jeweller, writer, newspaperman, actor, dancer, comedian, film director, agitator, assistant, professor, lawyer, local historian, linguist, psychologist, geologist, forecaster, designer, teacher, student, cadet, extramural student, repeater, doctor, therapist, herbalist, makeup artist, ruler, dictator, leader, assessor, adviser, court, administrator, district police inspector, mayor, senator, diplomat, agent, detective, notary, secretary, brigadier, superintendent, veteran, crusader, sailor, commandant, orderly, artilleryman, miner, rifleman, basmach, draftee, army conscript, recruit, craftsman, lineman, car-manufacturer, climber, mechanic, locksmith, assembler, compositor, blacksmith, spinner, cook, painter, forester, cotton grower, beekeeper, navigator, marine pilot, tanker, barge hauler, traveller, businessman, and many others.*

Each of the lexical units may be included in the description of the initial phrase of the description-portrait with the function of the subject description:

“The employee’s (specialist’s, innovator’s, priest’s, author’s, landscape painter’s, jeweller’s, writer’s, actor’s, cotton grower’s, passenger’s etc.) face was so young...”

Words that have the potential to be a subject of a description-portrait, make up a bigger part of the whole array of the names of persons on the basis of the characteristic, and to list them all is to bring almost the entire payroll of the dictionary, which records the names of persons.

Concerning a subset of names of persons “by profession, speciality ...” one can say the following: the analysis of the sequence of presentation of content in works of art has shown that the nomination of a man by his profession, activity as the subject of the description is often used as a method of transition from the narrative text, which dealt with the situation, related to production or other activities of the character, to his personality, his portrait. Another reason for the nomination of the protagonist by profession is “including” the reader into the sphere of social relations between the characters, into the historical events: *“The former captain looked about thirty-five; his face’s skin was brown”* (A. Platonov. *Return*). *«There are two brigadiers in the “stockpile” — Kolesnikov and Chuma. ... Kolesnikov’s face is some kind of extinct, colourless»* (Yu. Trifonov. *Disappearance*).

The subject in the description-portrait can be named also by lexical units of other subsets of the “designations of a person by characteristic features”. One of the components of the named array is a subset of the designations of persons “by the physical, physiological, mental state, property, action”: *“And in an instant some guy came up to Nikita and Ilyusha; he had a docked nape and temples, almost bald, white-hot, but his gold curly forelock stood on end ...”* (Yu. Kazakov. *Overnight*). *“The old man was completely in fear and trembling, chewed his lips, the gray brush under his lower lip jumped ...”* (Vladimir Nabokov. *Mary*).

“He sees that it is a woman, very tall, large woman in a coat down to her heels, someway resembling an overcoat ... And the woman’s face is round, full and purple-rosy ...” (Yu. Trifonov. *Disappearance*).

Another subset is the names of persons “by personal, public relations, connections”: *“He didn’t like Nastya’s son ... First, his grey hair ... Secondly, this glance — attracting favour ...”* (G. Scherbakova. *The Wall*). *“... I saw my neighbour Zoya Sintsova. Zoe was all smiling — perfect teeth, white, dense ...”* (G. Scherbakova. *The evening was ...*).

Among the many units of the array of designations of persons “by the characteristic features” in its various constituent subsets there are lexical meanings of the designating words that can be the subject of only a stylistically reduced text. Thus, among the names of persons “by profession, specialty, occupation, nature of the activities ...” such units need to include the following: *bloke* (colloquial), *The value accident-prone person* (simple.), *bungler*, *barnstormer* (metaphoric, colloq.), *flyboy* (colloq.) *muff* (simple) *fouler* (colloquial) *bungler* (simple), *craftster* (metaphoric), *shoemaker* (simple), *hack* (colloquial), *bolo* (colloquial) *dauber* (colloquial) *penster* (ironically) *scribbler* (colloquial) *borzopisets* (colloquial), *versifier*, *stuffer* (colloquial) *rhymer* (colloquial) *poetaster* (colloquial) *sonneteer* (colloquial) *quill-driver* (colloquial), *filmmaker* (simple) *kontrik* (simple) *parttetya* (colloquial) *state-monger* (colloquial), *philanthropist*, *empiricist*, *schoolmarm* (simple), *farrier* (obsolete, coll.) *Dr. Doolittle* (colloquial), *tooth-drawer* (simple), *bolus* (ironically.), *minion* (disappr.) *princeling* (colloquial), *kinglet* (colloquial), *autocrat* (book) *crowned head* (high.) *oppressor*, *political staffer* (colloquial), *bureaucrat*, *chief* (colloquial), *zam* (colloquial) *gaishnik* (colloquial) *kegebeshnik* (colloquial), *seksot* (colloquial), *tsereushik* (colloquial) *emvedeshnik* (colloquial), *ment* (simple), *mil'ton* (simple) *belobiletnik* (colloquial), *self-harm* (colloquial), *ded* (colloquial), *dembel'* (simple), *devotee* (metaphor.), *classicalist*, *household name* (high.) *great* (Honored in any field, high.), *maestro* (book.), *patriarch* (metaphor.) *svyatilo* (metaphor.), *boots* (metaphor.), *minister* (metaphor.), *canary* (colloquial) and many others.

Because of the stylistic markedness the listed lexical units of a subset open the descriptive text, emotionally and expressively coloured: it expresses irony, mockery of a speaker at the subject of the nomination and its activities, although some words have a stylistic label “high”. For example: “*Scribbler's* (*filmmaker's*, *bolus'*, *cop's*, *crowned head's*, *great's*, etc..) *face was so young* ...”.

It should be noted that some of the lexical units having in the Dictionary 1998 no stylistic labels, in the description-portrait perform the same function as the stylistically labelled ones: for example, *great figure*, *bungler*, *versifier*, *a philanthropist*, *empiricist*, *despot*, *bureaucrat* etc. The assessment brightly colouring the called word leads to the perception of description-portrait with their use as a text with a strong irony: “*The eyes of the great figure* (*swindler*, *bungler*, *versifier*, *philanthropist*, *empiricist*, *despot*, *classicalist*, *bureaucrat*, etc.) *were blue* ...”.

This lexical units, as well as stylistically marked listed above, and the like, are not limited to a specific function of indicating the subject; rather, their purpose is to

express the concepts about specific subjects, their characterization. Therefore, these words are contained in the intensional part of the statement. Such lexical units are found as part of the characterization, that make up not a visual description, but the description-characterization. Within the framework of the description-characterization, the word does not contain the conspicuous emotionally expressed meaning, preserving the assessed ones. For example: “*Paklin's father was a simple commoner, who by hook or by crook served until getting the rank of titular counsellor, a walker on contentious cases, a conman ...*” (Turgenev. *Virgin Soil*).

Among the stylistically marked lexical units of the array of names of persons “by the specific features” in relation to their possible performing a function of a subject in description-portrait a group of values that under no circumstances can be the subject of the portrait is understood. These meanings are either secondary and realized as figurative, which have a stable figurativeness, picturesqueness (*blockhead*, *jackass*, *blockhead*, *simpleton*, *block*, *beast*, *filly*, etc.), Or have a priori nature of abstract and generalized values used in a figurative sense to specify a particular person (*incompetence*, *confusion*, *mediocrity*, *dullness*, *darkness*, etc.).

* *Blockhead's* (*jackass's*, *blockhead's*, *beast's*, *filly's*, etc.) *face was so young* ...

* *Dullard's* (*muddle's*, *mediocrity's*, *dullness's*, etc.) *face was so young* ...

The characterizing semantics brings forward similar lexical units to the conceptual field. These nominations are associated with the expression of the properties of a nature, character traits, but the portrait details reflect the outward signs of a person. So we see that within a statement the words describing the words *primitive*, *slowpoke*, *whale*, *skygazer*, *dock*, *artisan*, *nugget*, *phenomenon*, *wit* and similar with external portrait signs do not match.

The listed group of lexical units may function as a subject in a description only if they are represented as “citations”. («– *And the caves play an important role in the war. Is it clear to you, mugs? “Mugs” kept silent ...* » Yu. Trifonov. *Disappearance*).

Analysis of the collected text material of descriptions-portraits has shown that an array of names of persons “on the characteristic features” contains lexical units, which can be used as the subject of description-portrait only in the event that the preceding text fragment a person was designated and his actions, properties, purpose were commented. The subject nomination of the descriptions in this case — it is as if the result

of understanding properties, actions, responsibilities of the portrayed — a generalization of them. Thus, the preceding context causes nomination of the subject of a description-portrait. Such lexical units include the following group of words: *seeker, exile, liquidator, offender, discoverer, waiting, winner, wannabe, admirer, destroyer, devastator, switchman (metaphor.), founder, curator*, and many others. Without the prior context the similar words are informatively insufficient, as their significance is situational: they have a meaning of the result of an action performed earlier (*the intruder is the one, who violated; the winner is the one, who won, wannabe is the one, who can and has shown his ability to imitate, etc.*) or caused by consituation (*hero of the day, the bankrupt, the birthday boy, someone on the waiting list, etc.*).

Awareness of the importance of such words, based on the previous introduction, and use of them as a subject of description-portrait defines the value of the descriptive

text itself. This description-portrait seems to be generalizing, concluding in a scene fragment.

Thus, the use of context to describe as a clause to identify the functional-semantic and stylistic properties of the designational words “a person, a man”, allows you to split the entire array of the designational words into several groups:

1) meanings of designational words used in a role of description subject;

2) meanings of designational words that can be the subject of a descriptive text only with stylistically reduced labelling;

3) meanings of words that cannot be the subject of description, even if it is stylistically labelled;

4) meanings of situationally dependent words that do not perform introductive function as subject descriptions and therefore involve premonitory text explaining the emergence of a subject with certain properties.

References:

1. Nechaeva O. A. Functional-semantic types of speech (description, narration, reasoning): diss. of Doctor of Philological Sciences. – Moscow, 1975. – 394 p.
2. Khamaganova V. M. Typology and alignment of actantial kernel of a descriptive text (as exemplified by interior-description, and landscape-description) // Siberian Journal of Philology. – Novosibirsk: Publishing House of the Novosibirsk State University, 2006. – № 3. – P. 87–94.
3. Khamaganova V. M. Structural and semantic properties of stating texts: the extension and intension of their semantics // Research on semantics. Interuniversity scientific collection. Edition 25. – Ufa: PPC BSU, 2013. – S. 305–311.
4. Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, systematized on classes of words and meanings. V.1./ RAS. Inst. of Rus. Language; Edited by N. Yu. Shvedova. – M.: Azbukovnik, 1998. – XXIII p. – 800 p.

*Khmara Victorya Vladimirovna,
post graduate student,
Taras Shevchenko National University of Kyiv
E-mail: mistyweather@mail.ru*

Phraseological units with somatic *tooth* element in different structured languages

Abstract: This article offers comparative analysis of Phraseological Units with somatic element *tooth* based on Russian, Ukrainian, German and English. The purpose of this article is to show semantic features, isomorphic and allomorphic traits in four linguistic cultures.

Keywords: a comparative analysis, linguoculture, Phraseological Units.

The present paper focuses on comparative analysis of phraseological units with somatic element *tooth* in English, German, Ukrainian and Russian languages to identify semantic means of picture of the world manifestation and highlight isomorphic and allomorphic features in four linguistic cultures. 112 phraseological units with

somatic element *tooth* (12 — English, 32 — German, 44 — Ukrainian and 24 — Russian) have formed the empirical data of our research.

Cultural Studies is the science that shows close connection between culture and language. The study of the linguistic and cultural peculiarities of different languages

gives us an opportunity to elucidate the processes of perception and reproduction of the cultural experience through the language means. One of the main functions of the language is that it accumulates all epic achievements in scientific, social and cultural life of the nation [5, 20]. From this point of view we regard language as the main source of cultural information and a specific way of information transfer.

Cultural codes match archaic views of people. They are universal. So coding of the space has only national peculiarity and it is special for every national cultural communities [4, 62]. There are such basic codes: somatic, zoo, space, time. One of the oldest codes of culture is somatic. It is connected with parts of the body [1, 16].

One of the ways how to represent somatic code is phraseological units with somatic element. By means of such phraseological units and proverbs the language accumulates the empirical, spiritual and historical experience of the nation. The practical value of the phraseology from the cultural point of view is determined by that fact that during the long history of its development language preserves only those examples which are of great importance to human perception and are closely connected with the models, stereotypes of the nation and culture [6, 155].

Investigations in the field of phraseology show the dependence of linguistic functioning on certain ethnic community activities and the role phraseological units with somatic element in the process of interpretation and accumulation the empirical, spiritual and historical experience [8, 237–238].

Contrastive analysis of phraseological units with somatic element of genetically distant languages allows finding similarities and differences in models, stereotypes and national-cultural peculiarities [3, 22]. So, due to the contrastive analysis it becomes possible to research semantic features of phraseological units of given languages [2, 5–6].

Our investigation shows that the anthropocentric meaning reflected with the help of the somatic component in the phraseology comprises the following spheres: features of character, age, intellectual ability, feelings, emotions and others. Thus, we defined phraseological units with the somatic element *teeth/Zahn/зуби/зубы* related to 4 languages and have isomorphic meanings: **symbol of aggression and reaction to it**: **Eng.:** *armed to the teeth; to show one's teeth; an eye for an eye, a tooth for a tooth*; **Germ.:** *bis an die Zähne bewaffnet sein; Auge um Auge, Zahn um Zahn; die Zähne zeigen (weisen)*; **Ukr.:** *сушити зуби; око за око, зуб за зуб; озброєний до зубів*; **Rus.:** *око за око, зуб за зуб; быть вооружённым*

до зубов; (о)скалить зубы; misspeaking words: **Eng.:** *like pulling teeth*; **Germ.:** *etw. zwischen den Zähnen mur-meln*; **Ukr.:** *цідіти (процідіти) крізь зуби; крізь зуби точити*; **Rus.:** *сквозь зубы говорит (сказать)*; exercising self-control and patience: **Eng** *set one's teeth*; **Germ.:** *mit zusammengebissenen Zähnen (etw. tun)*; *die Zähne zusammenbeißen; Zahn auf Zahn beißen*; **Ukr.:** *ціпити (стиснути, склепити) зуби*; **Rus.:** *сжать (стиснуть) зубы*; very little amount of smth.: **Eng** *(as) scarce as hen's teeth*; **Germ.:** *das ist (reicht, geht) auf den hohlen Zahn; das ist nur auf або für den hohlen Zahn*; **Ukr.:** *на один зуб; на одного зуба*; **Rus.:** *на один зуб*.

Other common groups of phraseological units with somatic element *teeth/зуби/зубы* include:

– **experience** (in English, Ukrainian and Russian): **Eng.:** *cut one's teeth in (on) smth.*; **Ukr.:** *зуби на чому стерти (зісти)*; **Rus.:** *съестъ зубы на чём*;

– **anger** (in German, Ukrainian and Russian): **Germ.:** *einen Zahn auf (gegen, wider) j-n haben*; **Ukr.:** *скреготати (скреготіти, скрипити, скрипотіти) зубами; гострити зуби*; **Rus.:** *скрежетать зубами; точить зуб (зубы)*; failing in solving complex task: **Germ.:** *sich (D) an etw. (D) die Zähne ausbeißen (ausbrechen, stumpf beißen)*; **Ukr.:** *горішок не по зубах; обламати зуби; збутися зубів; не про зуби*; **Rus.:** *обломать себе зубы; лишиться зубов; не по зубам; не по зубам мне эти орешки*; to tremble because of cold or fear: **Germ.:** *mit den Zähnen klappern*; **Ukr.:** *дзвоніти зубами; зуб на зуб не попадає; клацати зубами; вибивати зубами чечітку*; **Rus.:** *зуб на зуб не попадает; стучать зубами*;

– **gossips** (in German and Ukrainian languages): **Germ.:** *j-n durch die Zähne ziehen; j-n zwischen den Zähnen haben*; **Ukr.:** *брати на зуби; зав'язнути в зуби; перетирати на зубах*;

– **hunger** (in Ukrainian and Russian languages): **Ukr.:** *класти (покласти) зуби на полицю (на мисник); (i) на зуб нічого покласти; на зуб нічого покласти*; **Rus.:** *зубы на полку (класть); на голодные зубы*; to divert with the help of conversation: **Ukr.:** *замовляти зуби; зуби заговаривать*; to have negative life experience: **Ukr.:** *пройти мідні труби і чортіві зуби*; **Rus.:** *прошел огни, воды, медные трубы, попал к черту в зубы и то вышел*.

The comparative analysis of phraseological units with somatic element *teeth/Zahn* in English and German also enabled us to distinguish isomorphic meanings: to work good and quickly: **Eng.:** *get teeth into the job*; **Germ.:** *einen Zahn zulegen*.

Allomorphic meaning of the phraseological units with the somatic element *teeth* include:

- **age** (in the English language): **Eng.:** *long in the tooth*; falsehood: **Eng.:** *lie in one's teeth*; desire to eat many sweet foods: **Eng.:** *have a sweet tooth*; to make bad influence on others: **Eng.:** *rotten tooth injures its neighbours*; to take some action that is intended to prevent strife or trouble: **Eng.:** *sow dragon's teeth*;

- **death** (in the German language): **Germ.:** *j-m tut kein Zahn mehr weh*; disappointing: **Germ.:** *j-m den Zahn ziehen*; eat without appetite: **Germ.:** *die Zähne (hoch) heben*; *lange Zähne machen*; *mit langen Zähnen essen*; to be able to protect one's points of view: **Germ.:** *j-d hat scharfe Zähne*; destructive hand of time: **Germ.:** *der Zahn der Zeit*; tipped the girl: **Germ.:** *j-m einen Zahn abschrauben*; to check someone: **Germ.:** *j-m auf den Zahn fühlen*; warming to keep silence: *die Zähne sollen dir ausfallen!*; request not to think about nonsense: **Germ.:** *diesen Zahn laß dir ziehen (або ausziehen)!*

- **smile** (in the Ukrainian language): **Ukr.:** *торгувати зубами, світити зубами*; risk: **Ukr.:** *до дідька в зуб*; responsible for the actions of others people: **Ukr.:** *Адам з'їв кисличку, а у нас оскома на зубах*; psychological condition when a person uncontrolled emotions and actions: **Ukr.:** *хоч зуби рви*; detect excessive indulgence, starch: **Ukr.:** *дивитися в зуби*;

- **unwillingness to lose smth.** (in the Russian language): **Rus.:** *зубами держаться*; desire to eat: **Rus.:** *разгорелись зубы*. Allomorphic meanings of the Phraseological Units with the somatic element *зуб* are.

So, phraseological units with somatic element have isomorphic and allomorphic features in English, German, Ukrainian and Russian languages. It has been shown that phraseological units with the somatic element *teeth/Zahn/зуби/зубы* in English, German, Ukrainian and Russian languages have such negative meanings: *symbol of aggression, misspeaking words, very little amount of smth.*; and positive: *exercising self-control and patience*. In addition, phraseological units with somatic element *teeth/зуби/зубы* have positive meaning *experience* in English, Ukrainian and Russian languages.

Phraseological Units with somatic element *Zahn/зуби/зубы* German, Ukrainian and Russian languages have such common negative meanings as

anger, to tremble because of cold or fear, failing in solving complex task.

Special meaning for English and German Phraseological Units is *to work good and quickly*; for German and Ukrainian are *gossips*. Ukrainian and Russian phraseological units with somatic element *зуби/зубы* have such negative meanings as *hunger, negative life experience, to divert with the help of conversation.*

Allomorphic features of the phraseological units with the somatic element *teeth* in the English language with negative meanings include: *to take some action that is intended to prevent strife or trouble, falsehood, to make bad influence on others*; and neutral: *desire to eat many sweet foods.*

Phraseological Units with the somatic element *Zahn* in the German language demonstrate specific negative meanings: *death, disappointing, eat without appetite, warming to keep silence, tipped the girl, destructive hand of time*; and positive: *request not to think about nonsense, to be able to protect one's points of view, to check someone.*

Phraseological units with the somatic element *зуб* in the Ukrainian language demonstrate specific negative meanings: *responsible for the actions of others people, psychological condition when a person uncontrolled emotions and actions, detect excessive indulgence, starch*; and positive: *smiling.*

Phraseological units with the somatic element *зуб* in the Russian language designate specific positive meanings: *unwillingness to lose smth and desire to eat.*

Thus, contrastive analysis of phraseological units with the somatic element in different languages irrespective of their origin proved to be topical as it allows singling out allomorphic and isomorphic features in the pictures of the world of the definite linguculture. Such approach enabled us to specify positive and negative associations which serve the basis for nomination in different languages.

The perspective of the investigation lies in the contrastive analysis of phraseological units with other somatic elements in East Slavic and West Germanic languages from the standpoint of lingocultural studies.

References:

1. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
2. Ибрагимова И. И. Сопоставительное исследование соматических фразеологизмов (на мат. англ. и тат. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка. – Казань, 1993. – 23 с.
3. Кашкин В. Б. Подходы к сходствам и различиям языков в истории языкознания. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1999. – С. 4–31.

4. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры. // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67, № 2. – С. 60–65.
5. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. / В. А. Маслова. – М., 1997. – 207 с.
6. Скоробогатько Н. О. Фразеологічна соматика в дзеркалі архетипних уявлень людини. / Н. О. Скоробогатько // Лінгвістика: [зб. наук. праць]. – Луганськ: Альма-матер, 2008. – № 1 (13). – С. 154–159.
7. Шевелюк В. А. Соматичний компонент як основа утворення вторинно-образного значення фразеологізмів в іспанській та українській мовах. / В. А. Шевелюк // Проблеми зіставної семантики: [зб. наук. ст.]. – Вип. 6. – К.: Вид. центр КНЛУ. – 2003. – 474 с. – С. 236–241.
8. Гаврись В. І. Німецько-український фразеологічний словник. / В. І. Гаврись, О. П. Пророченко. – К.: Радянська школа, 1981. – Т 1. – 416 с.
9. Гаврись В. І. Німецько-український фразеологічний словник. / В. І. Гаврись, О. П. Пророченко. – К.: Радянська школа, 1981. – Т 2. – 382 с.
10. Словопедія. Фразеологічний словник української мови. // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://slovopectia.org.ua/49/53407/359960.html>. – Назва з екрана.
11. Ужченко В. Д. Фразеологічний словник української мови. / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К.: Освіта, 1998. – 224 с.
12. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. / А. И. Фёдоров. – Москва: АСТ, 2008. – 880 с.
13. Apperson G. L. The Words worth Dictionary of Proverbs. / G. L. Apperson. – Wordsworth Reference, 1993. – 721 p.
14. The free dictionary. // [Electronic resource]. – Available from: <http://www.thefreedictionary.com>

Contents

Section 1. Linguistics	3
<i>Barbora Vinczeová</i>	
On the formation of colloquial neologisms in the area of contemporary TV shows' audience	3
<i>Berkeshchuk Inna Stepanovna</i>	
Cognitive aspect of Ukrainian neologisms since the independence time	7
<i>Garmash Olena Leonidivna</i>	
English affixal innovations: creating and functioning in the context of globalization	9
<i>Kravchenko Ella Alexandrovna</i>	
Poetics of onym in verse	15
<i>Liubchenko Tatiana</i>	
Correlation of the verb transitivity with other grammatical categories	18
<i>Muradova Aynur Valiaddin</i>	
New stage in the study of the problem of thematic progression (TP)	22
<i>Haxhiu Mariola</i>	
Evaluation as an important pedagogical tool in Learning and Teaching	24
<i>Rybalchenko Olga Vladimirovna</i>	
Value aspects of the concept of "family" in the contemporary media discourse Kuban	28
<i>Tumanova Ekaterina Olegovna</i>	
Aphorismus vs. Phraseologismus	30
<i>Samarin Dmitrii Aleksandrovich</i>	
Hugo Schuchardt and the onomasiological direction in grammar of the XX century	33
<i>Umirzakova Zaure Asetovna</i>	
Communicative tactics in the communicative act "Explanation"	36
<i>Khanbutayeva Leyla</i>	
Hedgings in the process of speech act	39
<i>Çoku Ornela, Erjon Muça</i>	
Noli's semantic consumption. A comparison between the original Macbeth of Shakespeare and the translated one by Fan Noli	43
<i>Tsapenko Ludmila Efimovna, Borisenko Tatiana Ilinichna, Gvozd Olga Viktorovna</i>	
Can we consider the verbal syntactical constructions to be style distinctive markers of scientific functional style?	49
<i>Shapa Ludmila Nikolaevna, Tsinovaya Marina Viktorovna,</i> <i>Kapinus Elena Leonidovna</i>	
The determination of implementation extent of the ability to form degrees of comparison by adjectives in scientific texts (based on the text corpus "Electrical Engineering")	52
Section 2. Literature	55
<i>Boklakh Dmytro Yuriiovych</i>	
The artistic structure of Petersburg's topos in the story «Artist» by Taras Shevchenko	55
<i>Kaplan Türkan</i>	
The Big House theme as reflected in the Irish history and literature	58
<i>Kornienko Alina Vladimirovna</i>	
Literary traditions of A. Chekhov and M. Maeterlinck in drama of Jean-Luc Lagarce	60
<i>Kudryashova Darya Borisovna, Pyatkin Sergei Nikolaevich</i>	
About one detail in the story of I. A. Bunin "In Paris"	65
<i>Matushkina Darya Dmitrievna</i>	
The typology of the city's loci in the novel "The Abyss" by E. Pashkovskiy	68

Section 3. Philology	71
<i>Varfolomeeva Yulia Nikolaevna</i>	
Verbal predicates with space semantics in the descriptive text.....	71
<i>Ibrayeva Damira Asanbekovna</i>	
Ellipsis phenomenon statistics	74
<i>Kaharova Iroda Sidikovna</i>	
Description and analysis negative sentences.....	77
<i>Korbozerova Nina Nikolayevna, Obruchnykova Elena Petrovna</i>	
Some observations of the sound structure of verse schemes of Andalusian flamenco songs.....	80
<i>Molea Viorica</i>	
Opinions and reflections on the use of spoken language in journalistic texts	83
<i>Khamaganova Valentina Mikhailovna</i>	
Functional, semantic and stylistic characteristics of the words designating the “description-portrait” in a lexical model of a text.....	88
<i>Khmara Victorya Vladimirovna</i>	
Phraseological units with somatic <i>tooth</i> element in different structured languages	93